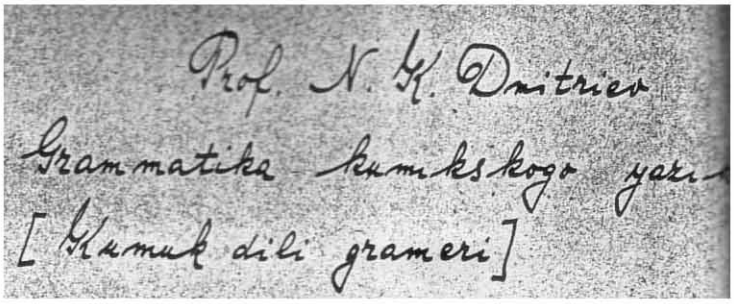
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

Проф. Н. К. ДМИТРИЕВ

ГРАММАТИКА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 – ЛЕНИНГРАД

Prof. N. K. Dmitriev
Grammatika kumykskogo yazy-
[Kumuk dili grameri]

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
проф. *Б. М. ГРАНДЕ*

ОТ АВТОРА

Настоящий опыт научной грамматики кумыкского языка составлен на основании письменных источников и личных наблюдений главным образом во время ногайско-кумыкской экспедиции 1936 г., которая была проведена под моим руководством.

По части фактического материала автор во многом обязан А. А. Сатыбалову, научные работы которого по кумыкскому языку все еще ждут публикации, как, впрочем, и труды упомянутой выше ногайско-кумыкской экспедиции.

Приводимая в книге кумыкская грамматическая терминология, ссылки на грамматики и газетный текст частично устарели за те три года, которые отделяют составление книги от ее печатания. Предлагаемая грамматика отнюдь не является нормативной: цель ее — дать систематический обзор основных особенностей кумыкского литературного языка.

ФОНЕТИКА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В настоящее время кумыкский литературный язык пользуется новым алфавитом, который выработан в начале 1938 года на основе русской азбуки. До того кумыкский литературный язык обслуживался, как и другие тюркские языки СССР, особым латинизированным алфавитом; этот последний, в свою очередь, исторически пришел на смену арабскому алфавиту, которым кумыки пользовались до революции.

В настоящем своем виде кумыкский алфавит состоит из 37 письменных знаков, 32 из которых внешне изображают на письме основные социально значимые звуки кумыкской речи или фонемы. Все звуковые варианты, которые характерны лишь для отдельных диалектов, или все особенности индивидуального произношения, которые не могут считаться типичными для говора народных масс, — литературный язык, естественно, не учитывает и на письме не передает. Перейдем к более подробному рассмотрению отдельных звуков кумыкского литературного языка, имеющих значение фонем.

В звуковом составе кумыкского языка по традиции различаются гласные звуки, которые в своей совокупности обозначаются термином в о к а л и з м, в противоположность согласным, которые объединяются в отделе к о н с о н а н т и з м а. При этом, кроме статического описания отдельных звуков, научная фонетика занимается также их динамикой, т. е. вопросами о разного рода переходах, чередованиях и ассимиляциях, что в конечном счете должно осветить историю отдельных звуков и всей звуковой системы кумыкского языка. Здесь же необходимо добавить, что подобного рода исторические разыскания до сих пор еще не производились и являются одной из первостепенных задач будущего. Очевидно также и то, что для этих разысканий понадобится дополнительный фактический материал (главным образом по старым источникам), которым мы в настоящее время еще не располагаем.

ВОКАЛИЗМ

В кумыкском литературном языке различаются следующие гласные: *а*, *о*, *у*, *ы*, *е*, *оъ*, *уъ*, *и*. Из них *а*, *у*, *и* по своей артикуляции принципиально не отличаются от соответственных звуков, которые имеются в целом ряде других языков (в частности, в русском). Кумыкское *о* так же, как *о* других тюркских языков кыпчакского типа, представляет собой нечто в роде вос-

ходящего дифтонга *уо*, т. е. комбинации *у* (*у* неслогового) с собственно гласным *о*. Звуковая ощутимость этого добавочного элемента (т. е. *у*) различна в зависимости от ударения и положения в слоге: в коротких словах и под ударением (*от* 'огонь', *онда* 'там', *орам* 'улица' и т. д.) эта особенность выступает ярче, чем в других случаях, когда она почти неуловима на слух. Характерно, что для русского уловить эту особенность кумыкского произношения не всегда легко, поскольку русское начальное и ударное *о* (о̀кна, о̀чень, о̀коло и т. д.) также представляет собой своего рода восходящий дифтонг *уо* (хотя, быть может, количественно иной, чем кумыкское *уо*), чем и отличается, например, от всех типов французского начального *о* (*autre*, *ôter*, *oser* и т. д.).

Кумыкское *ы*, как и всякое *ы* других тюркских языков, отличается от русского *ы* тем, что оно более заднее и более нижнего подъема, чем русское. Акустически кумыкское *ы* скорее напоминает русское редуцированное *а* безударных слогов (т. е. второе *а* в слове *лапа*, *капать* и т. д.).

Примеры: *къыйын* 'трудный', *кыччырмакъ* 'кричать', *йылы* 'теплый', 'жаркий'.

Кумыкский звук *е* весьма близок к русскому «узкому» или «закрытому» *э*, например, в слове *эти* (но не в слове *этот*). Такого типа *е* встречается в ряде тюркских языков с сильными кыпчакскими элементами (ногайский, казахский языки, северно-крымский диалект и т. д.). Этот звук несколько видоизменяется количественно в зависимости от своего положения в слоге (открытый или закрытый) или в слове (начало, середина, конец), а также в связи с местом ударения.

Примеры: *элек* 'сито', *терек* 'дерево', *терен* 'глубокий'.

Можно добавить, что кумыкское *е* в начале слова (графически *э*) произносится именно как *е*, а не как *йе*,[1]) что имеем (в той или иной степени) в таких тюркских языках, как казахский, ногайский и др.

В ограниченном числе слов (чаще всего — заимствованных из арабского и персидского) в кумыкском литературном произношении звучит *э* (т. е. звук типа английского *а* в *bad*); однако ныне действующая орфография не обозначает этот звук особым знаком и, следовательно, не признает его в качестве фонемы. Предшествующая орфография (латинизированного письма), равно как и новейшая, изображает это *э* через *а*, но подлинное качество этого условного *а* видно из того, что за этим «*а*» следует какой-нибудь знак «мягкого» согласного или гласного переднего ряда (чаще всего *ь*); например, пишется *гьали* 'теперь', а произносится *гьэли*, пишется *балким* 'вероятно', 'может быть', а читается *бэлики* и т. д. По наблюдению А. А. Сапбалина, к этой группе слов относятся следующие: *арив* 'красивый', 'хороший' (произносится *эрүүв*), *арек* 'далекий', 'вдали' (произносится *эрэк*), *аркылер* 'ходули' (произносится *кэкэслер*), *кама* 'сливочное масло' (произносится *кэма*), *каза* 'мотыка' (произносится *кэза*), *каманча* 'скрипка'

[1]) Однако первое *е* в кумыкских словах *этеен* (сделавший) и *эгер* (гончая собака) произносится «уже» или «закрытее», чем второе.

(произносится *кэманча*), *гъар* 'каждый', 'всякий' (читается *гъэр*), *кант этмек* 'ныть' (произносится *кэнт*), разг. *кагъыт* и лит. *кагъыз* 'бумага', 'письмо' (произносится *кэгъыт* или *кэгъыз*).

Использование смежных знаков *а* — *и* для выражения звука *э*, о чем только что говорилось выше, затрудняется тем, что в некоторых диалектах (например, буйнакский) кумыкское *ы* перешло в *и* (возможно через ступень «переднего» *ы* или $\frac{ы}{и}$, т. е. звука, среднего между *ы* и *и*), и таким образом возникли слова́ типа *сари* [1]) (вм. *сары*) 'желтый', *сарин* (вм. *сарын*) 'песня' (народная) в форме четверостишия и т. д.

Что касается звуков *оъ* и *уъ*, то они имеют специфические особенности произношения, которые отличают эти звуки даже от соответствующих звуков других тюркских языков. В отношении качества звуков *оъ* и *уъ* все тюркские языки можно разбить на 2 группы. В одних звуки *оъ* и *уъ* могут быть в общем сопоставлены с краткими *ӧ* и *ӱ* немецкого и *еи* и *и* французского языков; сюда относятся тюркские языки огузского типа (турецкий, азербайджанский и гагаузский языки, южнобережный диалект крымско-татарского языка). В других тюркских языках — кыпчакского типа (казахский, ногайский, каракалпакский и др.) — мы имеем вместо *ӧ* и *ӱ* описанного качества два соответствующих звука более задней артикуляции, т. е. как бы нечто среднее между: 1) *о* и *ӧ* и 2) *у* и *ӱ*. Эти звуки особого качества можно обозначить условно, как *ȯ* и *ẏ*. Качество и количество звуков *ȯ* и *ẏ* может изменяться в отдельных тюркских языках: иногда они приближаются к *о* и *у*, иногда сравнительно мало отличаются от *ӧ* и *ӱ*. Таким образом точную качественную характеристику *ȯ* и *ẏ* для отдельного тюркского языка можно дать только после конкретного наблюдения и изучения вопроса в каждом отдельном случае; на слух же можно только определить, совпадают ли они с обычными западными *ӧ* и *ӱ* или не совпадают. Поскольку, однако, в тех тюркских языках, где есть *ӧ* и *ӱ*, по общему правилу не бывает *ȯ* и *ẏ* и обратно, в латинизированном письме *ӧ* и *ȯ* обозначались одинаково знаком *ө*, а *ӱ* и *ẏ* — одинаково знаком *ү*. С этим совпадало и разделявшееся некоторыми (возможное, но строго не доказанное) мнение о том, что *ȯ* и *ẏ* есть продукт позднейшего видоизменения старых *ӧ* и *ӱ*. С этой точки зрения утверждали, что в кумыкском языке, который знает только *ȯ* и *ẏ*, преобладает более задняя артикуляция, чем в других тюркских языках. Относительно кумыкского *оъ* (= *ȯ*) нужно еще добавить то же самое, что мы выше говорили о звуке *о*; кумыкское *оъ* — тоже звук дифтонгообразного типа (т. е. по существу *уъ* + *оъ* — комбинация *уъ* неслогового и собственно *оъ*), причем начальный элемент этого дифтонга может изменяться количественно в зависимости от положения звука *оъ* в составе слова. Исследователь кумыкского языка Ю. Немет пользовался тремя знаками: *ө*, *ǫ* и *ӧ* вместо одного применяемого нами *ȯ*. Такое обилие звуков типа *оъ* для кумыкского (и других тюркских языков) кажется нам искусственным и опровергается материалами самого же Немета. Знак *ө* употребляется

[1]) То же и в литературном языке.

Неметом для обозначения количественной редукции (при этом не только *оъ*, но и *о*); что касается *ӧ*, то в кумыкско-балкарском словаре Немета дано только одно слово с начальным *ӧ*, именно *ӧz* 'сам', при котором, однако, тут же в скобках приведена правильная форма *o̤z*. Таким образом выходит, что основной фонемой будет именно *o̤*, которое в записях Немета представлено очень богато и которое по своему содержанию равняется нашему *ȯ* (орфографически *оъ*). В отношении *уъ* Немет также пользуется двумя знаками *ӱ* и *ұ*. Последний из них соответствует нашему *ẏ*. Что же касается первого, то введение его (по крайней мере, для литературного языка) также искусственно.

Примеры на *оъ* и *уъ*: *оър* 'верх', *оълъмек* 'умирать', *боълуънмек* 'делиться', *буълъбуълъ* 'соловей', *гуълъ* 'роза', *гуъндуъз* 'днем'.

Классификация гласных

В работах по тюркским языкам обычно проводится тройная классификация гласных: a) по месту образования звука, b) по степени участия губ в его образовании, c) по степени раскрытия рта, которое определяется положением обеих челюстей при образовании звука. При всей своей кажущейся теоретичности эта тройная схема, наоборот, скорее вызвана практикой, так как помогает осмыслить типичное для тюркских языков явление сингармонизма, о котором ниже. С точки зрения же строгой фонетики эта классификационная схема будет казаться несколько условной. В результате разделения гласных по каждому из трех названных выше принципов получаются два симметричные ряда гласных: a) передние и задние, b) губные и негубные, c) широкие и узкие. Деление гласных на передние и задние (по старой терминологии «палатальные» и «гуттуральные»), или на гласные переднего и заднего ряда, связано с тем, какая часть языка и нёба участвует в артикуляции звука. Таким образом, в кумыкском языке имеем:

гласные переднего ряда:	и	е (э)	оь	уь
гласные заднего ряда:	ы	а	о	у

Само собою разумеется, что между гласными переднего ряда (напр. *и*) и гласными заднего ряда (напр., *а*) существуют промежуточные типы которые относятся к передним или задним в значительной степени условно (например, кумыкские *оь* = *ȯ* и *уь* = *ẏ* можно отнести к переднему ряду только с некоторой натяжкой, а отнести их к заднему ряду будет еще бóльшей натяжкой). Тем не менее для осознания сингармонизма, имеющегося в тюркских языках, эта приближенная схема вполне достаточна. Издавна фигурируя в тюркских грамматиках, она была окончательно утверждена Радловым, который понимал ее, как одно из трех измерений для гласных, в общем составляющих одну схему.

Каждый из этих трех типов классификации представляет собой двойное или, как его называют в логике, дихотомическое деление. Сущность его состоит в том, что весь объем понятия делится без остатка на две части, из которых одна должна абсолютно удовлетворять какому-нибудь намеченному критерию, а вторая определяется по отрицательному признаку (отсут-

ствие этого критерия). Так, например, если бы мы вздумали делить всех людей по одному признаку — молодость, не обращая внимания на другие возможные признаки, то у нас получится две группы людей: а) молодые, т. е. те, которые абсолютно удовлетворяют предложенному нами признаку, и b) немолодые, т. е. те, которые э т о м у признаку не удовлетворяют и объединяются вместе только на этом одном основании, хотя по существу допускают внутри себя другие подразделения: немолодые люди = люди средних лет + пожилые люди + старые люди + глубокие старики и т. д. Таким образом дихотомическое деление несколько грубо, так как одна из частей делимого будет всегда несколько разнородна по своему качеству, но с другой стороны это деление исчерпывает понятие до конца: в сумму — молодые люди + немолодые люди — очевидно, войдут все люди без исключения.

Таким образом, если разделить кумыкские гласные по принципу заднего образования, то этому удовлетворят гласные: *ы*, *а*, *о*, *у*, остальные (разнородные по своему составу) можно будет объединить по отсутствию в них этого признака, т. е. назвать их «незадними» — искусственный термин, который в русском языке имеет одно значение со словом «передний». Более завуалирован принцип дихотомического деления в других прежде употреблявшихся (хотя и не всегда научных) парных терминах: «твердые — мягкие», «нёбные — гортанные», «палатальные — гуттуральные».

Переходим ко второму делению. Если в первом уже разобранном случае принцип деления (положение языка и нёба) не так легко ощущается неискушенным наблюдателем, то во втором случае деление основано на «общедоступном» признаке, который легко наблюдается простым глазом. Речь идет об активном участии губ в артикуляции гласных. С этой точки зрения гласные кумыкского (и других тюркских языков) распадаются на две категории: а) губные, т. е. *о*, *у*, *оъ*, *уъ* и b) «негубные», т. е. *а*, *е*, *ы*, *и*. Так как термин н е г у б н о й не имеет в русском языке равнозначного ему слова, то он и остается в употреблении уже без кавычек. Другие термины, которые иногда употребляются: «огубленные—неогубленные», «лабиализованные — нелабиализованные».

Третье деление основано на сравнительной широте отверстия рта или надставной трубы, как выражался Радлов. Этот критерий также легко поддается наблюдению. В результате подобного разделения получаются две категории гласных: а) широкие, т. е. такие, при которых отверстие рта раскрыто (сравнительно с другими гласными) широко: *а*, *е*, *о*, *оъ* и b) «неширокие»: *ы*, *и*, *у*, *уъ*. Термин «неширокие» легко поддается замене при посредстве слова «узкие», каковое и употребляется на практике.

Таким образом, каждый кумыкский гласный одновременно подлежит тройной квалификации:

а — гласный заднего ряда, негубной, широкий (1).
о — гласный заднего ряда, губной, широкий (2).
у — гласный заднего ряда, губной, узкий (3).
ы — гласный заднего ряда, негубной, узкий (4).

е — гласный переднего ряда, негубной, широкий (5).
оъ — гласный переднего ряда, губной, широкий (6).
уъ — гласный переднего ряда, губной, узкий (7).
и — гласный переднего ряда, негубной, узкий (8).

Как видно из этого перечня, все гласные, имеющие нечетные номера, отличаются от следующих за ними гласных, имеющих четные номера, по какому-нибудь одному признаку. Соотношение, представленное здесь, можно иллюстрировать также следующей таблицей:

	задний ряд		передний ряд	
	губные	негубные	губные	негубные
широкие	о	а	оь	е
узкие	у	ы	уь	и

Полный смысл этой таблицы, равно как и всей схемы классификации гласных, обнаружится тогда, когда мы перейдем к вопросу о динамике кумыкских звуков (сингармонизм), для чего, однако, совершенно необходимо дать предварительно статическое описание согласных. Кроме того, эта же таблица полезна и для морфологии (по вопросу о составе слов). Так, в кумыкском языке (как и во многих тюркских) широкие губные гласные (т. е. *о* и *оъ*) встречаются только в 1-м слоге слова и при всех морфологических изменениях дальше этого слога не идут (исключаются только слова заимствованные).

Примеры: *боюн* < *бойун* (а не **бойон*) 'шея', *боъруъ* (а не **боъроъ*) 'волк', *доънмек* (а не **доънмоък*) 'изменяться', 'превращаться', *гоъчуърмек* (а не **гоъчоърмоък*) 'переселять', *йол* 'дорога', *йолда* (а не **йолдо*) 'на дороге', *онда* (а не **ондо*) 'там', *орам* (а не **ором*) 'улица', *орун* (а не **орон*) 'постель' и т. д.

Кроме того, узкие гласные отличаются двумя особенностями: 1) они чаще встречаются в аффиксах, чем широкие, т. е., другими словами, аффиксов с узкими гласными больше, чем аффиксов с широкими, 2) они, если можно так выразиться, менее устойчивы, т. е. иногда выпадают. Например:

боюн < *бойун* 'шея', но *бойн-ум* (вм. **бойун-ум*) 'моя шея', *оюн* < *ойун* 'игра', но *ойн-а-макъ* (вм. **ойун-а-макъ*) 'играть'.

Более подробно о том и другом случае см. на страницах 23 и 63.

КОНСОНАНТИЗМ

В кумыкском литературном языке насчитываются следующие согласные: б, п, в, ф, д, т, з, с, ж, ш, ч, й, к, г, къ, гъ, х, гь, р, л, м, н, нгъ (нг).

По месту образования их можно классифицировать так: *губные: б, п, в, ф, м, зубные: д, т, з, с, н, нёбно-зубные: ж, ш, ч, среднеязычные: й, к, г, заднеязычные: къ, гъ, х, нгъ (нг), гортанные: гь, латеральные: р, л (лъ).*

По способу образования различаются: *сонорные: р, л (лъ), м, н, нгъ (нг)* и *шумные* (все остальные). Внутри шумных различаются *смычные* (или

взрывные): *б*, *п*, *д*, *т*, *к*, *г*, *къ* и *спиранты* (иначе: *фрикативные*): *в*, *ф*, *з*, *с*, *ж*, *ш*, *й*, *гъ*, *х*, *гь*. Комбинация смычного со спирантом (преимущественно одного или близкого места образования) называется *аффрикатой*. К аффрикатам относятся кумыкские звуки: *жʲ*[1]) (= *д* + *ж*) и *ч* (= *т* + *ш*).

Кроме того, по участию голоса в образовании звука различают глухие и звонкие согласные. Глухие, в образовании которых голос не участвует, следующие: *п*, *ф*, *т*, *с*, *ш*, *ч*, *к*, *къ*, *х*, *гъ*. Звонкие в образовании которых участвует голос, делятся на 2 группы: а) *звонкие, составляющие парные варианты к глухим: б* (соответствующий парный вариант *п*), *в* (соответствующий парный вариант *ф*), *д* (соответствующий парный вариант *т*), *з* (соответствующий парный вариант *с*), *ж* (соответствующий парный вариант *ш*), *жʲ*[1]) (соответствующий парный вариант *ч*), *г* (соответствующий парный вариант *к*), *гъ* (соответствующий парный вариант *къ* с той, однако, разницей, что *къ* — смычный, а *гъ* — спирант); b) *звонкие, не имеющие глухих вариантов: й*, *р*, *л (лъ)*, *м*, *н*, *нгъ (нг)*. С этой точки зрения и гласные, в образовании которых голос играет активную роль, могут быть названы звонкими, не имеющими глухих вариантов.

Из всех подразделений согласных наибольшее значение для кумыкского языка имеет распадение их на звонкие и глухие: это соотношение является одной из существенных частей сингармонизма (см. ниже).

Кроме того, немногие согласные допускают подразделение их на звуки заднего и переднего ряда (как это мы видели в гласных), что́ язык также реализует в области сингармонизма. Вот эти согласные:

задний ряд: *къ* — *гъ*
передний ряд: *к* — *г*

В собственно кумыкских словах согласные *къ* и *гъ* могут сочетаться только с гласными заднего ряда, а согласные *к* и *г* только с гласными переднего ряда.

Примеры: *къумукъ* (а не **кумук*) 'кумык', *коъмек* (а не* *къоъмекъ*) 'помощь', *учгъун* (а не **учгун*) 'искра', *гоъбуък* (а не **гъобуъкъ*) 'пена'.

В словах, которые кумыкский язык усвоил в революционную эпоху из или через посредство русского, это старинное положение уже не соблюдается: *колхоз* (а не *къолхоз*) 'колхоз', *комсомол* (а не *къомсомол*) 'комсомол', *гараж* (а не *гъараж*) 'гараж'. Иначе говоря, в словах такого рода пишется всюду *к* и *г*.

Остальные кумыкские согласные могут приобретать более передний оттенок в соединении с передними гласными (например, *бер* 'давай') и более задний — в соединении с гласными заднего ряда (например, *бар* 'имеется', 'есть'); в первом случае, если его изобразить точнее, получается нечто вроде *б°ер°*, а во втором — *б°ар°*. Однако оттенок этот создает только парные варианты одной фонемы (*б°* и *б°* — разновидности фонемы *б*), а не

[1]) В современном письме аффриката *жʲ* (= *д* + *ж*), т. е. лат. *ç*, и собственно *ж* (спирант) не различаются, и, таким образом, знак *ж* имеет две функции.

новую фонему. Несколько иначе обстоит дело со звуком *л*, который имеет два варианта, доходящие, строго говоря, до положения отдельных фонем: переднее латеральное *лъ* («тверже» рус. 'ль') и заднее велярное *л* (= русск. '*л*'). В собственно кумыкских словах первый тип употребляется только при гласных переднего ряда (например, *элли* — '50'), а второй — при гласных заднего ряда (например, *ала* — 'пестрый'). Радлов в своих записях по тюркским языкам законно пользовался двумя знаками: *л* и *l*, Немет и другие западные исследователи, в языке которых *л* и *l* не различаются, обходились одним (явно недостаточным) *l*. По этому же пути пошла латинизация тюркских алфавитов, и только ныне при переходе на новый алфавит кумыки получили возможность пользоваться двумя знаками: *л* и *лъ*.

Из всех согласных, которые мы перечислили выше, только звуки *в*, *ф*, *к*, *г*, *къ*, *гъ*, *нгъ* (*нг*) вызывают особые замечания; остальные согласные мало отличаются от соответствующих звуков в других тюркских или в русском языке.

Звук *в* в кумыкском языке губо-губной, т. е. типа английского *w*. Например, *къуванч* 'радость' произносится именно как *къууанч*, а не *куванч*. Ср. еще *авара* (читай: *ауара*) 'хлопоты', 'заботы', *аваз* (читай: *ауаз*) 'звук'. Губо-зубное *в* (т. е. то же, что и в русском) кумыкский язык приобрел уже в революционную эпоху, усвоив из или при посредстве русского языка целый ряд новых терминов и слов.

Примеры: *совет* < 'совет', *завод* < 'завод', *вагон* < 'вагон', *велосипед* < 'велосипед' и мн. др.

К числу таких же так называемых интернациональных фонем для кумыкского языка принадлежит и звук *ф*, который до революции встречался только в заимствованных словах и притом заменялся через *п*: *пайда* 'польза' из арабского *fajda*, *панар* 'лампа' из русского *фонарь*, *пес* 'феска' из турецкого *fes* и т. д.

Что касается аффрикаты *ц* (= *т* + *с*), которая до революции в старом арабско-кумыкском алфавите не числилась, то усвоение ее подготовлялось жизнью еще до революции: кумыкский язык территориально окружен языками, в которых этот звук имеется; имеется он и в одном из кумыкских диалектов (хайдакско-кумыкском). Таким образом, усвоение этой фонемы кумыкским литературным языком, происшедшее после революции, никаких затруднений не встретило.

Кумыкское *гъ* (глухой гортанный спирант) по качеству близко хотя бы к немецкому *h*. Звонкой пары не имеет.

Примеры: *гъакъыл* 'ум', *гъиз* 'след', *гъарп* 'буква'.

Кумыкское *х*, наоборот, совпадает с русским: *хабар* 'известие', *хайр* 'прибыль', *хынжал* 'кинжал', *халта* 'зелень', *хоншу* 'сосед'.

Кумыкское *нг* по существу представляет собой аффрикату: *н* + *гъ* (*г*) (*гъ* или *г* — смотря по характеру окружающих гласных). В литературном произношении звук *нгъ* (*нг*) вообще звучит как единый звук (аффри-

ката); однако в диалектах (особенно в буйнакском) *нгъ* (*нг*) существует в разложенном виде, т. е. *н* + *гъ* или *н* + *г*, и это обстоятельство до последнего времени оказывало сильное влияние на орфографию литературного языка, внося в нее определенный разнобой: так, в эпоху латинизированного алфавита можно было встретить параллельные начертания: *miŋ* и *ming* 'тысяча', *aŋlamaq* и *anqlamaq* 'понимать' и т. д. «Разложение» *нгъ* (*нг*) в кумыкском языке напоминает нечто подобное в определенной группе живых узбекских говоров. Приспосабливаясь к окружающим гласным, *нг* может быть более передним (*нг* = $\overset{\frown}{н + г}$) и более задним (*нгъ* = $\overset{\frown}{н + гъ}$). Как и в других тюркских языках, *нгъ* (*нг*) встречается только в середине или в конце слова.

Примеры на *нгъ* (*нг*): *донгъуз* 'свинья', *генг* 'широкий', *гьингъкъал* 'хинкал' (род дагестанского блюда вроде галушек), *енг* 'рукав', *онгъ* 'правый', 'правильный', *тенг* 'ровный', 'одинаковый'.

В одних случаях *нгъ* (*нг*), повидимому, существовавший исторически, в современном языке уже исчез (*магъа* 'мне', *сагъа* 'тебе' и т. д. вм. *мангъа* и *сангъа*; кыпчакская черта); в других — он возник в силу ассимиляции (*уъйденг йелъ* вм. орфографического *уъйден гелъ*); об этих последних случаях будет сказано ниже (стр. 29—30).

Звук *къ* (заднеязычный глухой смычный) в буйнакском и отчасти хайдакском диалектах озвончается, т. е. произносится, как заднеязычный звонкий смычный (условное обозначение: *к̄ъ*). Этот особый звук типичен для тюркских языков Прикаспия (азербайджанский, кумыкский, туркменский, язык Персидского Азербайджана); [1]) его описание дано в статье Р. Шор (сборник «Советское языкознание», т. II). Тем не менее в кумыкском литературном произношении (равно как и в хасав-юртовском диалекте кумыкского языка) имеем обычное глухое *къ*.

Примеры: *къумукъ* 'кумык', *къарамакъ* 'смотреть', *къазыкъ* 'кол', *къоян* 'заяц'.

Об озвончении *къ* (т. е. о переходе *къ* > *гъ*) будет сказано ниже.

Кумыкские *к* и *г* имеют некоторые отличия от тех же звуков в других тюркских языках. Находясь перед *е*, звуки *к* и *г* подвергаются весьма сильной палатализации, т. е. фактически произносятся, как *к*^{ь} и *г*^{ь}.

Примеры: *гельмек* 'приходить' (читай: *г*^{ь}*елъмек*^{ь}), *кечелъ* 'лысый' (читай: *к*^{ь}*ечелъ*).

Находясь перед *оъ* и *уъ*, звуки *к* и *г* лабиализуются, т. е. фактически произносятся, как *к*^{о} и *г*^{о}.

Примеры: *гуълъ* 'роза' (читай: *г*^{о}*уълъ*), *гоъз* 'глаз' (читай *г*^{о}*оъз*), *гуъчлуъ* 'сильный' (читай: *г*^{о}*уъчлуъ*).

---

[1]) То же в значительной степени относится и к живому персидскому языку.

Иногда, если в слове преобладают губные гласные переднего ряда, лабиализация *к* и *г* происходит и перед следующим *е*: *оьлтуьрген* 'убитый' (читай: *оьлтуьрг°ен*).

Кумыкский смычный согласный *б*, оказываясь в положении между гласными, спирантизуется, т. е. произносится, как нечто среднее между *б* и *в* (условное обозначение $\frac{б}{в}$). В этом отношении, как и в предыдущем, кумыкский язык сходен с туркменским и другими тюркскими языками.

Примеры: на $\frac{б}{в}$: *сабан* 'соха', 'плуг' (читай: *са$\frac{б}{в}$ан*), *чабакъ* 'лещ' (читай: *ча$\frac{б}{в}$акъ*), *къабан* 'кабан' (читай: *къа$\frac{б}{в}$ан*).

Это явление для кумыкского языка было отмечено еще Неметом, который говорит о нем в предисловии к своему словарю (Keleti Szemle XII, стр. 91).

Согласные в начале слова

По признаку преобладающих начальных согласных в слове тюркские языки можно разбить на две условные категории: языки с относительно свободным типом начальных согласных и языки с относительно несвободным типом начальных согласных. К первой категории принадлежат языки с преобладающими огузскими элементами (азербайджанский, туркменский, гагаузский языки и южнокрымский диалект крымско-татарского языка), ко второй группе — языки с преобладающими кыпчакскими элементами (казахский, киргизский, ногайский, каракалпакский, узбекский и др.). Относительная свобода в выборе начальных согласных для языков первой категории заключается в том, что эти языки допускают в абсолютном начале слов звонкие *д* и *г*, тогда как языки второй категории имеют здесь соответствующие глухие *т* и *к*. Таким образом, словам *дагъ* 'гора' и *гель* 'приходи' — в языках второй группы будут соответствовать формы *тагъ*||*тав* и *кель*. До последнего времени исследователи молчаливо признавали, что тип *д* — *г* — вторичный, развившийся впоследствии из первоначального и более старого *т* — *к*. Основанием к этому служил тот факт, что в древнейших тюркских текстах VIII века и более ранних (енисейско-орхонские надписи) отмечен только один тип *т* — *к*. Однако этот факт еще не является решающим, поскольку на ряду с енисейско-орхонским языком существовали другие тюркские языки (на это есть указания в самих орхонских текстах), в которых мог преобладать и тип *д* — *г*. Так как в структуре кумыкского языка довольно ярко выявлены именно кыпчакские элементы, то теоретически можно было ожидать и в кумыкском языке типа *т* — *к*. Фактически, однако, дело обстоит сложнее. В разбираемом вопросе (как и в некоторых других) кумыкский язык занимает переходное положение: для него характерен промежуточный тип *т* — *г*. Остановимся сперва на втором члене этой формулы, именно на начальном *г*. Там, где большинство языков кыпчакского типа [1]) имеет *к*, в кумыкском находим последовательное *г*,

[1]) Исключения представляют, например, хивинские говоры узбекского языка и некоторые говоры киргизского.

что и составляет одну из важных особенностей кумыкского языка. В этом отношении интересно сопоставить кумыкский язык с территориально близким ногайским (тоже языком кыпчакского типа), который характеризуется начальным *к*.

Примеры: кум. *гуън* 'день', ног. *куън*; кум. *гече* 'ночь', ног. *кеше*; кум. *гелин* 'невеста', ног. *келин*; кум. *геме* 'лодка', 'корабль', ног. *кеме*; кум. *герек* 'нужно', ног. *керек*; кум. *гертме* 'дикая груша', ног. *кертпе*; кум. *гет* 'уходи', 'иди' ног. *кет*; кум. *гиши* 'человек', ног. *киси*; кум. *гоъз* 'глаз', ног. *коъз*; кум. *гуъч* 'сила', ног. *куъш* и мн. др. Есть и исключения, например, кум. *коълъ* 'озеро', ног. *коълъ* и др.

Интересно отметить любопытный случай звуковой и смысловой дифференциации: кум. *гоък* 'синий', но *коък* 'небо' — при ногайском *коък* 1) 'синий', 2) 'небо'. Окончательного разъяснения всем этим фактам еще не представлено; предполагают только, что кумыкский язык, как более древний язык Северного Кавказа по сравнению с ногайским, заимствовал огузские черты от тех языков, которые легли в основу нынешнего азербайджанского и туркменского языков: черты соприкосновения с последним устанавливаются по нескольким пунктам, которые мы отмечаем в своем месте.

Само собою разумеется, что изложенное звуковое явление касается только старого фонда кумыкского словаря, т. е. так называемых собственно кумыкских слов, и ни в коей мере не распространяется на словарные заимствования, которые могли быть и были, начиная с эпохи распространения ислама на Кавказе и вплоть до наших дней.

Примеры: *каманча* (перс.) 'скрипка', *керпич* (перс.) 'кирпич', *кино* 'кино', *кило* 'кило', *кепка* 'кепка' и т. д.

Что же касается начального *т* (а не *д*), то в этом вопросе кумыкский язык по существу не отличается от других тюркских языков кыпчакского типа, которые считают начальное *т* обязательным для старого словарного фонда.

Примеры: кум. *тав* 'гора', ног. *тав*, азерб. *дагъ*; кум. *таш* 'камень', ног. *тас*, азерб. *даш*; кум. *тилъ* 'язык', ног. *тилъ*, азерб. *дилъ*; кум. *тиш* 'зуб', ног. *тис*, азерб. *диш*; кум. *тиз* 'колено', ног. *тиз*, азерб. *диз* и мн. др.

Тем не менее, как и в языках кыпчакского типа, в кумыкском языке находим определенное число старых, «собственно кумыкских» слов с начальным *д*. Сюда относятся такие случаи, как *дуър* 'да', *дели* 'смелый', *денгиз* 'море', *дым* 'влажный', *донгуз* 'свинья', *доъгуърчек* 'колесо', *доънмек* 'превращаться', *доърт* 'четыре', *дум* вид ковра, *дурр* || *дырр* 'тпру!' и др. Сюда не входят звукоподражательные элементы кумыкского происхождения, заимствования из других тюркских языков (*долма* 'капустники' при кумыкском *толмакъ* 'наполняться') и заимствования нового времени.

К числу особенностей, связанных с начальными согласными кумыкского

слова, относится появление так называемого вторичного или неэтимологического *гъ*. Это *гъ* возникает перед начальным гласным некоторых кумыкских, а чаще заимствованных из арабского корней. Причины его появления неясны; можно предполагать, что это *гъ* есть своеобразная замена арабских «хамзы» и «айна», которые этимологически предшествуют начальному гласному.

Примеры: *гъакъыл* 'ум' вм. *акъыл* (по-арабски в начале этого слова стоит особый согласный «айн»), *гъапламакъ* 'лаять' (в других тюркских языках *авламакъ*), *гъаракъы* 'водка' (в начале этого слова по-арабски стоит «айн»), *гъашыкъ* 'влюбленный' (по-арабски в начале этого слова «айн»); *гъав* 'охота' (в других тюркских языках, а также в отдельных кумыкских говорах *ав*), *гъавлия* 'полоумный' (по-арабски в начале слова — «хамза»; в других тюркских языках в начале этого слова стоит *а* или *э*, в буйнакском диалекте кумыкского языка *авлия*), *гъиз* 'след' (в других тюркских языках *из* || *ыз*), *гъоъкуънмек* 'раскаиваться' (в других тюркских языках *оъкуънмек*), *гъайва* 'айва'. В говоре стариков Эндирей-аула отмечена форма (чисто-фонетическая) *гъокъкъа* вм. *окъкъа* 'кило'.

По признаку чередования начального *й* || *дж* (*ж*), которое служит критерием для деления всех тюркских языков кыпчакского типа на две группы, кумыкский язык принадлежит к группе *й*, т. е. в нем решительно преобладает тип слов с начальным *й*, а не с начальным *дж* (как в ногайском, казахском и других).

Примеры: *ябу* 'рабочая лошадь', *ягъа* 'край', 'берег', 'воротник', *яй* 'лето', *яяв* 'пешком', *яман* 'плохой', *йол* 'дорога', *яв* 'вражда', *ярты* 'половина' и мн. др.

Общеизвестно, что этим словам в казахском и ногайском литературных языках соответствуют те же слова, но не с начальным *й*. Упомянутая особенность опять сближает кумыкский язык с тюркскими языками огузского типа, т. е. с туркменским и с азербайджанским. Из немногих кумыкских слов с начальным *дж* в кумыкском можно назвать: *жыймакъ* 'собирать' и *жувмакъ* 'мыться'; характерно, что первое слово в Крыму — даже на южном берегу, где наблюдается исключительно начальный *й*, — также произносится *джыймакъ*.

Зато в одном отношении кумыкский язык явно примыкает к тюркским языкам кыпчакского типа. Мы имеем в виду чередование начального *б* и *м*. Если в слове, которое начинается на *б*, дальше следовал носовой согласный, то *б*, ассимилируясь с ним в смысле назализации, переходило в *м*. Таким образом, огузско-тюркской форме *бен* соответствует кыпчакско-тюркская *мен*, огузско-тюркской *бунда* — кыпчакско-тюркская *мунда* (при общей исходной форме *бу*) и т. д. То обстоятельство, что *мунда* является производной величиной от *бу* и что *мен* соизмеряется с *биз*, заставляет признать формы *бен* и *бунда* более старыми, а формы *мен* и *мунда* — вторичными. Поскольку всякая схема условна, нельзя считать, что замена начального *б* через *м* есть признак только кыпчакско-тюркской группы: эта особенность

распространилась также на азербайджанский и туркменский, которые по основным признакам относятся к огузско-тюркской группе.

Примеры из кумыкского языка: *мунча* 'так', 'столько' (вм. *бунча*), *мунда* 'здесь', 'сюда', *мундан* 'отсюда' (последние две формы вм. *бунда* и *бундан*), *мен* 'я' (вм. *бен*), *минг* 'тысяча' (вм. *бинг*), *минмек* 'садиться верхом' (вм. *бинмек*), *мына* 'вот' (вм. *бына*).

В словаре Немета отмечены два заимствованных слова: *мамукъ* 'вата' (вм. *памукъ* — из персидского) и *мина* 'здание' (из арабского *бина'*). Имеются примеры и на переход начального *б* в *м* при отсутствии носового согласного в корпусе слова: *мыйыкъ* 'усы' (вм. *быйыкъ*) и *мишик* 'кошка' (вм. *бишик*).

Однако в вопросе о переходе начального *б* в *м* кумыкский язык занимает не такую крайнюю позицию, как, например, казахский и другие. Иными словами: в кумыкском языке имеется ряд случаев, где этот переход не состоялся, несмотря на наличие необходимых для этого условий. Сюда относятся такие слова, как *боюн* (а не *моюн*) 'шея', *бурун* (а не: *мурун*) 'нос', 'мыс', *булан* 'с', 'посредством' (послелог). Форма *бусурман* 'мусульманин' возникла в результате диссимиляции путем обратного перехода *м* > *б* (из арабо-персидской формы мн. числа *muslimān* > *musluman*). Собственное имя *Баммат*, возможно, происходит из *Бай-Магьаммат*. В литературном языке отразились колебания диалектов насчет начального *б* или *м*. Достаточно взять хотя бы склонение слóва *бу*, где имеем *мунда* и *мундан* при *буну*.

Из других особенностей согласного начала кумыкских слов укажем на переход этимологического *къ* в *х*.

Примеры: *хоншу* 'сосед' (вм. *къомшу*), *хум* 'песок' (вм. *къум*), *хадир* 'положение', 'возможность', 'цена' (из арабского *qadr*), *хомурсгъа* 'муравей' (вм. *къомурскъа*), *хурт* 'червяк' (вм. *къурт*).

Та же черта в диалектах Крыма и Азербайджана.

Согласные в середине слова

В отношении согласных, которые стоят в середине слова, кумыкский язык характеризуется наличием удвоенных согласных или так называемых геминат.

В качестве примера можно привести следующие слова: *аччы* 'горький', 'кислый', *исси* 'теплый', *уллу* 'большой', *гиччи* 'маленький', *беззек* 'лихорадка', *итти* 'острый', *къатты* 'твердый', 'крепкий', *оччам* 'тмин', *къажъкъа* 'долина', 'балка', *къоччакъ* 'смелый'.

При этом, разумеется, речь идет о таких удвоенных согласных, происхождение которых нельзя объяснить ассимиляцией (см. ниже), на что можно привести чрезвычайно много примеров.

В других тюркских языках (кроме карачаево-балкарского и, отчасти, азербайджанского) подобного рода удвоенные согласные в корне почти не встречаются, но это является типичной особенностью для соседних

с кумыкским яфетических языков, и данный факт позволяет поставить вопрос о взаимодействии между этими двумя системами.[1])

Другие тюркские языки знают удвоенный (долгий) согласный в корне для следующих случаев: 1) отдельные слова типа старых заимствований: *эшшек* [2]) 'осел' из монгольского *elcigen*, 2) числительные: *экки* '2', *етти* '7', *секкиз* '8', *докъкъуз* '9', *элли* '50', из которых в кумыкском двойные согласные сохранились в *етти* '7' и *элли* '50'.

Так же, как и другие кыпчакско-тюркские языки, кумыкский язык сохранил в середине некоторых слов группу «согласный + *къ* (> *х*)», которая в огузско-тюркских языках утратила *къ* > *х*. Речь идет о таких словах, как *инчке* > *инче* 'тонкий', из которых второй тип характеризует огузско-тюркские, а первый — кыпчакско-тюркские языки.

Примеры из кумыкского языка: *къысгъа* (а не: *къыса*) 'короткий', *чычгъан* (а не: *чычан*) 'мышь', *инчге* (а не: *инче*) 'тонкий', *ичгери* (а не: *ичери*) 'внутрь', *тышгъары* (а не: *тышары*) 'наружу' и др.

Необходимо добавить, что в этом отношении, как и в других, кумыкский язык не идет так далеко, как остальные кыпчакско-тюркские языки; это видно из того, что целый ряд слов в современном кумыкском утратил старое *къ* (> *х*).

Согласные в конце слова

В отношении конца слов кумыкский язык, как и другие тюркские, подчиняется следующему правилу. В собственно кумыкских словах (т. е. исключая заимствований, которые могут быть установлены исторически) на конце слова может быть или 1) гласный, или 2) согласный (любой), или 3) группа из двух согласных: *й*, *р* или *л* (*ль*) или *н* + любой согласный. Слова, усвоенные кумыкским словарем в революционный период, этому правилу не подчиняются.

Примеры: [3]) *яздырт* 'заставь (кого-нибудь) писать через третье лицо', *айланч* 'окольный путь', *тынч* 'легкий', *суюнч* 1) 'радость', 2) старое название города Грозного, *къызгъанч* 'жадный', *черт* 'щелкни', *эльт* 'неси', *арт* 'зад', 'спина', *айт* 'скажи', *къайт* 'вернись', *ланц* 'молния', *чарс* 'пасмурно', *харс* 'хлопание в ладоши', *ант* 'клятва', *чинк* 'самый', 'очень', *янч* 'мни', *чанч* 'коли', *гъынкъ* 'иканье', *чонкъ* 'яма', *къыркъ* 1) '40', 2) 'стриги', *къоркъ* 'бойся', *боърк* 'шапка', *доърт* '4', *хурт* 'червяк', *сырт* 'спина', 'хребет', *къарт* 'старик', *чорт* 'прямо', 'круто', *керт* 'резьба', 'зубец', 'грань', *туърт* 'толкай', *туърк* 'турок' и др.

СИНГАРМОНИЗМ

Как и все другие тюркские языки, кумыкский язык унаследовал из древней эпохи своего развития явление так наз. сингармонизма. Сингар-

---

[1]) О другом несомненном факте воздействия яфетических языков на кумыкский смычногортанная артикуляция согласных) будет сказано ниже.

[2]) Та же форма и в некоторых кумыкских говорах.

[3]) Примеры заимствованы из перечня, подобранного А. Сатыбаловым.

монизм (дословно «созвучие» или «согласование») обычно состоит в том, что все звуки (гласные и согласные) аффиксов, стоящих при известном корне слова, должны согласовываться с основными звуками (гласными и согласными) этого корня. Отсюда следует, во-первых, то, что сингармонизм распадается на: а) гармонию гласных и b) гармонию согласных, и, во-вторых, то, что сингармонизм проявляется как в корнях, так и в аффиксах. Для современной стадии кумыкского языка сингармонизм в корнях есть уже своего рода пережиток: старинные, собственно кумыкские корни, подчинялись сингармонизму; корни же заимствованные (арабские, персидские и, особенно, новые заимствования революционной эпохи) сингармонизму не подчиняются. Что же касается второго типа сингармонизма (т. е. согласования звуков аффикса со звуками корня), то он сохраняет полную силу и в современном языке.

По какому же признаку идет согласование звуков корня и звуков аффикса? Это согласование или ассимиляция (уподобление), как эти процессы называются в языкознании, обычно направлено вперед, т. е. от корня к аффиксу, а не обратно, чем как бы подчеркивается зависимое положение аффикса, который является только оформителем центральной смысловой части слова, т. е. корня. Для того, чтобы подойти к вопросу конкретно, разберем в отдельности каждый случай сингармонизма.

Гармония гласных

Гармония или согласование гласных аффикса с гласными корня проводится по тем принципам, о которых мы упоминали в отделе классификации гласных. Различаются два вида гармонии гласных: нёбная гармония и губная гармония. Сущность нёбной гармонии (или нёбного притяжения) состоит в том, что после корня с нёбными гласными могут прибавляться в порядке оформления сло́ва только такие аффиксы, в которых имеются нёбные гласные. Так, например, после слова *эр* 'мужчина', которое имеет один гласный и притом нёбный (*э*), могли бы следовать аффиксы только с нёбными гласными (т. е. с одним из четырех: *е*, *и*, *оъ*, *уъ*). Поэтому во мн. числе мы имеем *эр-лер* 'мужчины', а не **эр-лар*, в винительном падеже: *эр-ни* 'мужчину', а не **эр-ны*, в местном падеже: *эр-де* 'у мужчины', а не **эр-да*, в категории принадлежности *эр-им* 'мой мужчина' > 'мой муж', а не **эр-ым* и т. д. Обратная сторона нёбного притяжения выражается так: после корней с ненёбными гласными в аффиксах могут быть только ненёбные гласные. Так, от слова *ор* 'ров' все те категории, которые мы образовали от слова *эр*, будут звучать: *ор-лар*, а не **ор-лер* 'рвы', *ор-ну*, а не: **ор-нуъ* 'ров' (вин. пад.), *ор-да*, а не **ор-де* 'во рву', *ор-ум*, а не **ор-уъм* и не **ор-им* 'мой ров' и т. д. Таким образом, аффикс каждой категории (множественное число, винительный падеж, местный падеж, принадлежность и т. д.) не имеет единого стабильного вида, а представляет собой теоретическое единство нескольких вариантов (например, множественное число $\frac{лар}{лер}$), причем в каждом конкретном случае берется тот вариант, гласные которого соответствуют гласным корня. Что касается корней, то они прин-

ципиально должны быть выдержаны с точки зрения единства гласных (или нёбные, или ненёбные).

Примеры: *терек* 'дерево', *гиши* 'человек', *савусгъан* 'сорóка', *сабан* 'плуг', *ортакъ* 'общий', *коъпуър* 'мост', *къоян* 'заяц', *юген* 'поводья', 'уздечка', *енгилъ* 'легкий', *яман* 'плохой', *инчге* 'тонкий', *хомурсгъа* 'муравей', *гоъгуърчуън* 'голубь', *гуълентги* 'тень', *денгиз* 'море' и т. д.

В заимствованных словах такого единства гласных может и не быть, и тогда прибавляющийся к ним кумыкский аффикс согласуется с последним слогом корня.

Примеры: *жагъилъ* (из арабского) 'молодой', 'неопытный' — мн. число *жагъилъ-лер*, а не: **жагъилъ-лар*, *чинар* (из персидского) 'платан' — мн. число *чинар-лар*, а не: **чинар-лер*, *кино* 'кино' — мн. число *кино-лар*, а не: **кино-лер*.

То же правило соблюдается и в сложных кумыкских словах, уже слившихся в одно понятие: *белъбав* 'пояс' (*белъ* 'поясница' + *бав* 'узел') — мн. число *белъбав-лар* (а не **белъбав-лер*).

Как видно из приведенного несколько выше примера *ор-ум* 'мой ров', кроме соотношения гласных по признаку нёбности или ненёбности (*-ым*, *-им*), иногда учитывается и соотношение их по признаку огубленности или неогубленности: в данном случае именно *ор-ум*, а не **ор-ым*. Таким образом, в некоторых случаях язык как бы не удовлетворяется одной нёбной гармонией, а вводит еще и губную гармонию. На этом именно и построено различие форм: *ор-ум* 'мой ров' и *ат-ым* 'мой конь'; хотя корни (*ор* и *ат*) с точки зрения нёбности относятся к одной категории, с точки зрения огубленности и неогубленности они относятся к разным (*ор* — губной корень, *ат* — негубной). Таким образом принцип губной гармонии сводится к следующему. Не довольствуясь согласованием по признаку нёбности, корни с губными гласными могут принимать аффиксы только с губными гласными.

Примеры: *йол* 'путь', *йол-у* (а не: **йол-ы*) 'его путь', *гоъз* 'глаз', *гоъз-уъ* (а не **гоъз-и*) 'его глаз', *кино-буз* 'наше кино'.

Обратная сторона губной гармонии: после негубных корней следуют аффиксы с негубными гласными.

Примеры: *ат-ыбыз* (не: **ат-убуз*) 'наш конь', *къан-ыбыз* (не: **къан-убуз*) 'наша кровь'. Слова, имеющие в корне дифтонг со 2-м элементом *в* (точнее, у неслогового, т. е. *у̯*), считаются губными. Точнее говоря, аффиксы с узкими гласными, идущие после подобного дифтонга, всегда ставятся в губном варианте. Эта характерная особенность кумыкского языка наблюдается также в карачаево-балкарском.

Примеры: *тав* 'гора' — *тав-убуз* (не **тав-ыбыз*) 'наша гора', *бав* 'сад' — *бав-убуз* (а не: **бав-ыбыз*) 'наш сад', *гъав-чу* 'охотник' и т. д.

В заимствованных словах решающее значение для ассимиляции также имеет последний слог: *директор-убуз* (а не: **директор-ыбыз*) 'наш директор', *юрист-ибиз* (а не: **юрист-убуз*) 'наш юрист' и т. д.

Как и во многих тюркских языках, в кумыкском губная гармония утратила свой общеобязательный характер и применяется ныне с некоторыми ограничениями. Эти ограничения связаны со следующими моментами. Во-первых, в современном кумыкском литературном языке (иногда в противоположность диалектам) губные гласные *о* и *оъ* могут стоять только в 1-м слоге сло́ва (не считая, конечно, заимствований типа *кино*, *вагон*, *сектор*, *барокко* и т. д.). Пользуясь схемой тройного деления гласных (см. выше), смысл которой вскрывается именно на фактах сингармонизма, мы можем формулировать это последнее положение так: широкие губные (т. е. *о* и *оъ*) не встречаются дальше 1-го слога сло́ва и, следовательно, не могут стоять в аффиксах, узкие же губные могут стоять везде, т. е. и в корне (на протяжении всех его слогов), и в аффиксах.

Примеры: *оймакъ* (а не: **оймокъ*) 'наперсток' — мн. ч. *оймакъ-лар*, *отар* (а не **отор*) 'хутор' — мн. ч. *отар-лар*; *отлав* (а не: **отлов*) 'пастбище' — форма принадлежности *отлав-убуз* (а не: **отлав-обоз*) 'наше пастбище'; *оъгуъз* (а не: **оъгоъз*) 'бык' — мн. ч. *оъгуъз-лер* (а не: **оъгоъз-лоър* и не **оъгуъз-лар*) — форма принадлежности: *оъгуъз-уъбуъз* (а не **оъгуъз-оъбоъз*) 'наш бык', *оъл-уъм* (а не: **оъл-оъм*) 'смерть' — *оълуъм-уъ* (а не: **оълуъм-оъ*) 'его смерть'.

Кроме того, не все аффиксы кумыкского литературного языка (и диалектов) фактически могут образовывать варианты с губными гласными. Так, например, от аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа - $\frac{ым}{им}$ имеются и губные варианты - $\frac{ум}{уьм}$, а от аффикса мн. числа - $\frac{лар}{лер}$ губных вариантов нет (хотя, например, в киргизском языке они есть). Таким образом, каждый из тюркских языков в своей современной стадии обладает и такими аффиксами, которые имеют губные варианты (это обычно аффиксы с чередующимися узкими гласными: *ы*, *и*, *у*, *уъ*), и такими, которые их не имеют (это, по преимуществу, аффиксы с широкими гласными); список первых весьма индивидуален для каждого конкретного языка. Причину того, что в одних аффиксах чередуются узкие гласные, а в других могут чередоваться широкие, — видят в том, что аффиксы происходят из отдельных слов, каждое из которых имело в основе гласный какого-нибудь одного типа (либо узкий, либо широкий).

Параллельно с тенденцией ассимилировать звуки корня и аффиксов, в языке, очевидно, существовала и обратная тенденция (к диссимиляции их); в результате обеих тенденций и сложился сингармонизм в том виде, в каком мы его имеем сейчас. Следы этой второй тенденции отражаются и в отдельных кумыкских корнях, и в отдельных случаях соединения корней с аффиксами. Остановимся сперва на первой категории. В нее войдут такие корни, которые на данном этапе кумыкского языка уже не сознаются как заимствования и исторически не могут быть квалифицированы, как таковые,

или как составные слова (ср. *бельбав*), но тем не менее по своему составу нарушают основные нормы сингармонизма (главным образом, по части нёбного притяжения).

Примеры: *айин* (вм. *айын* или *айыл*) 'подпруга', *бабиш* 'утка', *исбайы* 'статный', *бичакъ* 'нож', *булек* (параллельная форма к *билек*) 'запястье', *чачирамакъ* 'брызгать', *чертлеукъ* сорт орехов, *чибан* 'чирий', *чидамакъ* 'терпеть', *бишлакъ* 'сыр', *чита* 'репа', *этып болмакъ* 'понимать', 'мочь', *иракъ* (на ряду с *йыракъ*) 'далекий', *йимишакълыкъ* 'слабость', 'мягкость', *йибанмакъ* 'увлекаться', 'прельщаться' и др.

Иногда нарушение гармонии гласных в корнях служит отличительной чертой диалекта (чаще всего хайдакского или буйнакского): ср. буйнакские формы *тари* 'просо' и *сарин* (народное четверостишие) при литературных *тары* и *сарын*.

Нарушение гармонии гласных в аффиксах также возможно иллюстрировать примерами из диалектов. Любопытно, что в некоторых аулах, говорящих на хайдакском диалекте, употребление в аффиксах «неправильного» с литературной точки зрения гласного составляет своего рода норму, что косвенно подтверждает сказанное нами выше о двух тенденциях (ассимиляция и диссимиляция).

Примеры: *айтилъа* 'говорится' вм. литературного *айтыла*, *ельтургъан* 'он убил' вм. литературного *оьлтуърген*, *уьйгъа* 'в дом' вм. литературного *уьйге*, *уьйда* 'в доме' вм. литературного *уьйде*, *уьйдан* 'из дома' вм. литературного *уьйден*, *алтмиш* '60' вм. литературного *алтмыш*, *демах* 'говорить' вм. литературного *демек*, *гельмах* 'приходить' вм. литературного *гельмек*, *кирпикльар* 'ресницы' вм. литературного *кирпиклер*, *ишльамах* 'работать' вм. литературного *ишлемек*.

Примеры взяты из говора аула Маджалис, Дербентского района.

Гармония согласных

Так называется обычно ассимиляция начального согласного аффикса с конечным согласным корня. Ассимиляция эта проводится по признаку звонкости и глухости и возможна, следовательно, в тех случаях, когда прибавляемый к корню аффикс начинается на согласный. Формулировать ее можно так: если корень слова оканчивается на глухой согласный, то и прибавляемый аффикс может начинаться только на глухой согласный и обратно: после звонкого согласного (а также гласного) основы прибавляемый аффикс может начинаться только на звонкий.

Приведем примеры: *таш* 'камень' > *таш-та* 'на камне', *иш* 'работа' > *иш-те* 'на работе', 'в работе'; *йол* 'дорога' > *йол-да* 'на дороге', *эр* 'муж' > *эр-де* 'у мужа', *ата* 'отец' > *ата-да* 'у отца', *гиши* 'человек' > *гиши-де* 'у человека'.

В орфографии, действующей ныне, глухие варианты согласных не обозначаются и не только в данной категории (местный падеж), но и во всех других.

Таким образом, слышится *таш-тан* 'из камня', а пишется *таш-дан*, слышится *баш-тан* 'из головы', а пишется *баш-дан*, слышится *иш-тен* 'с работы', а пишется *иш-ден*, слышится *гет-ти* 'он ушел', а пишется *гет-ди*, слышится *ич-ти* 'он пил', а пишется *ич-ди*, слышится *къач-къан* 'убежавший', а пишется *къач-гъан*, слышится *бирлеш-кен* 'объединившийся', а пишется *бирлеш-ген*, слышится *ат-къа* 'на коня', а пишется *ат-гъа*, слышится *иш-ке* 'на работу', а пишется *иш-ге* и т. д. Подобный морфологический принцип орфография распространяет и на корни (основы), хотя бы они для современного языка были неразложимы: *йымыртгъа* 'яйцо' (произносится *йымырткъа*); *чычгъан* 'мышь' (читается *чычкъан*), *эчги* 'коза' (читается *эчки*) и мн. др.

Аффикс *-са* || *-се* (показатель условных форм) пишется одинаково после всех конечных звуков глагольной основы, т. е. не только после глухих, но и после звонких (включая гласные).

Примеры: *тут-са* 'если он схватит', *ал-са* 'если он возьмет', *яз-са* 'если он напишет', *оху-са* 'если он прочтет'.

В живом произношении звонкий согласный основы уподобляется глухому, т. е. переходит в соответствующего типа глухой.

Примеры: пишется *яз-са* 'если он напишет', читается *яс-са*, пишется *туъз-се* 'если он устроит', читается *туъс-се*.

Аффиксы, начинающиеся на сонорный согласный, которому нет глухой пары, всегда пишутся одинаково и под действие ассимиляции не подпадают.

Примеры: *ата-лар* 'отцы' и *ат-лар* 'кони', *аякъ-лар* 'ноги', *гъиз-лер* 'следы', *тавуш-лар* 'звуки', *ель-лер* 'ветры', *байракъ-лар* 'знамена', *билезик-лер* 'браслеты'; *ата-му* 'отец ли?', *ат-му* 'конь ли?', *алдынгъ-му* 'взял ли ты?', *алдыкъ-му* 'взяли ли мы?'.

КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ В СЕРЕДИНЕ СЛОВА

Сюда относятся:

1. Выпадение узких *у* и *уь* корня при перестановке ударения в связи с аффиксацией: *орун* 'постель' > *орн-ум* 'моя постель', *боюн* (т. е. *бойун*) 'шея', *бойн-ум* 'моя шея', *бурун* 'нос', *бурн-у* 'его нос', *къарын* 'живот', *къарн-ынгъ* 'твой живот'.

Полное исчезновение таких звуков (дохождение до «фонетического нуля»), связано, очевидно, с предшествующей стадией их постепенной редукции. Так как это явление связано главным образом с морфологической категорией принадлежности, то мы в соответственном отделе (см. стр. 63) даем более подробные сведения и об этой редукции.

2. Стяжение гласных. Это относится главным образом к группе *а* + *гъ* + *а* или *е* + *г* + *е*, которые в инфинитиве обычно дают долгое *а* или долгое *е*.

Примеры: *алма̄* 'чтобы взять' < *алмагъа*, *гельме̄* 'чтобы придти' < *гельмеге*.

В живой речи и в диалектах встречаются стяженные формы личных местоимений: *мā* 'мне' < *магъа*, *сā* 'тебе' < *сагъа*.

Что касается долготы, то она в кумыкском языке проявляется только, как вторичная (см. только что сказанное выше); полудолгота же отмечена нами в некоторых корнях, напр. *би·з* 'шило' при *биз* 'мы'. См. стр. 111.

К особенностям кумыкского вокализма относятся также элементы «оканья» или «аканья», т. е. чередование *о* || *а*; оно связано, главным образом, с категорией местоимений, и потому о нем подробнее говорится в отделе местоимений (см. ниже). Отметим также, что в кумыкском языке сравнительно с другими тюркскими наблюдается иногда переход *о* в *у* и *оъ* в *уь*.

Примеры: *сувукъ* (а не *совукъ*) 'холодный', *бузукъ* (а не *бозукъ*) 'испорченный', *къунан* (а не *къонан*) 'жеребец', *улан* (а не *олан*) 'мальчик', *уьй* (а не *оьй*) 'дом' и др.

КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ, ОТРАЖАЮЩИЕСЯ НА ПИСЬМЕ

Сюда относятся:

1. Озвончение *къ* и *к*, когда они оказываются в положении между двумя гласными. Тогда *къ* > *гъ*, а *к* > *г*, например: *аякъ* 'нога' > *аягъ-ым* 'моя нога', *билезик* 'браслет' > *билезиг-им* 'мой браслет'. Данное явление связано, главным образом, с морфологической категорией принадлежности (см. ниже) и свойственно всем тюркским языкам. При тех же условиях конечное *п* переходит в *б*.

Примеры: *къап* 'мешок' > *къаб-ы* 'его мешок', *сап* 'рукоятка' > *саб-ы* 'его рукоятка'.

2. Выпадение этимологического *р* в категории склонения — черта, сближающая кумыкский язык с карачаево-балкарским, где она, однако, распространяется на все падежи, а не только на некоторые.

Примеры: *ат-лар* 'кони', но в род.-вин. и дат. падежах *р* выпадает: *ат-ла-ны*, *ат-ла-гъа*; однако: *ат-лар-да* и *ат-лар-дан*.

3. Отпадение этимологического *нг* (*нгъ*) в родительном падеже (то же в карачаево-балкарском), т. е. *ат-ны*, а не *ат-нынгъ* 'коня', в силу чего форма род. и вин. падежей совпала. Однако в местоимениях имеем: *бизин* 'нас' и *сизин* 'вас'.

КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В СЕРЕДИНЕ СЛОВА, НЕ ОТРАЖАЮЩИЕСЯ НА ПИСЬМЕ

Относящиеся сюда, обычные в тюркских языках, явления принадлежат к различному типу ассимиляций и диссимиляций. Они имеют место при появлении многочисленных аффиксов, которые, по правилам кумыкской морфологии, прибавляются только к концу основы (корня) и, по правилам кумыкской фонетики, не имеют твердого звукового облика, а фонетически варьируют в зависимости от звукового состава корня.

а) Группа *н* (*нг*) и *м* + *д* дает рефлекс в виде: *нн* (*нгн*) и *мн*.

алынны 'он был взят' < *алын-* (основа от корня *ал* 'брать') и *-ды* (аффикс 3-го л. ед. ч. прош. времени);

къуватланны 'он усилился' < *къуватлан-* (корень глагола 'усилиться') + *-ды*;
аралланны 'он был окружен' < *аралан-* + *-ды*;
миннi 'он сел верхом' (*мин* 'влезать') + *-ди* (аффикс 3-го л. прош. времени для основ с передними гласными);
суюннуъ 'он обрадовался' < *суюн-* (основа глагола 'радоваться') + *-дуъ* (аффикс 3-го л. ед. ч. прош. времени для основ с губными гласными переднего ряда);
къуванны 'он остался доволен' < *къуван-* (основа глагола 'остаться довольным') + *-ды*;
тынгълланны 'он был заслушан' < *тынглан-* (основа глагола 'быть заслушанным') + *-ды*;
от къабунну 'огонь вспыхнул' < *от* (огонь) + *къабун-* (основа глагола 'вспыхнуть') + *-ду*;
таланны 'он был разграблен' < *талан-* + *-ды*;
уланна 'у парня' < *улан* (парень) + *-да* (аффикс locativi);
уланнан 'от парня' < *улан* (парень) + *-дан* (аффикс ablativi);
барабанна 'на барабане' < *барабан* + *-да*;
сенне 'у тебя' < *сен* (ты) + *-де* (аффикс locativi для основ с передними гласными);
онна 'у него' < *онда*;
сеннен 'от тебя' < *сен* (ты) + *-ден* (аффикс locativi для основ с передними гласными);
оннан 'от него' < *ондан*;
уюнне 'в его доме' < *уъй* (дом) + *-уън-* (его) (аффикс принадлежности для косвенных падежей) + *-де* (аффикс locativi);
уюннен 'из его дома' < *уъй* + *-уън-ден*;
йыланна 'у змеи' < *йылан* (змея) + *-да*;
йыланнан 'от змеи' < *йылан* (змея) + *-дан*;
саламна 'в соломе' < *салам* (солома) + *-да* (аффикс locativi);
саламымна 'в моей соломе' < *салам* + *-ым* (мой — аффикс принадлежности) + *-да* (аффикс locativi);
байталынгъна 'у твоей кобылы' < *байтал* (кобыла) + *-ынгъ* (аффикс принадлежности для 2-го л. ед. ч.) + *-да* (аффикс locativi);
оюнумна 'в моей игре' < *оюн* (игра) + *-ум* (аффикс принадлежности для 1-го лица ед. ч. после губных гласных основы) + *-да*;
оюнумнан 'из моей игры' < *оюн* + *-ум* + *-дан* (аффикс ablativi);
бойнумна 'на моей шее' < *бойнум* (моя шея) + *-да* (аффикс locativi);
бурнумнан 'из моего носа' < *бурнум* (мой нос) + *-дан* (аффикс ablativi);
арсланнан 'ото льва' < *арслан* (лев) + *-дан*;
арсланынгънан 'от твоего льва' < *арсланынгъ* (твой лев) + *-дан*;
адамна 'у человека' < *адам* (человек) + *-да*;
кимнен 'от кого' < *ким* (кто?) + *-ден* (аффикс ablativi);
кимне 'у кого' < *ким* (кто?) + *-де* (аффикс locativi);
тангъна 'на заре' < *тангъ* (заря) + *-да*;

бу гъннуъ ичинне 'среди этого дня' < *бу* (этот) + *гъннуъ* (дня) (genitivus) + *ичинне* < *ич-ин-де* (собств. «внутри его»);
гъннуъз 'днем' < этимологич. *гъндуъз*.

Из разобранных примеров видно, что данное фонетическое явление сопутствует определенным морфологическим категориям: падежи locativus и ablativus, прошедшее время. При этом, если в литературе отражены нормативные формы на *-нда*, *-ндан* и *-нды*, живая разговорная речь признает только сочетания: *-нна*, *-ннан* и *-нны*. Аналогии имеются во многих тюркских языках, в частности, поволжских и туркменском.

b) Группа *н* + *л* (*лъ*) дает рефлекс в виде *лл* (*лълъ*). Интересно, что начальный согласный аффикса (*л* или *лъ*) ассимилирует здесь конечный согласный корня (*н*): как известно, вообще в тюркских языках преобладает как раз прогрессивная ассимиляция, а не регрессивная.

улаллар 'парни' < *улан* (парень) + *-лар* (аффикс множественного числа);
ямаллар 'плохие' < *яман* (плохой) + *-лар*;
къуналлар 'жеребцы' < *къунан* (жеребец) + *-лар*;
къазаллар 'котлы' < *къазан* (котел) + *-лар*;
душмаллар 'враги' < *душман* (враг) + *-лар*;
къапкъаллар 'капканы' < *къапкъан* (капкан) + *-лар*;
чычгъаллар 'мыши' < *чычгъан* (мышь) + *-лар*;
жибиллер 'мухи' < *жибин* (муха) + *-лер* (аффикс мн. ч. для основ с передними гласными);
бусурмаллар 'мусульмане' < *бусурман* (мусульманин) + *-лар*;
сабаллар 'сохи' < *сабан* (соха) + *-лар*;
къатыллар 'женщины' < *къатын* (женщина) + *-лар*;
ичегеллер 'пьющие' < *ичеген* (пьющий) + *-лер*;
замаллар 'времена' < арабское *заман* (время) + *-лар*;
тирмеллер 'мельницы' < *тирмен* (мельница) + *-лер*, но: *тирмен-чи* 'мельник';
сарыллар лирические четверостишия < *сарын* + *-лар*;
толкъуллар 'волны' < *толкъун* (волна) + *-лар*;
тарлаллар 'соколы' < *тарлан* (сокол) + *-лар*;
савусгъаллар 'сороки' < *савусгъан* (сорока) + *-лар*.

По аналогии с чисто кумыкскими словами произошла форма: *рестаралар* 'рестораны' < *рестаран* (ресторан) + *-лар*.

Следующие примеры связаны с аффиксом *-лы* (*-ли*) (имеющий, обладающий чем-либо, относящийся к чему-либо).

къабаллы 'имеющий кабана' < *къабан* (кабан) + *-лы*;
къапкъаллы 'имеющий капкан' < *къапкъан* (капкан) + *-лы*;
табаллы 'имеющий подошву', 'с подошвой' < *табан* (подошва) + *-лы*;
къазаллы 'имеющий котел' < *къазан* + *-лы* или: имеющий отношение к Казани (*Къазан*), казанец;
къаллы 'кровник' < *къан* (кровь) + *-лы*;
сабаллы 'имеющий соху' < *сабан* (соха) + *-лы*.

Подобные же случаи имеем при аффиксе -*лыкъ* || -*лик* ('место, обильное чем-нибудь', и другие значения):

ормаллыкъ 'лесистый' < *орман* (лес) + -*лы*;

жибиллик ер 'место, где много мух' («мушиное» место) < *жибин* (муха) + -*лик* + *ер* (место);

сабаллыкъ 'место посева' (дословно: «сошное») < *сабан* (соха) + -*лыкъ*;

бичеллик 'луг для покоса' < *бичен* (сено) + -*лик*.

Аналогии находятся главным образом в некоторых туркменских диалектах и в карачаево-балкарском языке.

СЛУЧАИ SANDHI

1

Кумыкское *къ* озвончается, переходя в заднеязычный спирант *гъ*, после предыдущего слова с исходом на гласный или сонорный согласный. Необходимым условием озвончения является, как и естественно, отсутствие паузы между словами. Степени озвончения варьируют, начиная от *къ* и кончая чистым *гъ*, ясно определяемым на слух после предыдущего *нгъ*. Условно мы обозначаем переходные звуки всюду через *гъ*, так как более точные оттенки могут быть установлены только путем экспериментально-фонетического наблюдения.

атангъ-гъайда 'где твой отец?' < *атангъ* (твой отец) + *къайда* (где?);

атам-гъайда 'где мой отец?' < *атам* (мой отец) + *къайда*;

атасы-гъайда 'где его отец?' < *атасы* (его отец) + *къайда*;

атабыз-гъайда 'где наш отец?' < *атабыз* (наш отец) + *къайда*;

атагъыз-гъайда 'где ваш отец?' < *атагъыз* (ваш отец) + *къайда*;

гиччи-гъайиш 'маленький ремень' < *гиччи* (маленький) + *къайиш* (ремень);

къызыл-гъан 'красная кровь' < *къызыл* (красный) + *къан* (кровь);

къынгъыр-гъанат 'кривое крыло' < *къынгъыр* (кривой) + *къанат* (крыло);

къашларынгъ-гъара 'твои брови черные' < *къашларынгъ* (твои брови) + *къара* (черный);

къашынгъ-гъара 'твоя бровь черная' < *къашынгъ* (твоя бровь) + *къара* (черный);

къара-гъашлы 'чернобровый' < *къара* (черный) + *къашлы* (имеющий брови);

йуъзуънг-гъара 'лицо твое — черное = ты опозорен' < *йуъзуънг* (твое лицо) + *къара* (черный);

илинген-гъазан 'подвешенный котел' < *илинген* (подвешенный) + *къазан* (котел);

эрге баргъан-гъатын 'замужняя женщина' (дословно: «женщина, пошедшая к мужу») < *эрге* (мужу, к мужу) (dativus) + *баргъан* (ушедший) + *къатын* (женщина);

эрсиз-гъатын 'незамужняя женщина' < *эрсиз* (безмужняя) + *къатын* (женщина);

оълген-гъызлар 'мертвые девицы' < *оълген* (умерший) + *къызлар* (девицы);

алтъы-гъол 'шесть рук' < *алтъы* (шесть) + *къол* (рука);
чал-гъоян 'серый заяц' < *чал* (серый) + *къоян* (заяц), но: *акъ-къоян* 'белый заяц' < *акъ* (белый) + *къоян* (заяц);
меннен-гъоркъ 'бойся меня' (дословно: «от меня» — специфический синтаксис) < *меннен* (от меня) + *къоркъ* (бойся);
атангънан-гъоркъ 'бойся твоего отца' (дословно: «от твоего отца») < *атангънан* (от твоего отца) + *къоркъ* (бойся);
анангънан-гъоркъма 'не бойся своей матери' < *анангънан* (от твоей матери) + *къоркъма* (не бойся);
эки-гъулакъ 'два уха' < *эки* (два) + *къулакъ* (ухо);
къара-гъозу 'черный ягненок' < *къара* (черный) + *къозу* (ягненок);
эски-гъумукълар 'древние кумыки' < *эски* (старый) + *къумукълар* (кумыки);
къази-гъумукълар 'гази-хумуки' < *къази* (ар. *гъāзи*) + *къумукълар* 'кумыки';
къайгъыдан-гъутулуп 'избавившись от забот' < *къайгъыдан* 'от заботы' (ablativus) + *къутулуп* (освободившись).

Разобранный факт имеет аналогии во многих тюркских языках.

2

а) Кумыкское *г* (среднеязычный с очень сильной палатализацией) в положении после гласных и сонорных согласных почти утрачивает взрывный элемент, причем редукция эта происходит за счет усиления спирантной части. Таким образом, *г'* > *гй* > *'й*.[1]) Отмеченное изменение происходит, если *г* стоит перед гласными переднего ряда («негубными»).

эки-'йелин 'две невесты' < *эки* 'два' + *гелин* 'невеста';
бу гече-'йель 'сегодня ночью приди' < *бу* 'этот, -а' + *гече* 'ночь' + *гель* 'приди', но: *гелин гель* 'невеста', 'приди' < *гелин* 'невеста' + *гель* 'приди';
эки-'йеме 'два корабля' < *эки* 'два' + *геме* 'корабль';
агъачны-йес 'руби дрова' < *агъач-ны* (дрова — accusativus) + *гес* (руби, режь);
ону къалгъаны-'йерек 'надо, чтобы он остался' < *ону* (его genitivus) + *къалгъаны* (факт его «оставания») + *герек* (нужно);
уллу-'йиши 'великий человек' < *уллу* (великий) + *гиши* (человек);
эки-'йиши 'два человека' < *эки* (два) + *гиши* (человек);
сувгъа-'йир 'войди в воду' < *сувгъа* (воде, к воде, в воду — dativus) + *гир* (войди).

Разобранный факт имеет отношение к комбинаторному переходу: *к'* > *г'* > *'й* > *й* в литературном азербайджанском языке.

---

[1]) Получается своего рода «аффриката» из очень краткого смычного элемента (*в*) и спиранта (*й*). Спирантный элемент здесь, пожалуй, сильнее, чем в сербских «дорсальных» *ђ* и *ћ*, венгерском *gy* и т. д.

Нечто подобное находим в эски-шехирском диалекте османского языка (см. ЗКВ, IV, стр. 108).

b) Находясь перед губными гласными, среднеязычный *г* подвергается сильной лабиализации (т. е. *г* > *г*^{в}). При этом добавочная артикуляция (губная работа) количественно преобладает, тогда как время смычки сокращается до минимума. Таким образом, если в других тюркских языках среднеязычное *г* сохраняет в указанном положении свой основной тип, в кумыкском оно видоизменяется по следующей схеме: *г*^{в} > *гв* > *'в*.

эки-'вуълъ 'две розы' < *эки* (два) + *г*^{в}*уълъ* (роза);
эки-'вуъллуък йол 'двухдневный путь' < *эки* (два) + *г*^{в}*уънлуък* (дневной) + *йол* (путь);
эки-'вуълле 'две пули' < *эки* (два) + *г*^{в}*уълле* (пуля);
къара-'вуъчуък 'черная собачка' < *къара* (черный) + *г*^{в}*уъчуък* (собачка);
эки-'воъзелъ 'две красавицы' < *эки* 'два' + *г*^{в}*оъзелъ* 'красавица';
оълуъ-'воъзелъ 'мертвая красавица' < *оълуъ* 'мертвый' + *г*^{в}*оъзелъ* 'красавец, -ица';
эки-'воъз 'два глаза' < *эки* (два) + *г*^{в}*оъз* (глаз);
къара-'воъз 'черноглазый' (compositum) < *къара* (черный) + *г*^{в}*оъз* (глаз);
эки-'вуън 'два дня' < *эки* (два) + *г*^{в}*уън* (день);
къара-'вуън 'черный день' < *къара* (черный) + *г*^{в}*уън* (день);
г^{в}*уъзнуъ-'вуънуъ* 'осенний день' < *г*^{в}*уъзнуъ* (осени) + *г*^{в}*уънуъ* (день ее, его).

В указанном отношении кумыкский язык обнаруживает поразительное сходство с туркменским языком, где перед губными гласными каждое *г* артикулируется, как *г*^{в}. Сходство идет и далее: *нл* (*нль*) > *лл* (*лль*) (см. выше). Интересно, что среди кумыков есть особый род «*теракеме*» (что по-арабски значит: туркмены), язык и быт которого пока никем не изучен. Припоминая, что острова туркмен находятся даже в недрах Анатолии (Конийский вилайет), естественно предположить их существование и в Дагестане.

c) Оказываясь в положении sandhi перед *г* > *'й* или перед *г* > *'в*, звук *н* дает в кумыкском заднеязычный носовой *нг*, степень звонкости которого бывает различна. Иными словами: смычный элемент *г* как бы перемещается, создавая добавочную артикуляцию при *н*, и вместо *'й* и *'в* остается только *й* и *в*. Таким образом, *н* + *'й* || *'в* > *нг* + *й* || *в*.

Указанное перемещение артикуляционных моментов отчетливо уловимо на слух; детальные же оттенки должны быть определены по методу экспериментальной фонетики.

барагъангъ-йиши 'проходящий человек' < *барагъан* (проходящий) + *'йиши* (< *гиши* человек; о *г*$^{'}$ > *'й* см. выше);
къалгъангъ-вуън 'оставшийся день' < *къалгъан* (оставшийся) + *'вуън* (< *г*^{в}*уън* 'день'; о *г*^{в} > *'в* см. выше);
геч'йенг-вуън 'прошедший день' < *геч'йен* (прошедший) + *'вуън* (< *г*^{в}*уън* 'день');
батгъангъ-вуън 'зашедшее солнце' < *батгъан* (зашедший) + *'вуън* (< *г*^{в}*уън* 'день'; 'солнце');

гелъ'йенг-вуъз 'пришедшая осень' < *гелъ'йен* (пришедший) + *'вуъз* (< *г^{е}уъз* 'осень');

алтмыш г^{е}уънг-вуъзде '60 дней в осени'... < *алтмыш* (60) + *г^{е}уън* (день) + *'вуъзде* (< *г^{е}уъзде* в осени — locativus);

муннангъ-йелъ 'отсюда приди' < *муннан* (отсюда) + *'йелъ* (< *гелъ* 'приди'), но: *муннан-ал* 'отсюда возьми';

муннангъ-йет 'отсюда пойди' < *муннан* (отсюда) + *'йет* (< *гет* 'уйди', 'пойди'), но: *муннан-етиш* 'этим достигни';

уъйденг-йелъ 'из дома приди' < *уъйден* ('из дома' — ablativus) + *'йелъ* (< *гелъ* 'приди');

къамыштангъ-йелъ 'из тростника приди' < *къамыштан* (из тростника — ablativus) + *'йелъ* (< *гелъ* 'приди'), но: *къамыштан-елъ* 'из камыша ветер'... < *къамыштан* (из камыша) + *елъ* (ветер);

муннангъ-йес 'отсюда руби' < (отсюда) *муннан* + *'йес* (< *гес* — руби);

агъачлардангъ-йес 'по дровам руби' < (по дровам — ablativus) *агъачлардан* + *'йес* (< *гес* 'руби');

явсынгъ-йерек 'должно быть, дождь пойдет' (дословно: 'нужно, чтобы дождь пошел') < (пусть дождь пойдет — imperativus) *явсын* + *'йерек* (< *герек* — нужно);

агъангъ-булангъ-йелъ 'с братом твоим приходи' < (твой брат) *агъангъ* + (с, вместе с — *булан* — послелог) + *'йелъ* (< *гелъ* — приди);

агъасы-булангъ-йелъ 'с его братом приходи' < (его брат) *агъасы* + (с, вместе с) *булан* + *'йелъ* (< *гелъ* — приди);

къыз-булангъ-йелъ 'с девицей приходи' < (девица) *къыз* + (с) *булан* + *'йелъ* (< *гелъ* — приди).

Слово *гимик* (как, подобно — послелог) по Немету (op. cit., стр. 125 и 114) дало вариант *йимик*, так же и в современном литературном языке. Я слышал всюду: *йимик*, причем начальное *г* в положении sandhi изменялось в известном нам направлении (*г* > *'й*) и вызывало соответственные рефлексы со стороны предыдущего *н* (*н* > *нг*).

ону 'йимик (подобно ему, как он) < *ону* [1] ('его' — genitivus) + *гимик* (как);

атасы-'йимик 'как его отец' < *атасы* (его отец) + *гимик*;

уъй-'йимик 'как дом' < *уъй* + *гимик*;

сазангъ-йимик 'как сазан' < сазан (сазан, карп) + *гимик* (как);

сангъ-йимик 'как туловище' < (туловище) *сан* + *гимик*.

В случае: *къан-'йимик* 'как кровь' из *къан* (кровь) + *гимик* — никакого перемещения элемента *г* не произошло, быть может, в виду наличия другой основы *къангъ* (см. глоссарий Немета s. v.): мы бы ожидали *къангъ-йимик*.[2])

В сочетании *тангъ-'йимик* 'как заря' < *тангъ* (заря) + *гимик* перемещения *г* не произошло, так как слово *тангъ* этимологически уже имеет звук *нгъ*.

---

[1]) Или: *оны*.

[2]) Некоторую роль, повидимому, играет также число слогов. В случае *сангъ-йимик* *нгъ* звучало весьма слабо, тогда как в двусложных словах (см. первые примеры) артикуляция *нгъ* выделялась вполне отчетливо.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ДИАЛЕКТАХ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

В кумыкском языке различаются три основных диалекта: хасав-юртовский, буйнакский и хайдакский. Основными и ведущими из них являются первые два, связанные с двумя важнейшими в историко-культурном и экономическом отношении районами. С точки зрения языковой специфики, однако, полярными диалектами являются хасав-юртовский и хайдакский, буйнакский же представляется переходной величиной между первыми двумя. Он как бы совмещает типичные степные кыпчакские особенности хасав-юртовского диалекта с диалектом горно-плоскостных кумыков «хайдакцев». Соседние яфетические языки, игравшие видную роль в оформлении кумыкских диалектов, очень сильно повлияли на структуру хайдакского и сравнительно очень слабо на структуру хасав-юртовского диалекта. Буйнакский район и в этом отношении занимает среднее место. В виду того, что подробный очерк кумыкской диалектологии представляет совершенно особую тему, мы даем здесь краткий обзор по возможности типичных особенностей каждого из трех диалектов, начиная с хайдакского.

ДИАЛЕКТ ХАЙДАКСКИХ КУМЫКОВ

Этот диалект наиболее далеко отстоит от кумыкского литературного языка. Территориально он охватывает ряд аулов в районе Дербента и носит явные следы фонетического и словарного воздействия со стороны соседних яфетических языков (даргинцы, лезгины и др.). Термин «хайдакские кумыки» происходит, очевидно, от слова *къайтакъ*; так называлась небольшая народность монгольского происхождения, оставшаяся в Дагестане, как след мировой империи Чингис-хана. О кайтаках существует специальная научная литература. Нынешние кайтаки, живущие в Дербентском районе, совершенно утратили свой прежний язык монгольского типа и говорят на одном из местных яфетических языков. Единственно, что сохранилось от их прежней речи — это очень немногие словарные элементы: надо сказать, что эти элементы не только сохранились у кайтаков, но и вошли в состав соседних языков иного типа (таким образом, монгольское слово *локъай* вм. *нокъай* вошло, например, в язык хайдакских кумыков). Но если турецкий путешественник Эвлия-челеби (XVII в.) имел возможность отметить в своем «Путешествии» (Сеяхатнамэ) целый ряд слов из языка дагестанских кайтаков, то мы, проверяя составленный этим автором список кайтакских слов и турецкий перевод к ним с двумя кай-

таками из аула Маджалис в 1936 году, могли придти только к тем выводам, которые изложены выше.

Тем не менее кайтаки играли какую-то роль в истории и экономике Дагестана, вследствие чего, надо думать, у других народов и мог возникнуть такой термин, как «хайдакские кумыки».

Наилучшее представление о говоре хайдакских кумыков может дать говор аула Маджалис, районного центра, расположенного примерно в 30 километрах от железнодорожной станции Мамед-кала. При этом мы основываемся на наших личных наблюдениях, произведенных на месте летом 1936 года.

В фонетическом отношении любопытно отметить смычногортанную артикуляцию некоторых согласных звуков. Поскольку это явление совершенно чуждо всем тюркским языкам, мы имеем достаточное основание для того, чтобы объяснить этот факт за счет влияния соседних яфетических языков, с представителями которых у дербентских кумыков были старые экономические и политические отношения. Приведем несколько примеров, обозначая «смычногортанность» дополнительным значком ʿ при основном буквенном знаке. Сюда относятся такие слова, как *ланцʿ* 'молния', *къʿанцʿ* 'уксус', *юʿикъа* 'цыпленок', *къʿиркъ* 'сорок', *тʿоймагъан* 'не насытившийся', *гетмакъʿ* 'идти', 'уходить', *чʿанкъа* 'метис' (потомок дворянина и крепостного — феодальный термин), *жакъʿа* 'свинья' и др.

Характерно также некоторое количество слов (не арабских и не персидских) с начальным *л*, что, вообще говоря, не свойственно тюркским языкам и указывает на заимствование (в данном случае из кайтакско-монгольского или же из яфетических языков).

Примеры: *лажын* 'сокол' (слово — монгольское, попавшее в целый ряд тюркских языков), *локъай* 'собака' (монгольское слово), *лакку* (не *лакъкъу*) 'щенок', *ланцʿ* 'молния' и др.

Необходимо отметить также диссимилятивное действие сингармонизма, которое выражается в том, что качество гласных корня или основы влияет на качество аффиксальных гласных, так сказать, обратным способом: после ненёбных гласных корня (основы) аффиксы получают не ненёбные гласные, как мы ожидали бы, а нёбные, и наоборот. Это явление надо считать одним из самых типичных фонетических признаков хайдакско-кумыкского диалекта. В других кумыкских диалектах сингармонизм действует обычным способом, т. е. по принципу ассимиляции звуков аффикса звукам корня. На первый взгляд кажется, что обычный, так сказать нормативный, сингармонизм разрушен в хайдакско-кумыкском диалекте в результате исторически несомненного и длительного воздействия со стороны соседних яфетических языков. Но этому противоречит то, что сингармонизм в хайдакско-кумыкском не разрушен, не изжит, а так сказать «выворочен на изнанку». В диалекте сохранилась функциональная обусловленность звуков аффикса звуками корня: изменилась только направленность этого вполне закономерного и ныне явления. Так, после звука *а* появляется не *а* или *ы*, как это бывает в литературном кумыкском и в других тюркских языках, а *е* и *и*,

после *и* и *е* появляется *ы* и *а*. Таким образом, перед нами определенная система, а не спорадическая замена одних звуков другими. К тому же переход гласных переднего ряда в гласные заднего ряда (и обратно) всегда согласуется с морфологическим составом слова (корень + аффикс, ы).

Объяснение этому надо, как нам кажется, искать в следующем. Как можно судить по некоторым пережиточным фактам из отдельных тюркских языков (турецкого, казахского и др. — особенно ново-уйгурского), сингармонизм в этих языках сложился, как продукт взаимодействия двух процессов противоположной направленности: ассимиляции и диссимиляции. В хайдакско-кумыкском получила преобладающую (хотя и не исключительную) роль вторая тенденция, т. е., иначе говоря, процесс оформления сингармонизма в том виде, как мы его знаем, не закончился. Тормозящим фактором здесь могла быть иноязычная среда, в которой жили хайдакские кумыки.

Приведем несколько примеров:

гет-мах и *гет-макъ* 'идти', 'уходить', *гельтир-мах* 'приносить', *бар-а-биз* 'мы идем', 'ходим', *кирпик-л'ар* 'ресницы', *эт-ма́й* 'он не делает', *гель-мах* 'приходить', 'приезжать', *бер'-мах* 'давать', *соъй-ле-мах* 'говорить', *иш-ла́-мах* 'работать', *ал'-га́н* 'взявший', *яз-га́н* 'написавший', *де-мах* 'говорить', 'сказать', *ачкъа-лик* 'большой кувшин для воды', *ябыш'-ка́н* 'подрался', (но: *ябыш-къан* 'приклеился'), *алт-миш* '60', *уъй-да* 'в доме', *уъй-дан* 'из дома', *уъй-лар* 'дома', *ат-ни* 'коня', *ат-ыбиз* или *ат-ымиз* 'наш конь', *ат-ынгиз* 'ваш конь', *айт-ил'-а* 'оно говорится', *эль-тур-га́н* 'он убил', *къай-си-нгиз-га́* 'которому из вас?', *бар-ингиз* 'вы все', *сар-ин* 'песня' (так же и в буйнакском диалекте), *сат-ка́н* 'он продал', *къал-ли* 'кровник', *жий-мах* 'собирать', *коърсет-мах* 'показывать'.

Из примеров видно, что диссимилирующая тенденция сингармонизма связана с определенными морфологическими категориями: чаще всего это, повидимому, бывает в инфинитиве, в причастии прошедшего времени, при аффиксах *-лар*, *-ыбыз* и *-ынгъыз*, *-лыкъ*, *-лы*, *-ыл* и других. Отмечены случаи, когда диссимиляция проведена (по слогам) в самом корне, для современной стадии языка неразложимого.

Примеры: *къылич* 'сабля', 'шашка', *ж'икъа* 'цыпленок', *бичакъ* [1]) и *пичакъ* 'нож', *къ'иркъ* '40', *чали* 'плетень'.

Фонетически интересна форма *киши* (не *гиши*!).

К морфологическим особенностям диалекта принадлежат:

1. Наличие особого прошедшего времени (тип перфекта) на базе деепричастия, например: *бармапман*, которое употребляется вместо литературного *бармагъанман* 'я еще не ходил'. Подобный же тип перфекта имеется в ногайском языке и в некоторых азербайджанских диалектах, не говоря о других тюркских языках, ныне территориально не соприкасающихся с кумыкским.

[1]) То же, впрочем, и в литературном языке.

2. Употребление форм настоящего времени, напр., *олтураман* и *олтура* в смысле будущего: 'я буду сидеть', 'он будет сидеть'. Подобная стилистическая замена известна в самых различных языках, но здесь она (как отчасти и в казахском) входит в систему, совершенно вытесняя обычное для тюркских языков будущее 1-е.

3. Особый тип указательных местоимений. Указательные местоимения, стоя перед существительным, теряют свое ударение и, как следствие этого, утрачивают стабильный звуковой состав, т. е. начинают подчиняться сингармонизму (в порядке регрессивной ассимиляции — от существительного к местоимению). Так обстоит дело в диалектах крымско-татарского и туркменского языков. В хайдакско-кумыкском на ряду с обычным типом местоимений *бу* 'этот' и *ол* 'тот' нами отмечены следующие варианты местоимения *шу*, которые связаны со специфической семантикой: *шуъ* или *ша* (относительно более близкий), *шо* (относительно более далекий).

В словарном отношении интересны следующие отдельные факты:

1. Названия некоторых животных: *инек* 'корова', а не *сыйыр*, как в других кумыкских диалектах; *тана* 'телок', 'бычок', *хонажын* 'телка' — слово с характерным аффиксом женского рода, который существует как пережиток в ряде тюркских языков (казахский, киргизский, башкирский, туркменский и др.); *локъай* 'собака' — слово монгольского происхождения, заимствованное, очевидно, из языка дагестанских кайтаков; *лакку* 'щенок' — не *лакъкъу*; *гъинта* 'газель'; *оърдек* 'утка', а не другое слово (ср. *бабиш* в словаре Немета, а также ногайское *бепи*, крымскотатарское *папий*); *мияла* 'паук'; *мишик* 'кошка'. Для обозначения коричневой масти быка или коровы употребляется особое слово *мажи: маж'оъгуъз* 'коричневый бык'. Слово *дамгъа* означает вообще 'тамгу' или 'тавро'; словом *гъàрзи* обозначается особый тип тавра: разрезанное ухо у коровы.

Отметим семантическое различие между словами *ат* 'конь', (лошадь вообще) и *ябу* 'рабочая лошадь' — для полевых работ.

2. Названия некоторых частей жилища, оружия и предметов домашнего обихода: *керк* 'балки',' стропила', *бур'ха* 'потолок', *жабар* 'пол', *догъа* 'коридор, передняя', *бийик къалкъы* 'крыша', *туъбек* 'ружье', *къылич* 'шашка', *савут* 1) 'посуда', 'утварь', 2) 'оружие', *тапанча* 'пистолет', *хынчал* 'кинжал', *къынны хынчал* 'кинжал с ножнами', *бичакъ* || *пичакъ* 'нож', *егьер* 'седло' в противоположность *ер* 'место'. Слово *орун* (Немет дает только форму *орну*), обычно употребляемое в Хасав-юрте со значением 'постель', в Маджалисе употребляется и в смысле 'место', при чем дифференциация между *орун* и *ер* проводится такая: *орнум йокъ* 'у меня нет места' и *ерим йокъ* (значение то же) различаются только тем, что в первом случае речь идет о более близком 'месте', а во втором — о более отдаленном. Ср. еще отдельные слова: *уьй* 'дом', *къапу* 'ворота', *бахча* 'огород', *бав* 'сад', *чали* 'плетень', *яшланы бав* 'детский сад', *п'ургуон* 'подвода', *тогъай* 'ступица', 'спица колеса'.

3. Названия степеней родства и людей: *ата* 'отец', *улл'ата* 'дед', *ана* 'мать', *улл'ана* 'бабушка', *къатун* 'женщина', *эчим* 'моя

тетка', *агъам* 'мой дядя', *эр* 'муж', *эр киши* (не *эр гиши*!) 'мужчина', *киши адам* 'гость' и *къонакъ* 'гость-кунак'.

Приведем некоторые старые термины еще феодальной эпохи: *уьй киши* 'жена' (дословно: 'домашний человек'), *къысхаякъ* или *къысхаякълы* 'женщина' (дословно: 'коротконогая' или 'имеющая короткие ноги'),[1]) *къазакъ* (1) 'батрак', (2) 'русский казак', *оъзделлер* (ед. ч. *оъзден*) 'дворяне', *ч'анкъа* 'метис' (человек, происшедший от брака дворянки с крепостным или обратно), *тукъум* 'род', *тайпа* 'мелкая родовая единица', *бусурман тиль* 'басурманский', т. е. мусульманский, т. е. кумыкский язык.

4. Старые названия дней недели: *суьт гуьн* 'суббота', (буквально: «молочный день»), *базар гуьн* 'воскресенье' (буквально: «базарный день»), *къатты гуьн* 'понедельник', *араба гуьн* 'вторник'.

Счёта годов по животному циклу не отмечено.

5. Отдельные слова: *чай* 'река'. Вообще слово это в кумыкских диалектах в данном значении не встречается; наличие его надлежит объяснить влиянием азербайджанского языка. Слово 'лоб' отмечено в форме *мангънгъай* (Немет дает написание *мангънгъылай*).

Аракъ означает 'скирды', а не 'стог сена', как в других кумыкских диалектах.

В синтаксическом отношении укажем на следующие характерные конструкции:

язувым геле означает 'мне судьба' (делать то-то), а не 'мне пришло желание писать', как можно было бы ожидать по образцу некоторых других тюркских языков. Конструкция глагола *башламакъ* двоякая — с дательным и с винительным падежом: *ишке башладым* 'я начал работу' (вообще) и *ишни башладым* 'я начал определенную работу'. В смысле русского 'собрание началось' употребляются два залога от глагола *башламакъ*: действительный и возвратно-страдательный; примеры: *собрание башлады* и *собрание башланды*. Глагол *жувмакъ* означает 'мыть' и 'мыться'.

Определительная группа существительных выражается исключительно порядком слов (как и в других кумыкских диалектах): *алма терек* 'яблоня', *къоз терек* 'ореховый куст', *чиш агъач* 'барбарис', *чинар агъач* 'чинар', *бузав эт* 'телятина', *къой эт* 'баранина', *гоъз доктор* 'глазной доктор', *къулакъ доктор* 'ушной врач', *гъава йол* 'воздушный путь', *темир йол* 'железная дорога', *арба йол* 'проселочная дорога', *автомобиль йол* 'автомобильная дорога', *тав чай* 'горная речка', *къалмукъ чай* 'калмыцкий чай'. *Автомобильни йолу* означает 'дорога (= путь) этого автомобиля'.

БУЙНАКСКИЙ ДИАЛЕКТ

Буйнакский или, правильнее, бойнакский диалект кумыкского языка территориально охватывает самый гор. Буйнакск с окрестными аулами, как то: Халимбек, Кафир-кумук и др. более отдаленными от города, как

[1]) Традиционное объяснение таково, что у женщины в старое время была «коротка нога», т. е. она не смела никуда ходить без согласия мужа. То же слово в ногайском языке.

Верхние и Нижние Казанищи, Буглен, Нижний Джунгутей, Хели, Пара-аул, Какка-шура и др. К буйнакскому же диалекту относятся и аулы, прилегающие к Махачкале (например, Тарки).[1])

Буйнакский район, имеющий большое экономическое значение (земледелие, садоводство), весьма важен и для кумыкской диалектологии. Этот диалект — один из ведущих, один из тех, на базе которых происходило формирование кумыкского литературного языка. Как и в других местах Дагестана, кумыки здесь довольно тесно соприкасаются с народами, говорящими на яфетических языках. Для Буйнакского округа таковыми являются аварцы, живущие и в самом городе и, главным образом, в высокогорной части района. Характерен, например, один факт, который может подтвердить близкое соприкосновение кумыков и аварцев: в ауле Нижний Джунгутей живут кумыки, а в ауле Верхний Джунгутей — аварцы. Аварцы всюду довольно хорошо знают кумыкский язык; обратное положение встречается, повидимому, реже, но тем не менее многие кумыки, если не говорят свободно, то, по крайней мере, объясняются по-аварски. В противоположность хасав-юртовским терминам для населенных пунктов: *сала* и *юрт*, для буйнакского диалекта характерны слова: *къала* (город) и *гент* (деревня). Последнее слово лишний раз говорит об азербайджанском влиянии.

Наши наблюдения над буйнакским диалектом в лице различных его представителей производились летом 1936 года в самом Буйнакске, а также в аулах Халимбек, Кафир-Кумук. Сведения по аулам Нижний Джунгутей, Нижние Казанищи, Буглен, Какка-шура получены от жителей этих аулов (главным образом учителей), приезжавших в Буйнакск.

Считая, что полные материалы экспедиции 1936 г., равно как и материалы научной диалектографической поездки, совершенной А. А. Сатыбаловым в 1934 году, должны быть опубликованы особо, — мы приводим из материалов экспедиции 1936 г. и материалов А. А. Сатыбалова только некоторые сведения, типичные, по нашему мнению, для буйнакского диалекта. Названия аулов, из которых почерпнуты наши материалы, мы будем обозначать сокращенно: Б = Буглен, НД = Нижний Джунгутей, КК = Кафир-Кумук, КШ = Какка-шура, П = Пара-аул, Т = Тарки, Х = Халимбек.

К фонетическим особенностям буйнакского диалекта следует отнести:

1. Наличие двойных (долгих) согласных. Приведем примеры: *къакъкъа* 'долина', 'ущелье' (встречается везде и, как составная часть, входит в собственные имена: *Къакъкъа-шура* — название аула), *беззек* 'лихорадка' (КК и везде, однако у семидесятилетнего старика И. Ж. из КК отмечена форма *без'ек*), далее: *уллу* 'большой', *гиччи* 'маленький', *итти* 'острый', *аччы* 'горький', *исси* 'теплый', *къатты* 'твердый, жесткий', *къоччакъ* 'смелый' — формы, встречающиеся повсеместно. Вм. *таза* 'свежий', 'новый' иногда говорят *тазза*.

---

[1]) Между отдельными аулами района есть различия в говорах и довольно значительные.

Двойных согласных, возникающих в результате ассимиляции или оформления корня аффиксами (*буссагъат* вм. *бусагъат* и *баргъаллы* вм. *баргъаныы*) мы здесь не касаемся, имея в виду только двойные согласные в корнях. Из других тюркских языков двойные (долгие) согласные характерны для карачаево-балкарского и, отчасти, азербайджанского. Оба языка исторически имели неоднократное соприкосновение с различными народностями, говорящими на яфетических языках, а система двойных согласных (геминат) является, как известно, характерной для ряда яфетических языков.

Что же касается других тюркских языков вне Кавказа, то имеющиеся в них случаи двойных согласных (в некоторых числительных и др. корнях) совершенно иного происхождения.

2. Особое произношение къ. В буйнакском диалекте начальное къ звучит озвонченно (условное обозначение к̄ъ), т. е. является редким для тюркских языков заднеязычным взрывным звонким звуком.

Примеры: *к̄ъара* 'черный', *к̄ъар* 'снег', *к̄ъайда* 'где?', *к̄ъанат* 'крыло', *к̄ъабан* 'кабан', *к̄ъабакъ* 'тыква', *к̄ъап* 'мешок', *к̄ъапкъан* 'капкан', *к̄ъармакъ* 'удочка', *к̄ъатты* 'твердый', *к̄ъазан* 'котел'. Наличие такого к̄ъ характерно для тюркских языков Прикаспия: туркменского, азербайджанского и буйнакского диалекта кумыкского языка. Так как подобного типа к̄ъ является типичной чертой персидского языка, проблему начального к̄ъ в тюркских языках Прикаспия естественно связать с вопросом об иранско-тюркском языковом скрещении. Специально вопросу о природе начального азербайджанского *q* (къ) посвящена отдельная статья покойной Р. О. Шор (см. сборник «Советское языкознание», т. II).

3. Более слабое действие губной гармонии сравнительно с хасав-юртовским диалектом. Иначе говоря, после губных гласных в первом слоге корня гласные (и согласные) последующих слогов корня и аффикса не огубляются. Примеры: *уый-ге* 'в дом', а не *уый-г°оъ*, как в Хасав-юрте, *туъкен-ге* 'в лавку', а не *туък°оын-г°оъ*, как в Хасав-юрте.

В этом отношении хасав-юртовский диалект подходит ближе к тюркским языкам кыпчакского типа (ногайский, северно-крымские диалекты, казахский и др.).

4. Специфическое произношение гласных *оъ* и *уъ*. В буйнакском диалекте они звучат довольно близко к французским *eu* и *u*, тогда как в хасав-юртовском мы здесь имеем значительное «отвердение» этих двух гласных: здесь они гораздо ближе к звукам «о» и «у» и представляют собой как бы передние варианты этих двух фонем (нечто подобное встречается в крымско-татарском языке, не говоря, конечно, об узбекском, который имеет на это свои причины).

Примеры: *гуын* 'день', а не *г°ӱн* (как в Хасав-юрте), *гоъз* 'глаз', а не *г°оз* (как в Хасав-юрте).

Как видно хотя бы из этих примеров, звуки *оъ* и *уъ* не имеют в буйнакском диалекте такого ярко выраженного дифтонгообразного характера, как в Хасав-юрте, где по существу *оъ* почти всегда равно восходящему дифтонгу $^{y}_{o\text{ъ}}$, а *уъ* — восходящему дифтонгу $^{y}_{y\text{ъ}}$.

5. Специфическое произношение звуков в отдельных словах.

Примеры: *итти* 'острый', а не *уътту* (как в Хасав-юрте), *сарин* 'песня', а не *сарын* (как в Хасав-юрте), *сирив* 'стадо', а не *сырув* (как в Хасав-юрте), *гъыз* 'след', а не *гъиз* (как в Хасав-юрте), *-му* 'ли', а не $-\frac{мы}{ми}-\frac{му}{муь}$ (как в Хасав-юрте).

То же и в отношении согласных: *буршав* 'препятствие' — хасав-юртовское *буршав* и *пуршав*, *чарламакъ* 'щебетать' — х. ю. *чарнамакъ*, *болжал* и *божжал* 'срок' — х. ю. *болжал*, *гилевке* 'фунт' — х. ю. *гиревке*, *къама* 'сливочное масло' — х. ю. *кама*, *малгъам* 'бальзам', 'лекарство' — х. ю. *балгъам*, *таман* 'подошва' — х. ю. *табан*, *тамнъа* 'штемпель, печать' — х. ю. *тамгъа*, *тав* 'битва', 'сражение' — х. ю. *дав*.

6. Диссимилятивное действие гармонии гласных. Это явление развито слабее, чем в хайдакско-кумыкском, и наблюдается тем чаще, чем дальше мы удаляемся от самого Буйнакска в сторону территории хайдакских кумыков.

Примеры (по материалам А. А. Сатыбалова): *ногъай-лер* 'ногайцы' (КК), *палчик'* грязь' (Б), *яш-им* 'мой возраст' (НД), *алип-кельчи* 'принеси-ка' (НД), *гелаган* 'приходящий' (Х), *олей* 'так' (Б, НД), *булей* 'этак' (Б, НД), *шолей* 'вот так' (Б, НД), *алдинна* 'перед ним' (Б), *артинна* 'позади него' (Б), *бармиди* 'он не пошел' (Б), *бармеди* 'он не пошел' (НД), *бичакъ* 'нож' (Б, НД), *эчки-лар* 'козы' (Б), *баравиз* 'мы идем' (КШ), *гъачидай* 'кукуруза' (КШ), *гел-мах* 'приходить' (КШ), *дагъи* 'также' (КШ), *башкъалик* 'разница' (КШ), *таш-лей* 'он бросает' (Х, П), *къалин* 'толстый' (КШ), *ал-дик* 'мы взяли' (НД), *яз-дик* 'мы написали' (НД), *аш-лик* 'хлеб' (НД), *яз-лик* 'летний' (НД), *таптык'* 'мы нашли' (НД), *саттык'* 'мы продали' (НД), *ат-ли* 'конный' (НД), *къатти* 'твердый', 'крепкий' (НД), *айт-мей* 'он не говорит' (НД), *айтил'мей* 'он не говорится' (НД), *ат-инг* 'твой конь' (КШ), *янгиз* 'только один' (КШ), *х'ачин* 'сокол' (КШ), *чали* 'плетень' (Т, НД, КШ и др.).

7. Специфическое произношение звука «*нг*». Этот (единый в хасав-юртовском диалекте) звук здесь произносится, так сказать, аналитически, т. е. распадается на два возможных (по характеру соседних гласных) варианта: *н* + *гъ* и *н* + *г*.

Примеры: *тангъ* 'заря' звучит в этом диалекте, как *тан* + *гъ*, а не *та* + *нгъ* (где *нгъ* — единый слитный звук).

То же можно сказать и о произношении таких слов, как *минг* 'тысяча' — звучит *мин* + *г*, а не *ми* + *нг* (единый слитный звук) — *англамакъ* 'пони-

мать', *сангъырав* 'глухой', *атынгъ* 'твой конь', *генг* 'широкий', *енг* 'рукав', *теңг* 'равный'.

8. Спорадическая смычногортанная артикуляция согласных. Как правило, встречается в аулах, примыкающих к некумыкским аулам района.

Примеры: *т'анав* 'ноздри' (НД), *гьакъ'ил* 'ум' (там же), *къ'илма* 'восток' (КШ), *къ'ав* 'озеро' (КШ), *гьаракъ'и* 'водка' (КШ), *т'ал* 'верба' (Т).

С морфологической стороны буйнакский диалект характеризуется следующими особенностями:

1. Особые формы спряжения.

Примеры: *бармапман* 'я не пошел' (КШ) = лит. *бармагъанман*, *баравиз* и *барамиз* 'мы идем' (КШ), *яширипсан* 'ты спрятал' (КШ) = лит. *яшыргъан болгъансан*, *багип болупсун* 'ты посмотрел' (КШ) = лит. *къарап болгъансан*, *барип эдим* 'я раньше ходил' (КШ) = лит. *баргъан эдим*.

В лексическом и семантическом отношениях буйнакский диалект характеризуется следующими особенностями:

1. Вместо хасав-юртовского *лакъыр* 'разговор' здесь употребляется *лакъырт*.
2. 'Корова' обозначается словом *инек*, а не *сыйыр*, как в Хасав-юрте.
3. В значении хасав-юртовского слова *къарамакъ* 'смотреть' здесь употребляется *бакъмакъ*.
4. В значении 'рыболовная сеть' буйнакцы употребляют слово *тор*, а хасав-юртовцы — *ав*.
5. Слово 'острый', произносимое в Хасав-юрте *уъттуъ*, здесь звучит *иттти*, слово 'желтый' вопреки хасав-юртовскому *сари* (с *а* передним, приближающимся к *э*) здесь звучит *сэри*, хасав-юртовское *бычакъ* 'нож' здесь фигурирует в форме *бичакъ*, хасав-юртовское *сарын* 'народная песня' здесь звучит *сэрин*.
6. Вместо хасав-юртовского *эттим-чиде* 'сделал ведь же я' здесь говорят *эттим-чиле*.

ХАСАВ-ЮРТОВСКИЙ ДИАЛЕКТ

Как наиболее сформировавшийся из кумыкских диалектов, исторически чрезвычайно важен и явился ведущим в деле организации кумыкского литературного языка. До революции на этом диалекте говорили и писали старые певцы, поэты и вообще литераторы кумыкской национальности.

Территориально хасав-юртовский диалект распространяется на три крупных селения: Яхсай, Эндирей [1]) и Костек; сюда же относится

---

[1]) По общераспространенному объяснению *Эндирей* происходит от русского *Андрей*. Русские так и говорят: *Андрей-аул*. Однако *Эндирей* — старинный торговый центр, известный, в частности, работорговлей, и, конечно, существовал до прихода русских.

Бота-юрт. Аулы Яхсай, Эндирей и Костек образуют почти равнобедренный треугольник, если вершиной считать Эндирей, а основанием — линию Костек — Яхсай. Почти параллельно основанию этого треугольника проходит железнодорожная магистраль (линия Махачкала — Минеральные воды).

Экономически район хасав-юртовского диалекта имеет большое значение. Живущие здесь кумыки занимаются скотоводством (крупный рогатый скот) и специально коневодством; земледелие, также одно из основных занятий местного населения, относится все же к более поздним формам сельского хозяйства, чем первые две. Из других народов здесь имеются ногайцы, язык которых (также тюркской системы) находился в определенных исторических отношениях к кумыкскому — особенно в Баба-юрте. Поскольку кумыки — более древние насельники Северного Кавказа, а ногайцы появились здесь, очевидно, после Тимура и поскольку кумыки всегда были народом более высокой культуры, — ногайский язык испытывал более сильное воздействие со стороны кумыкского, чем наоборот. Это подтверждается рядом фактов из ногайского диалекта Дагестана и, в особенности, говором баба-юртовских ногайцев, в котором находим определенные черты кумыкской фонетики. Другая народность, живущая по соседству с хасав-юртовскими кумыками и испытавшая на себе отчетливое влияние со стороны кумыкского языка, это — чеченцы. Если в Буйнакском районе соседним яфетическим языком для кумыков являются аварцы, то в Хасав-юрте эта роль принадлежит чеченцам. Из чеченцев, живущих в среде кумыков или около них, многие совершенно свободно говорят по-кумыкски. Обратное положение наблюдается гораздо реже и не только в силу объективной трудности изучения чеченского языка. В феодальный период чеченцы занимали несколько подчиненное положение перед кумыкскими князьями и дворянством. Они арендовали земли у кумыкских князей и жили в отдельных хуторах, своего рода «колониях», среди основного кумыкского населения. Положение женщин у чеченцев в старое время было более свободным, чем у кумыков: чеченка работала и дома, и в поле и потому играла в хозяйстве бóльшую роль, чем кумычка, деятельность которой замыкалась в кругу домашних работ. Поэтому в старое время чеченцы не женились на кумычках, тогда как обратное явление встречалось на каждом шагу.

Для старой этнографической терминологии района характерно слово *юрт* 'село', употребляющееся так же, как у ногайцев *халкъ*, и *сала* 'городское поселение'. Последнее слово, сохранившееся в собственном имени Сала-тав и феодальном термине *сала оъздéн*, может говорить о хазарском влиянии (встречается и в среднем Крыму).

Перейдем к краткой характеристике хасав-юртовского диалекта.

Как уже подчеркивалось выше в целях сравнения, хасав-юртовский диалект характеризуется в общем более задней артикуляцией гласных, чем, например, буйнакский. Еще раз приведем относящиеся сюда примеры:

х.-ю. диалект		*буйн. диалект*
бузав	'теленок'	*бизав*
сарын	'народная песня'	*сэрин*
бычакъ	'нож'	*бичакъ*
ирахы	'мелкий настил на крыше'	*рэхи.*

Иногда встречается и обратное положение: хасав-юртовское *гъиз* 'след' ≠ буйнакское *гъыз*.

С этим надо связать и более заднюю артикуляцию звуков *оъ* и *уъ*, которые именно в Хасав-юрте звучат в своем заднем варианте, приближаясь к *о* и *у*, и, таким образом, представляют гласные переходного типа, о которых мы говорили в отделе фонетики, т. е. *о̇* и *у̇*.

Примеры: *го̇з* 'глаз', *гу̇ч* 'сила', *гу̇лъ терек* 'розовый куст', *ко̇пу̇р* 'мост'.

Далее для хасав-юртовского диалекта характерно огубление (лабиализация) согласных *к* и *г* главным образом перед губными гласными переднего (точнее: передне-среднего ряда) *о̇* и *у̇*; эта особенность, как мы говорили выше, стоит в связи с дифтонгообразным началом этих гласных.

Добавим, что это явление сближает хасав-юртовский говор кумыкского языка с ногайским и рядом языков кыпчакского типа, а также с некоторыми диалектами туркменского языка.

Примеры: *эки-г^{е}у̇лъ* 'две розы' при орфографическом *эки гуълъ*. *къара-г^{е}у̇н* 'черный день' при орфографическом *къара гуън*, *г^{е}у̇зну̇-г^{е}у̇ну̇* 'день осени' при орфографическом *гуъзнуъ гуънуъ*, *алты-г^{е}о̇зелъ* 'шесть красавиц' при орфографическом *алты гоъзелъ*.

Кроме типичной для хасав-юртовского диалекта вторичной лабиализации согласных *к* и *г* перед губными гласными переднего ряда, для этого диалекта характерна и вторичная палатализация *к* и *г* перед негубными гласными переднего ряда, т. е. перед *е* и *и*.

Например, согласный *г* перед *и* дает сначала *г^{и}и* и далее, утрачивая взрывный элемент *г* (т. е. в форме *^{г}й*), приближается к простому *й*. Это отражено на письме хотя бы в слове *йимик* 'подобно', 'как', исторически восходящем, несомненно, к форме *гимик*. Нужно добавить, что данное явление происходит и в рамках одного слова, и на стыке двух слов.

Примеры: орфографическое *гельген* 'он пришел' в хасав-юртовском произношении звучит *гель^{г}йен*, *гечген* 'он прошел' — как *геч^{г}йен*, *муннан гет* 'отсюда пойди' — как *муннангъ-йет* 'через ступень' *муннан-^{г}йет*, *бу гече гель* 'сегодня ночью приди' — как *бу гече-^{г}йелъ*, *эки геме* 'два корабля' — как *эки-^{г}йеме*, *уллу гиши* 'великий человек' — как *уллу-^{г}йиши* и т. д.

Для хасав-юртовского диалекта в большей степени, чем для буйнакского, характерны все те комбинаторные изменения согласных, которые мы разбираем выше в отделе консонантизма.

Наконец, хасав-юртовскому диалекту не свойственны отмеченные нами выше артикуляции смычногортанных, которые, в силу известных исторических причин, являются своего рода нормой для хайдакского и факультативной особенностью для буйнакского диалектов.

Губной сингармонизм в хасав-юртовском диалекте проводится более строго, чем в буйнакском; в частности здесь допустимы (как и в ногайских диалектах) широкие губные гласные аффикса после узких губных гласных корня.

Примеры: *ӱйгᵉӧ* 'в дом' ≠ буйн. *уъйге*, *тӱкᵉӧнгᵉӧ* 'в лавку' ≠ буйн. *туъкенге*, *өнгө* 'другой' ≠ буйн. *оънге* и т. д.

Однако этимологическое конечное *у* здесь часто переходит в *ы*: ср. колеблющиеся формы: *гъав-чу* и *гъав-чы* 'охотник'. Буйнакскому (в общем неизменяемому) *му* (вопросительная частица = русскому *ли*) в Хасав-юрте соответствуют 4 варианта: - *мы* / *ми* - *му* / *муь*.

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В кумыкском языке, как и во всех тюркских, морфологические категории настолько тесно связаны с синтаксисом, что рассматривать их в изоляции от их синтаксических функций почти невозможно. Если это еще допустимо для категорий словообразования, которые можно трактовать как определенные лексические единицы, то категории словоизменения можно понять только на фоне синтаксического контекста, хотя бы минимального. Если стать на точку зрения отдельной интерпретации форм в двух параллельных планах (морфологии и синтаксиса), то какую-нибудь кумыкскую форму принадлежности *атым бар* 'у меня есть конь', 'я имею коня', пришлось бы разбирать два раза: в отделе морфологии, поскольку слово *атым* оформлено аффиксом принадлежности 1-го лица ед. ч., и в отделе синтаксиса, поскольку слово *атым* (как подлежащее) реализуется в предложение при посредстве специфического сло́ва *бар*. Таких фактов множество. Исходя из них, мы решили давать морфологию параллельно с синтаксисом. Этим определяется и общая структура книги. Мы исходим из простого нераспространенного предложения, которое в кумыкском различается по типу сказуемого. Этих типов три: именной, глагольный и тип *бар* и *йокъ*. Именной тип сказуемого выражается так называемой категорией сказуемости; тип *бар* и *йокъ*, исторически примыкающий к именному, в современном языке сочетается с так называемой категорией принадлежности, которой выражено подлежащее; наконец, глагольное сказуемое выражается двумя способами: и категорией сказуемости, и категорией принадлежности.

Таким образом, рассматривая, например, категорию сказуемости, мы по линии морфологии охватываем целый ряд частей речи — в частности глагол, который в кумыкском языке (как и во всех тюркских) спрягается по «именному» спряжению.

Разобрав принципиальные категории (сказуемость и принадлежность), мы переходим к более узким категориям, которые типичны для отдельных частей речи. Вместо обычной схемы частей речи мы сочли более целесообразным ввести главу о морфологическом развитии слова, учитывая при этом семантику отдельного слова и его синтаксические функции. После рассмотрения отдельных частей речи и всего, что с ними связано, мы переходим к собственно синтаксическим конструкциям, в составе которых элементы морфологии играют явно подчиненную роль (порядок слов в предложении, категория определенности и неопределенности, отношение опре-

деляемого к определению и т. д.). В части сложного предложения ставится вопрос о типологии кумыкских придаточных, и дается попытка его решения. Что же касается «чисто синтаксических моментов», которые, однако, в истории языка были использованы, как морфологические средства (повторение слова, интенсив прилагательных, слово-предложение в форме междометия), то о них мы говорим в первой части нашего изложения.

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

Для того, чтобы имена (существительные, прилагательные, числительные и местоимения, отыменные формы наречия, именные формы глагола) синтаксически могли стать сказуемым, они должны принять специфические аффиксы сказуемости, дифференцированные по трем лицам и двум числам. Таким образом, категория сказуемости кумыкского и других тюркских языков представляет собою прежде всего явление морфологическое. Такие сочетания, как «я — кумык», «ты — аварец» и т. д., которые в западных языках строятся при помощи так наз. глагола-связки (или вспомогательного глагола) и представляют собой именно синтаксическое сочетание, по-кумыкски передаются одним словом; синтаксические функции глагола-связки выполняют аффиксы сказуемости. А поскольку эти аффиксы дифференцированы по лицам, постановка личных местоимений субъекта перед формами сказуемости необязательна. В 3-м лице единственного и множественного числа аффикс отсутствует, и функции его принимает на себя синтаксический фактор — порядок слов (подлежащее — вначале, сказуемое — позади). В некоторых же тюркских языках существуют специальные аффиксы и для третьих лиц, причем эти аффиксы часто иного происхождения по сравнению с аффиксами двух первых лиц. Аффиксы сказуемости безударны. Приведем общую схему аффиксов сказуемости.

Единственное число

1-е лицо - $\frac{\text{ман}}{\text{мен}}$ 2-е лицо - $\frac{\text{сан}}{\text{сен}}$

Множественное число

1-е лицо - $\frac{\text{быз}}{\text{биз}}$ - $\frac{\text{буз}}{\text{буьз}}$ 2-е лицо - $\frac{\text{сыз}}{\text{сиз}}$ - $\frac{\text{суз}}{\text{суьз}}$.

Примеры:

(мен)	ишчӥмен	'я — рабочий'	(мен)	аварлӹман	'я — аварец'
(сен)	ишчӥсен		(сен)	аварлӹсан	
о	ишчи		о	аварлӹ	
(биз)	ишчибиз		(биз)	аварлӹбыз	
(сиз)	ишчисиз		(сиз)	аварлӹсыз	
олар	ишчи		олар	аварлӹ	
(мен)	гуьчлӱьмен	'я — силен'	(мен)	рабкӧрман	'я — рабкор'
(сен)	гуьчлӱьсен		(сен)	рабкӧрсан	
о	гуьчлуь		о	рабкор	
(биз)	гуьчлуьбуьз		(биз)	рабкорбуз	
(сиз)	гуьчлуьсуьз		(сиз)	рабкорсуз	
олар	гуьчлуь		олар	рабкор	

Как видно из примеров, в 3-м лице единственного и множественного числа местоимения *о* и *олар* совершенно необходимы, так как иначе лицо не будет выражено. В литературном языке (реже в разговорном) для третьего лица употребляется, по примеру других тюркских языков, особый аффикс - *дыр* / *дир* - *дур* / *дуьр*, т. е. на ряду с *о ишчи*, *о аварлы* и т. д. можно сказать: *о ишчидир*, *о аварлыдыр*, *олар гуьчлуьдуьр*, *олар рабкордур*. В этом последнем случае постановка личных местоимений (*о* и *олар*) становится необязательной.

Исторически «имя сказуемого» (*ишчи*, *аварлы*, *гуьчлуь*, *рабкор* и т. д.) по-кумыкски, как во всех тюркских языках вообще, ставилось всегда в единственном числе, т. е. говорили: 'мы — кумык' (*биз къумукъбуз*), 'они — аварец' (*олар аварлы*) и т. д. В новое время (быть может, под влиянием русского языка) встречается иногда и множественное число имени сказуемого. Таким образом на ряду с *биз ишчибиз* 'мы — рабочие' можно встретить и *биз ишчилербиз*.

Аффикс 3-го лица - *дыр* / *дир* - *дур* / *дуьр* исторически происходит от глагола *тур-макъ* (в других тюркских языках *дур-макъ*) 'стоять'. Такой же переход значения 'стоять' > 'быть' мы наблюдаем в ряде языков других систем (ср. хотя бы французское *être* 'быть', восходящее к латинскому *stare* 'стоять'). Первоначальной звуковой формой этого аффикса было таким образом *-дур*; остальные варианты возникли впоследствии под влиянием гармонии гласных[1]). Что же касается аффиксов 1-го и 2-го лица, то происхождение их не требует комментариев: это — личные местоимения 1-го и 2-го лица, перешедшие в стадию аффикса (что сказывается в утрате ими ударения и в подчинении принципу гармонии гласных).

Таким образом *мен ишчи-мен* первоначально обозначало: 'я — рабочий-я', при чем первое 'я' указывало на подлежащее, а второе оформляло слово 'рабочий' в качестве сказуемого и впоследствии слилось с ним в одно слово, как это требовалось кумыкской морфологией. Аффиксы-местоимения превратились в то, что в западных языках называется личным окончанием или флексией лица. Отсюда понятно, что и в кумыкском спряжении мы встретим эти же аффиксы сказуемости в роли личных аффиксов. Таким образом, процесс спряжения в кумыкском глаголе является не чем иным, как только образованием формы сказуемости от определенных временных основ. Ниже мы увидим, что одна часть кумыкских глагольных времен (настоящих и будущих) строится по типу категории сказуемости, а другая часть (прошедшие времена) по типу категории принадлежности.

Применение формы сказуемости в отношении имен и в отношении глаголов всё же не вполне одинаково. В глагольных формах, построенных на аффиксах сказуемости, отрицание выражается специфическим аффиксом - *ма* / *ме* (*мен аламан* 'я беру', *мен ал-ма-й-ман* 'я не беру'), как оно выражается и в глагольных формах иного происхождения. В именных формах ска-

[1] Вариант *дуьр* употребляется как отдельное слово со значением «да» (ср. русское морское «есть»).

зуемости отрицательная форма несимметрична положительной: отрицание здесь выражается не аффиксом, а служебным словом *туъгуълъ*, которое в силу этого имеет стабильный фонетический состав. К этому слову присоединяются и аффиксы сказуемости, а «имя» сказуемого предшествует слову *туъгуълъ*. Вот общая схема:

(*мен*)	*къонакъ туъгуълъмен*	'я не кунак'
(*сен*)	*къонакъ туъгуълъсен*	'ты не кунак'
(*о*)	*къонакъ туъгуълъ*	'он не кунак'
(*биз*)	*къонакъ туъгуълъбуъз*	'мы не кунаки'
(*сиз*)	*къонакъ туъгуълъсуъз*	'вы не кунаки'
(*олар*)	*къонакъ туъгуълъ*	'они не кунаки'.

Туъгуълъмен и т. д., как уже сказано выше, остается фонетически неизменным после имени сказуемого любого звукового состава.

Исторически слово *туъгуълъ* означало: 'весь', 'целый', и употребление его в смысле 'не есть' можно сравнить с таким, например, сдвигом значения, который имеем во французском *pas du tout*. Кроме того, слово *туъгуълъ* употребляется в смысле частичного отрицания ('не'; 'не только'; 'а') и в этом случае не изменяется.

ПАРНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

В кумыкском языке, как и во всех тюркских, стилистический прием повторения используется в грамматических целях. В отличие от русского языка, где этот прием сохранился почти исключительно в детском языке и в фольклоре (реже в эмоциональной речи, напр. 'шел-шел', 'говорил-говорил'), в тюркских языках повторение не связано со стилем и встречается во всех видах литературного и разговорного языка. Прием повторения часто связан с количественным усилением смысла [1]) того или иного слова. Так, удвоенное деепричастие *бара-бара* 'долго идя', 'неоднократно ходя' отличается от простого *бара* 'идя' тем, что выражает или более интенсивное, или более продолжительное, или, наконец, повторяющееся действие. Прилагательное *къара* в удвоенном виде, т. е. исторически *къара-къара* означало (помимо особой эмоциональной окраски) качество более высокого потенциала, чем в простом *къара*: 'черный-пречерный', что теперь выражается формой *къап-къара* (см. ниже). Таким образом, если удвоение деепричастия есть по существу приближение к категории вида, то повторение прилагательного есть приближение к степени сравнения, именно к превосходной степени. Что же касается удвоения существительного, то здесь мы имеем своего рода приближение к категории множественного числа: *уюр-уюр* 'куча-куча' или 'группа-группа' = 'кучи' или 'кучами', 'группы' или 'группами' (в разных местах). Некоторые полагают, что такого рода синтаксически-стилистическое выражение категорий многократности действия, превосходства качества и множественности имени предшествует морфологическим категориям того же содержания и что, в частности, повторение

[1]) Реже имеет иные функции: *аз-аз* (мало-помалу) от слова *аз* (мало);

прилагательных и вытекающий отсюда интенсив (см. в соответственном отделе) предшествует превосходной степени в ее современном виде, а повторение существительных (с его вариантами, о которых ниже) предшествует категории множественного числа с аффиксом *-лар/лер*.

Намеченная схема повторения состоит из двух семантически неполноценных частей: одна из них (очевидно, последняя) является носителем реального значения, а другая (очевидно, первая) является чем-то в роде количественного усилителя или коэффициента. Так именно и обстоит дело в прилагательных, где *къара-къара* как бы равняются 2 *къара*. В дальнейшем понятно, что при десемасиологизации первого *къара* параллельно наступал процесс и его фонетической деформации, в результате чего получилось известное *къап-къара* (подробнее см. в отделе интенсива прилагательных).

Приведем несколько примеров на удвоение существительных: *жут-жут* 'пáрами' (дословно: 'пáра-пáра'). *Сирив-сирив* 'стадами'. *Табун-табун турналар* 'стáи-стáи (= целые стаи) журавлей' (или: 'журавли стáями'). *Къат-къат тонлу* 'в халате из нескольких рядов' ('слоев' — *къат*). *Къашларынгъ къалам-къалам* 'твои брови — ряд *калáм*'ов' ('тростниковых перьев') или: 'твои брови — *калáм* на *калáм*'е' (т. е. 'черны, как калáм').[1]

Как и в случае прилагательных, повторяемые существительные могут подвергаться дальнейшему фонетическому изменению. Один из вариантов здесь такой: первое слово сохраняется в своей первоначальной форме, а второе изменяется, принимая начальное *м* (если оригинал начинается на гласный) или меняя начальный звук корня на это *м* (если корень начинается на согласный).

Примеры: *ат-мат* (по-русски было бы 'конь-монь' или 'конимони') 'кони и прочее', 'всякие там кони'; *китап-митап* (своего рода 'книги-мниги') 'книги и прочее', 'разные там книги'; *къашыкъ-машыкъ* ('ложки-можки') 'всякие ложки'; *къыз-мыз* ('девицы-мевицы') 'всякие девицы'; *къаз-маз* ('гуси-муси') 'разные там гуси'; *уъй-муъй* ('дом-мом') 'дом и все, что при нем'.

В этих сочетаниях, помимо указания на неопределенную множественность, содержится также и эмоциональный оттенок: говорящий относится к предмету с иронией, пренебрежительно или несколько свысока. В подобной конструкции могут стоять не только существительные, но и прилагательные, например: *аз-маз* 'мало', 'мало-помалу', 'малость', 'кое-что'.

Кроме того, парные сочетания существительных состоят из двух имен полновесного значения, например: *къатын-къыз* 'женщины и девицы', т. е. весь женский пол. С внешней стороны такое сочетание обыкновенно связывается приемом аллитерации (см. в этом примере къ — къ, а также и в других примерах, которые будут даны ниже). С внутренней стороны оба элемента могут представлять собой: а) *целое и часть*, т. е. находиться друг к другу в количественном отношении: *къой-мал* ('овца-скот') 'мелкий рогатый скот' *тав-таш* 'горы и камни', *сав-саламат* 'жив и здоров' и т. д. b) *синонимы*: *мал-тувар* 'имущество', 'состояние' (каждая из частей

[1]) Последние три примера взяты из фольклора.

значит приблизительно одно и то же: 'скот', 'имущество', 'состояние'), *орун-тюшек* 'всякие постельные принадлежности' (первое из этих слов означает 'постель', второе — 'тюфяк').

Ср. еще по линии прилагательных *салкъын-сувукъ* 'тенистый', 'холодный' (дословно ' тень || прохладный' + 'холодный'); с) *контрастные понятия*: *эр-къатын* 'муж + жена = супруги', *къол-аякъ* 'руки + ноги = конечности', *аякъ-тоякъ* 'ноги + копыта = конечности скота' (особое значение этой же парной группы: «остатки от молотьбы»), *аюв-боьруъ* 'медведь + волк = крупные звери', *алтун-гуъмуъш* 'золото + серебро = драгоценности', *юзуък-билезик* 'перстни + браслеты = женские драгоценные украшения', *алыш-бериш* 'взятие + отдача (ср. русское «купля-продажа») = торговля', *сатыв-алыв* 'продажа + покупка = торговля', *ер-коьк* 'земля + небо = вся земля', *ата-ана* 'отец + мать = родители' и т. д.

Во всех этих случаях общее понятие, которое присуще всему сочетанию, представляет собой синтез двух частных понятий. Иногда один элемент сочетания (чаще второй) является таким словом, которое в современном кумыкском языке непонятно и может быть выяснено лишь историческим путем на базе одного кумыкского языка или даже всей тюркской системы. Во многих случаях этимология этих непонятных частей еще не установлена. Добавим, что способ парных словосочетаний широко практикуется во всех тюркских языках и, судя по письменным памятникам, принадлежит к числу весьма древних приемов. На нем мы опять видим, как язык пользуется синтаксическим явлением в чисто морфологических целях, о чем нам придется говорить несколько раз.

Что касается дальнейших морфологических изменений уже готового, данного словосочетания, то тут возможны два пути: 1) изменяются обе части и 2) изменяется одна последняя часть. Так же, как и другие тюркские языки, кумыкский язык не выработал здесь единообразной практики. Поэтому можно столкнуться и с первым принципом, и со вторым; теоретическое различие здесь будет зависеть, очевидно, от того, насколько оба частных понятия слились в представлении говорящего в одно общее понятие.

Примеры: *агълу-су магълу-су йокъ* 'у него никакой «*семьи-мемьи*» нет' = 'никакой у него семьи нет', *ата-сы ана-сы бар къыз* 'девочка, у которой есть отец и мать', *ата-сы ана-сы йокъ бала* 'ребенок, у которого нет родителей'.

В современной орфографии парные словосочетания пишутся через тире: *ата-ана* 'родители', *увакъ-туьек* 'мелкий' (дословно «мелкий-пелкий»).

МЕЖДОМЕТИЯ

Как и в других языках, кумыкские междометия по существу стоят вне частей речи и выражают: а) всякого рода чувства, испытываемые самим говорящим, b) условные словесные знаки-клички для того, чтобы подзывать животных и человека, с) так наз. звукоподражательные слова или картинное описание различных звуковых явлений из жизни природы и

человека. Такой сложный состав междометий объясняет, почему авторы кумыкских грамматик колеблются по поводу терминологического обозначения междометий: в издании 1933 года Батырмурзаев называет их *агъ-вагълар* (это собственно подходит к пункту a), а в издании 1935 года — *чакъырыв союзлер* (это показывает собою только пункт b).

Междометия в кумыкском языке, как и во всех тюркских, представлены весьма богато — особенно пункт c). Встречаются в кумыкском языке и заимствованные междометия в роде персидского *вагъ* 'ох!' 'увы!', сильно распространенного в Дагестане (ср. хотя бы в аварском языке).

Примеры на междометия: *багъ!* и *аллелей!* выражает удивление: 'а?' 'да ну?' 'неужели?!', *вере* выражает предостережение: 'эй, смотри как бы не. . .', *вай* (перс.) и *яхари* выражают сожаление, страх: 'ой!' 'увы!' и т. д. Слово *магъ* употребляется при передаче чего-нибудь кому-нибудь и соответствует русскому 'на!' Слово *бишев-бишев* употребляется, когда хотят подозвать кошку (русское 'кис-кис'), а *чишт* — когда хотят прогнать кошку (ср. русское 'брысь'). *Мияв-мияв* — звукоподражание кошачьему крику (русск. «мяу-мяу»).

Интересно, что слова́, употребляемые для призыва животных, обыкновенно стоят в повторном виде, как и по-русски (ср. 'кис-кис', 'тега-тега' и мн. др.).

Междометия представляют интерес для истории языка. В этом плане необходимо отметить, что ряд междометий может развиваться морфологически и в результате таких последовательных морфологических процессов входить в категорию глагола или имени (то же и по-русски: мяу-мяу > мяукать — мяуканье). Подобного рода междометия все оканчиваются на «узкий гласный + плавный», т. е. на $-\frac{ыр}{ир}-\frac{ур}{уьр} \parallel -\frac{ыл}{иль}-\frac{ул}{уьль}$. Ср., например, *шапыр* (практически употребляется 2 раза) — 'шш! шш!' (передает звуки шипения), *зыпыл* или *зыпыл-зыпыл* 'трр!' (передает ощущение дрожи и сжатие мускулов при дрожи), *дангъыр* или *дангъыр-дангъыр* 'динь! динь!' (звон), *тыкъыл* или *тыкъыл-тыкъыл* 'тик-тик!' (звуки тиканья), *жыбыл* или *жыбыл-жыбыл* 'пи-пи!' (писк цыплят и вообще птенцов, щебетанье), *хытыр* или *хытыр-хытыр* 'тырр!' (хруст во время грызни, часто употребляется, говоря о мышах), *фышыл* или *фышыл-фышыл* (передает звуки воды, которой прыскают во что-нибудь). Нетрудно установить, что, хотя эти слова, как типичные междометия, не принадлежат ни к какой части речи (ср. русские 'трах-тарарах', 'бум-бум' и др.), — однако с точки зрения морфологии они уже являются производной величиной. Очевидно, их основное значение связано не с легко выделяемым аффиксом *-ыр* || *-ыл*, а с первоначальными, более короткими звуковыми комплексами: *шап*, *зып*, *дангъ*, *тыкъ*, *жыб* || *жып*, *хыт*, *фыш* и т. д. Попутно отметим, что состав этого первоначального комплекса из трех звуков при малейшей вариации последних меняет свое значение. Так *дангъ* означает 'динь-динь!' (звон), а *дынгъ* означает не всякое 'динь-динь!', а только такой звук, который остается от предмета, разрушаемого или разоряемого дотла. Некоторые из таких

двусложных междометий уже начинают входить в категории частей речи: мы имеем в виду известное выражение *лакъыр этмек* 'болтать' и *лакъыр-чы* 'болтун', где *лакъыр* — междометие, выражающее болтовню. Существует еще *лакъыр-ды* 'болтовня'. Корень всех этих слов *лакъ* восходит к арабскому *laq*, что передает те звуки, которые производит клювом аист. В дальнейшем междометия с аффиксом *-ыр* || *-ыл* оформляются в категорию глагола посредством обычного словообразовательного аффикса *-ла/ле*.

Таким образом получаются новые слова: *шапыр-ла-макъ* 'остудить кипящий котел' (так чтобы при этом послышалось шипение), *зыпыл-ла-макъ* 'трепетать', 'дрожать', *дангъыр-ла-макъ* 'звенеть', 'звонить', *дынгъыр-ла-макъ* разорить что-нибудь до такой степени, что оно будет звучать как пустое тело, *тыкъыл-ла-макъ* 'тикать', 'стучать' (о часах), *жыбыл-ла-макъ* 'пищать', 'щебетать', *хытыр-ла-макъ* 'грызть с хрустом', *фышыл-ла-макъ* 'брызгать', 'прыскаться' (о воде или паре).

В отличие от русского языка, в котором употребление междометий и производных от них звукоподражательных глаголов наблюдается обыкновенно в разговорной речи, — кумыкский язык охотно допускает такие образования в любом жанре литературы и, в частности, в художественной литературе. Ср. следующие взятые оттуда примеры, которые не всегда легко перевести на другой язык:

зувулламакъ — 'скрипеть', 'стучать' (о колесах), 'свистеть' (о пулях)
зырылламакъ — 'лязгать' (о железе); 'жужжать' (о мухах)
мырылламакъ — 'выть' (о животных)
маылламакъ — 'блеять' (об овцах)
тархылламакъ — 'бренчать', 'звенеть'
сысылламакъ — 'визжать' (о пулях)
фыркъылламакъ — 'фыркать' (о лошадях)
мысгъылламакъ — 'дразнить', 'ухмыляться', 'осклабиться'
зангъырламакъ — 'звенеть' (о колокольчике)
хырцылламакъ — 'хрустеть' (о снеге)
пархылламакъ — 'порхать', 'сверкать'
гъувулламакъ — 'завывать' (о буре)
буркъулламакъ — 'пробурчать', 'проворчать'
ланцылламакъ — 'сверкать'
пильпильлемек — 'мигать' (о звездах)
пылпылламакъ — то же
чартылламакъ — 'трещать' (о горящем предмете)
вызгъылламакъ — 'визжать'
ингъырламакъ — 'стонать'.

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА

В кумыкском, как и в других языках системы, различаются четыре фазы морфологического развития слова. Поскольку, однако, морфологические процессы всегда тесно связаны с другими лингвистическими момен-

тами, взятыми в их динамике, фазы морфологического развития слова одновременно характеризуются также специальными семантическими и фонетическими показателями. Прежде всего мы имеем *отдельное слово*, входящее в состав частей речи и характеризующееся тремя основными признаками: 1) Полновесная семантика, т. е. реальное смысловое содержание, связанное с определенным предметом или его признаками. В связи с этим отдельное слово может употребляться самостоятельно, т. е. стоять в определенном контексте или вне его. 2) Отдельное слово обладает стабильным звуковым составом, т. е. не может иметь звуковых вариаций своего состава, как это наблюдается в формантах, подчиненных явлению сингармонизма. 3) Отдельное слово имеет свое самостоятельное ударение, т. е. не может быть в позиции энклитики.[1]) И, наконец, с морфологической стороны (это — четвертый и основной признак) отдельное слово имеет способность полного морфологического изменения по всем тем категориям, которые свойственны данной части речи. Так, например, отдельное слово *тиль* 'язык', которое принадлежит к группе существительных, может изменяться по схеме категории склонения, принадлежности и сказуемости; отдельное слово *язмакъ* 'писать', относящееся к группе глагола, может изменяться по всем категориям, свойственным глаголу: залога, наклонения, времени, лица, числа. Число примеров на отдельное слово можно было бы бесконечно увеличить, но в этом решительно нет надобности. Гораздо существеннее подчеркнуть, что следующие фазы морфологического развития слова, о которых ниже, в значительной степени восходят к прежним отдельным словам, т. е. являются как бы исторической проекцией отдельного слова или уже не существующего, или существующего, но с другой семантикой. Подобного рода процессы перехода отдельного слова в иные фазы морфологического развития часто совершаются чуть ли не перед нашими глазами. В этом смысле показательна вторая группа в общей схеме морфологического развития слов: *служебные слова*. К служебным словам относятся обыкновенно специальные имена существительные или глаголы, причем эти имена и глаголы имеют и свое сходство, и свое отличие по отношению к обычным именам и глаголам, входящим в категорию отдельного слова. Как и все отдельные слова, служебные слова обладают способностью полного морфологического изменения, стабильным звуковым составом и постоянным ударением. Иначе говоря, служебные слова ничем не отличаются от отдельных слов с точки зрения *формы*. Но между ними есть существенная разница с точки зрения смыслового содержания. В противоположность чисто предметной, материальной семантике отдельных слов, служебные слова утрачивают полновесную семантику и выражают только грамматические понятия или грамматические отношения между словами. Возьмем пример. В выражении *ерни уъстуънде* 'на земле' второе слово (*уъстуънде*)

[1]) Исключение составляет категория союзов, каковые приходится считать отдельными словами и каковые бывают в положении энклитик. Тем не менее большинство тюркских союзов заимствовано из других языков; для самих же тюркских языков функцию союзов частично выполняют послелоги, о которых см. ниже.

DTCF

формально является таким же существительным (*уьст* = 'верх'), как и *ер* 'земля', но только поставленным в местном падеже (*уьстуънде* = 'на верху его'). Тем не менее форма *уьстуънде* уже не сознается в своем, когда-то живом для нее значении («на верху его»), а употребляется исключительно как грамматический элемент в соответствии с русским «на»: *ерни уьстуънде* = 'на земле'. Таким же образом *къаланы ичинде* не значит 'во внутренности города', как это формально когда-то и означало (*ич* = 'внутренность'): *ичинде* — здесь только служебно-грамматический материал, и всё сочетание двух приведенных слов вполне соответствует русскому сочетанию «в городе». Характерно, что служебные имена (в роде *уьст*, *ич* и т. д.) указывают обычно на пространственные отношения и потому стоят в одном из трех «пространственных» падежей (дательный, местный, исходный); стоя же в каком-либо из других падежей, те же *уьст*, *ич* и т. д. функционируют как отдельное слово, а не как служебное.

Пример: *ерни уьстуъ къардан толгъан* 'поверхность (sic!) земли покрыта снегом'.

Таким образом слова типа *уьст*, *ич* и т. д. существуют в кумыкском в двух параллельных функциях: a) отдельного слова и b) служебного слова, причем во втором случае изменение по падежам ограничено тремя возможностями (см. выше). Таким образом переход какого-нибудь имени в разряд служебных все же связан с определенным сужением морфологического изменения слов. Возьмем другой пример. В сочетании *ятып турмакъ* (дословно: 'лежа стоять') глагол *турмакъ* (как отдельное слово — 'стоять'), очевидно, уже утратил свою прежнюю «полновесную» семантику, поскольку дословный перевод сочетания представляет собой явную бессмыслицу. Очевидно, *турмакъ* выступает здесь в иной, как бы вторичной и по существу грамматической, функции. Эта функция сводится к тому, что глагол *турмакъ*, в комбинации с деепричастием, указывает на продолжительность или длительность действия: *ятып турмакъ* 'постоянно лежать', 'все время лежать'. В современном кумыкском языке существует, таким образом, глагол *турмакъ* 'стоять', как отдельное слово, и «вспомогательный» глагол *турмакъ* для обозначения длительности действия; при этом служебный глагол *турмакъ* подчиняется ограничительным условиям если не морфологического, то синтаксического порядка: ставится только в сочетании с предшествующим деепричастием любого глагола.

Третьей фазой морфологического развития слова являются так наз. *послелоги*, этимологически восходящие к отдельным именам или глаголам. Из признаков отдельного слова послелоги сохранили только один: стабильный звуковой состав (например, послелог *йимик* во всяких комбинациях звучит именно как *йимик*, *учун* — как *учун* и т. д.). В остальных отношениях послелоги характеризуются: 1) «окаменевшей» формой, т. е. отсутствием какого бы то ни было морфологического изменения — иначе говоря, полной неизменяемостью, 2) отсутствием своего ударения, каковое переносится на предшествующее слово (т. е. *мени́* + *учун* 'ради меня',

а не *мени* + *учӱн*, *сенӣ* + *йимик* 'подобно тебе', а не *сени* + *йимӣк*) и, наконец, 3) своеобразной, чисто грамматической семантикой, которая приведена нами в специальном отделе о послелогах. Там же даны примеры и на происхождение послелогов — в большинстве случаев именное или глагольное: *гоьре* 'судя по', 'согласно' — деепричастие от глагола *гоьрмек* 'видеть' (собственно «видя»), *башгъа* 'кроме' — дат. падеж от слова *баш* 'голова', т. е. «на (свою) голову» > 'другой' > 'особо' > 'кроме' и т. д. В некоторых случаях точная этимология послелога еще не выяснена: так *саялы* 'вследствие', 'по причине', очевидно, состоит из двух частей: *сая* + *лы*, но что̀ означает эта основа *сая* — с достаточной убедительностью не выяснено. Послелог *булан* (карачаево-балкарское *бла*) соответствует форме *бирлен*|*билен*|*бирле*|*биле*|*илен*|*иле*|*инен*|*мен* и т. д. других тюркских языков и этимологически восходит, согласно распространенному мнению, к числительному *бир* (т. е. первоначальное значение послелога: 'в единении с', 'вместе с').

Четвертую фазу морфологического развития слова представляют собой *аффиксы*. Их отличительными признаками являются: 1) отсутствие стабильного звукового состава, т. е. принятие ими звуковых вариаций при единой семантике, т. е. то, что в грамматиках называется сингармонизмом. Здесь фонетическая сторона подчеркивает — и это типичная черта тюркских языков — смысловую несамостоятельность аффикса, т. е. его чисто грамматическую семантику. Являясь формальным показателем определенных морфологических категорий, аффикс, естественно, не может употребляться независимо от корня или основы отдельных слов, которые он оформляет. Кроме того, аффикс 2) имеет свое ударение. Что же касается безударных аффиксов, то это чаще всего полуаффиксы, т. е. переходная ступень между послелогом и аффиксом: ср., например, *къумӱкъ-ча* 'по-кумыкски', восходящее к *къумукъ* + *чакъ* ('кумыкская пора' > 'кумыкский манер', 'лад' > 'на кумыкский лад', 'на кумыкском языке'). Такие переходные типы сходны с послелогами по отсутствию ударения и с аффиксами — по отсутствию стабильной звуковой формы (ср. *къумӱкъ-ча*, но *тӱърк-че* 'по-турецки'). Другой тип безударных аффиксов основан, очевидно, на необходимости семантической дифференциации категорий; таков аффикс отрицания $-\frac{ма}{ме}$, например: *ба̀р-ма* 'не ходи' и *бар-мà* 'хождение', *бѐр-ме* 'не давай' и *бер-мѐ* 'давание'.

Морфологические элементы, представляющие переходную ступень от первых трех фаз к аффиксам, определяются, кроме безударности, также и стабильностью звукового состава. Это бывает в тех случаях, когда аффикс, повидимому, возник из служебного слова, минуя стадию послелогов. В качестве примера приведем аффикс *-даш*, который звучит таким образом после гласных любого качества: *йол-даш* 'спутник', 'товарищ' и *индаш* 'единоверец'. По мнению проф. Поппе, этот аффикс происходит из отдельного первоначально (а затем, очевидно, служебного) слова, которое в монгольском языке звучит *àdali* и означает: 'похожий', 'подобный'. Характерно, что в других тюркских языках аффикс *-даш* находится в другой

фазе развития, а именно, имеет звуковые варианты и, следовательно, ничем не отличается от прочих аффиксов: так, например, в туркменском языке оба приведенных выше слова звучат: *йол-даш* и *дин-деш*.

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ

Функции падежей и, в частности, неопределенного (не оформленного аффиксами падежа), который в числе своих функций имеет и замену русского именительного падежа (точнее: падежа подлежащего — *casus subjectivus*) — относятся к отделу синтаксиса. Здесь достаточно добавить, что 1-й падеж кумыкского склонения, который, кроме своей функции падежа подлежащего, употребляется еще параллельно другим падежам имен, одновременно стоящим в категории неопределенности, не следует называть по-русски узким термином именительного падежа: это именно неопределенный (и реально, и формально) падеж — по-латыни *casus indefinitus*. Ср., например, такие случаи употребления кумыкского неопределенного падежа, как: *китап школада къалды* 'книга осталась в школе' и *китап охумакъ* 'читать книгу' || 'книги', а формально «читать книга» или *китап базар* 'книжный базар', 'базар книги' (дословно «книга + базар»). Из этих примеров видно, что кумыкский неопределенный падеж, о котором подробнее говорится в синтаксисе, есть нечто более широкое, чем русский именительный падеж и по своей природе нечто от него отличное.

Падежей в кумыкском склонении шесть: неопределенный, родительный, дательный, винительный, местный и исходный. В этом отношении кумыкский язык не отличается от других тюркских, имеющих то же число падежей. Различие состоит скорее в тех особых фонетических явлениях, которые сопутствуют кумыкской схеме падежей.

По своему значению кумыкские падежи делятся на две группы: пространственные падежи и грамматические падежи. К первой группе относятся: местный, исходный и дательный падежи, ко второй: неопределенный, родительный, винительный и дательный. Как видно из этого перечня, дательный падеж занимает среднее (и связующее) место между этими двумя группами, поскольку он по своему содержанию относится к обеим. Пространственные падежи указывают на пространственные отношения, которые чаще всего обозначаются в связи с глаголами движения. При этом местный падеж указывает движение в нулевой степени (т. е. статику) и отвечает на вопросы: *где?* (относительно пространства) и *когда?* (относительно времени). Исходный и дательный падежи указывают динамику движения: в его начальной стадии на вопрос: *откуда?* (исходный падеж) и в его завершительной или конечной стадии на вопрос: *куда?* (дательный падеж). Грамматические падежи обозначают так называемые грамматические отношения: неопределенный падеж есть, вообще говоря, «падеж неопределенности» (*casus indefinitus*), которая для тюркских языков является особой синтаксической категорией, и, в частности, падеж подлежащего (*casus subjectivus*); родительный падеж выражает одновременно: 1) принадлежность одного предмета другому или органическую связь между ними и 2) категорию определен-

ности (например: *бу къумукъну тили* 'язык этого кумыка', *бу китапны багъасы* 'цена этой книги'); дательный падеж (по группе грамматических падежей) выражает косвенный объект или цель; винительный падеж выражает 1) прямой объект и одновременно 2) категорию определенности (*китапны охумакъ* 'читать эту книгу'). Таким образом все грамматические падежи выражают не одну категорию, а две:

Неопределенный: a) категория неопределенности,
b) категория подлежащего.

Родительный: a) категория принадлежности,
b) категория определенности.

Дательный: a) косвенный объект и цель,
b) пространственное отношение известного рода (см. выше).

Винительный: a) прямой объект,
b) категория определенности.

Как показывает значение дательного падежа, пространственные падежи, строго говоря, не ограничиваются рамками именно пространства, а обозначают и некоторые иные отношения между предметами. В той или иной степени это замечание относится также к местному и исходному падежам. Характеристика всех значений каждого падежа входит в раздел синтаксиса.

Аффиксы склонения в кумыкском языке принадлежат к так наз. северному типу тюркского склонения, т. е. начинаются на согласный (в южном типе аффиксы родительного, дательного и винительного падежей начинаются на гласный, остальные — на согласный). Поэтому в парадигме склонения отсутствует схема гласных основ, так как столкновение конечного гласного основы с начальным гласным аффикса таким образом исключается.

Схема склонения

Неопределенный падеж: *йол* 'путь', *таш* 'камень', *бала* 'детеныш', *соъз* 'слово', *тиль* 'язык', *тиш* 'зуб'.

Специфического аффикса падеж не имеет, и принадлежность слова к неопределенному падежу определяется отрицательным признаком (отсутствием аффикса).

Родительный падеж: аффикс: $-\frac{ны}{ни}-\frac{ну}{нуь}$.

Примеры: *йол-ну* 'пути', *таш-ны* 'камня', *бала-ны* 'детеныша', *соъз-нуь* 'сло́ва', *тиль-ни* 'языка', *тиш-ни* 'зуба'.

Тот же тип родительного падежа встречаем в карачаево-балкарском и некоторых узбекских говорах.

Дательный падеж: аффикс: (графически) $-\frac{гъа}{ге}$.

Примеры: *йол-гъа* 'пути', 'в путь', *таш-гъа* 'камню', 'на камень', *бала-гъа* 'детенышу', 'к ребенку', *соъз-ге* 'слову', 'для слова', *тиль-ге* 'языку', 'на язык', *тиш-ге* 'зубу', 'на зуб'.

При морфологическом принципе единообразного начертания - $\frac{гъа}{ге}$ аффикс этот после глухих согласных корня фактически произносится, как - $\frac{къа}{ке}$: пишется *баш-гъа* 'голове', 'на голову' — читается *баш-къа*; пишется *ит-ге* 'собаке', 'к собаке' — читается *ит-ке* и т. д. Более специальные фонетические явления (огубление и смягчение *г* после губных и «мягких» звуков) на письме не отражаются.

Винительный падеж сходен по форме с родительным и синтаксически расшифровывается только в контексте. Это совпадение двух падежей, отличающее кумыкский и карачаево-балкарский язык от других тюркских, возможно, произошло в результате своеобразного исторического процесса, который нам пока неизвестен.

Местный падеж: аффикс: (графически) - $\frac{да}{де}$.

Примеры: *йол-да* 'в пути', 'на пути', 'во время пути', *таш-да* 'на камне', *бала-да* 'у детеныша', 'при детеныше', *соъз-де* 'в слове', *тиль-де* 'в языке', 'на языке'.

Изображаемый в силу морфологического принципа орфографии всюду, как - $\frac{да}{де}$, аффикс местного падежа фактически произносится, как - $\frac{та}{те}$ после глухих согласных основы и как - $\frac{на}{не}$ — после носовых.

Примеры:

пишется:	*баш-да*	'на голове', 'вначале' 'прежде'	произносится:	*баш-та*
»	*иш-де*	'в работе'	»	*иш-те*
»	*сабан-да*	'в плуге', 'на плуге'	»	*сабан-на*
»	*къысым-да*	'в горсти'	»	*къысым-на*
»	*салам-да*	'в соломе'	»	*салам-на*
»	*къапкъан-да*	'в капкане'	»	*къапкъан-на*

Исходный падеж: аффикс: (графически) - $\frac{дан}{ден}$.

Примеры: *йол-дан* 'с пути', *таш-дан* 'с камня', *бала-дан* 'от детеныша', *соъз-ден* 'от слова', *тиль-ден* 'с языка', 'от языка', *тиш-ден* 'с зуба', 'от зуба'.

Изображаемый всюду, как - $\frac{дан}{ден}$, аффикс исходного падежа фактически произносится, как - $\frac{тан}{тен}$ после глухих и - $\frac{нан}{нен}$ — после носовых.

Примеры:

пишется:	*таш-дан*	'с камня'	произносится:	*таш-тан*
»	*баш-дан*	'с головы'	»	*баш-тан*
»	*къапкъан-дан*	'из капкана'	»	*къапкъан-нан*
»	*салам-дан*	'из соломы'	»	*салам-нан*
»	*къалам-дан*	'от тростникового пера'	»	*къалам-нан.*

Примечание. В некоторых кумыкских говорах (у хайдакских кумыков и в районе Буйнакска) отмечен архаичный исходный падеж[1]) на *-дин* || *-тин*, который известен из письменных памятников уйгурских и чагатайских, а также кое-где сохранился и до наших дней в языке фольклора (особенно поволжско-татарского и башкирского).

Примеры: *герти-тин* 'поистине', 'взаправду' (дословно: 'из истины', 'из правды') = *герти-ден*, *гъава-тин* 'с воздуху' = *гъава-дан*, *алаша-тин* 'снизу' = *алаша-дан*.

Как видно из примеров, аффикс этот встречается только в форме *-тин* с начальным глухим. Отметим также любопытные случаи:

1) *масхалатин* 'по (его) совету' вместо литературного *маслахатындан* и особенно 2) *ердентин* 'с земли', 'не задевая земли', где исходный падеж выражен два раза: новым аффиксом *- ден* и архаичным *- тин* одновременно, при чем последний функционирует, как своего рода послелог.

При *склонении множественного числа* аффикс множественности $-\frac{лар}{лер}$ предшествует падежным аффиксам. В остальном тип склонения морфологически остается единым, т. е. прибавляются те же падежные аффиксы, что и в единственном числе.

Неопределенный падеж.

Примеры: *йол-лар* 'пути', *таш-лар* 'камни', *ата-лар* 'отцы', *соъз-лер* 'слова', *тиль-лер* 'языки', *тиш-лер* 'зубы', *татар-лар* 'татары', *сабан-лар* 'плуги', *къапкъан-лар* 'капканы'.

Последние два примера, сохраняя на письме такое начертание, фактически произносятся *сабал-лар* и *къапкъал-лар* в силу обычной для кумыкского языка ассимиляции звуков, по которой группа *н + л > л + л*.

Родительный падеж.

Примеры: *йолла-ны* 'путей', *ташла-ны* 'камней', *атала-ны* 'отцов', *соъзле-ни* 'слов', *тильле-ни* 'языков', *тишле-ни* 'зубов', *къапкъанла-ны* (произносится *къапкъал-ланы* 'капканов').

С этим падежом так же, как с винительным и дательным, связан фонетический факт отпадения *р* в конце закрытого слога. Эту особенность разделяет с кумыкским и карачаево-балкарский язык.

[1]) Нам кажется, что такое объяснение элемента *-тин* все же наиболее вероятно.

Дательный падеж.

Примеры: *йолла-гъа* 'на пути', 'к путям', 'путям', *ташла-гъа* 'камням', 'на камни', *атала-гъа* 'отцам', 'к отцам', *соъзле-ге* 'словам', 'для слов', *тилъле-ге* 'языкам', 'для языков', *тишле-ге* 'зубам', 'на зубы', *къапкъанла-гъа* (произносится: *къапкъаллагъа*) 'капканам', 'в капканы'. Это — кумыкские и карачаево-балкарские формы; там же, где можно установить влияние азербайджанского языка, в кумыкской речи появляются обычные для тюркских языков формы: *йоллар-гъа*, *тилъler-ге* и т. д.

Винительный падеж сходен с родительным.

Исходный падеж.

Примеры: *йоллар-дан* 'с путей', 'из путей', *ташлар-дан* 'с камней', 'из камней', *аталар-дан* 'от отцов', *соъзлер-ден* 'от слов', *тишлер-ден* 'из зубов', 'от зубов', *тилълер-ден* 'от языков', 'из языков', *къапкъанлар-дан* (произносится *къапкъаллардан*) 'из капканов', 'от капканов'. При исходном падеже слов выпадение *р* в конце закрытого слога не наблюдается; иначе говоря, этот звуковой закон связан с категориями определенных падежей.

Местный падеж.

Примеры: *йоллар-да* 'в путях', 'на путях', *ташлар-да* 'на камнях', *аталар-да* 'у отцов', 'в отцах', 'при отцах', *соъзлер-де* 'в словах', 'на словах', *тилълер-де* 'в языках', 'на языках', *тишлер-де* 'в зубах', 'на зубах', *къапкъанлар-да* (произносится *къапкъаллар-да*) 'в капканах'.

Иногда по примеру родительного, винительного и дательного падежей звук *р* аффикса множественности выпадает также в местном и в исходном падежах: *йолла-да*, *йолла-дан* и т. д. В карачаево-балкарском языке такие формы считаются нормальными.

Примечание. Об особенностях склонения слов, стоящих в категории принадлежности, а также о склонении местоимений см. в соответственных отделах.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Такие выражения, как 'мой конь', 'твоя книга', 'его стол' и т. д. по-русски (как и в других европейских языках) выражаются словосочетанием из двух элементов 'мой' + 'конь', 'твоя' + 'книга', 'его' + 'стол', причем отношение, которым связаны эти два элемента, может быть разобрано исключительно в плане синтаксиса, а никак не в плане морфологии. В кумыкском языке (как и во всех тюркских) подобного рода сочетания обычно выражаются средствами морфологии,[1]) а именно: понятие 'мой' и понятие 'конь' вполне могут быть выражены *одним* словом, причем понятие 'мой' будет передано специфическим аффиксом. Этот

[1]) Существует, как увидим ниже, и компромиссный способ: полуморфологический и полусинтаксический, но он всецело базируется на морфологическом, который и приходится считать более типичным и более древним.

аффикс называется аффиксом принадлежности, поскольку основная идея, связывающая два сло́ва 'мой' и' конь', может быть определена, как идея принадлежности.[1]) Следует заметить, что в кумыкской грамматике (и в грамматиках других тюркских языков) термин 'принадлежность' условно объединяет не только понятие собственности в узко юридическом смысле, но и целый ряд других логических отношений, основанных на органической связи одного предмета с другим (по разным линиям, как то: причина, цель, соотношение *pars pro toto* и др.). С этой точки зрения вместо 'ключ *от* замка́' в тюркских языках скажут 'ключ замка́', вместо 'комиссия *по* приему' — 'комиссия приема', вместо 'дорога *в* деревню' — 'дорога деревни' и т. д., и т. д.

Если идея принадлежности выражена отдельно от того предмета, на который она фактически направлена или могла бы быть направлена теоретически, — то мы имеем дело с так называемой абстрактной принадлежностью. В качестве примера абстрактной принадлежности можно привести следующие русские фразы: 1) эта книга / моя (в обычной орфографии пауза может быть выражена через тире, которое именно и отделяет слово «книга» от слова «моя»), 2) чья *это*/ книга? 3) чья/ *эта* книга? 4) наша.

Если же идея принадлежности логически и грамматически неотделима от объекта, на который направлена или могла бы быть направлена, то мы имеем дело с конкретной принадлежностью. Для русского языка это будут такие случаи, как: 1) моя книга/ вот эта, 2) эта книга/ не твоя, 3) эта книга / чья? 4) наша книга.

В кумыкском языке (как и во всех тюркских) абстрактная и конкретная принадлежность выражаются различными грамматическими средствами.

Абстрактная принадлежность в большинстве тюркских языков выражается родительным падежом имени обладателя (а таковым чаще всего бывает личное или указательное местоимение и существительное), или происшедшими из родительного падежа личных местоимений особыми субстантивированными местоимениями типа *меники* (= франц. *le mien*, нем. *dermeine* или *dermeinige*).

В кумыкском языке абстрактная принадлежность выражается таким образом особой формой, о которой подробнее см. ниже, в отделе притяжательных местоимений.

В выражении 'мой конь' различают два элемента: 'конь', который является объектом принадлежности, и 'мой', который является обозначением субъекта, реализующего принцип принадлежности в отношении коня. Объект принадлежности 'конь' называется еще предметом обладания, а выражение субъекта называется еще именем обладателя ('мой' есть обозначение субъекта 'я'). И предмет обладания, и имя обладателя могут стоять и в единственном, и во множественном числе. По теории вероятностей здесь возможны четыре случая: 1) И имя обладателя, и предмет обладания стоят

[1]) Русские авторы тюркских грамматик иногда пользуются (под влиянием, конечно, русских грамматик) старыми терминами «притяжательный» и «притяжание», из которых второй ничего не говорит и русскому читателю.

в единственном числе: 'мой' (ед. ч.) 'конь' (ед. ч.), т. е. 'я' — 'один' и 'конь' — 'один'. 2) Имя обладателя стоит в единственном числе, а предмет обладания — во множественном: 'мои' (для русского языка множественное число, а для английского или для тюркских — единственное) 'кони' (мн. ч.), т. е. 'я' — 'один', а '*коней* — много'. 3) Имя обладателя стоит во множественном числе, а предмет обладания — в единственном: 'наш' (мн. число не в смысле формального согласования по схеме русского языка, а в логическом плане) 'конь' (ед. ч.), т. е. 'нас' — 'много', а '*конь* — один'. 4) И имя обладателя, и предмет обладания стоят во мн. числе: 'наши' (мн. ч.) 'кони' (мн. ч.), т. е. 'нас — много', и 'коней — много'.

Аффиксы принадлежности

Прежде чем приводить список этих аффиксов, надо оговориться, что для примера мы возьмем сперва тот случай, когда предмет обладания остается в единственном числе, а изменяется в числе лишь имя обладателя.

Единственное число

1-е лицо - $\frac{ым}{им}$ - $\frac{ум}{уьм}$:	*ат-ым*	'мой конь'
	ит-им	'моя собака'
	йол-ум	'мой путь'
	юз-уьм	'мое лицо'
2-е лицо - $\frac{ынгъ}{инг}$ - $\frac{унгъ}{уьнг}$:	*ат-ынгъ*	'твой конь'
	ит-инг	'твоя собака'
	йол-унгъ	'твой путь'
	юз-уьнг	'твое лицо'
3-е лицо - $\frac{ы}{и}$ - $\frac{у}{уь}$:	*ат-ы*	'его конь'
	ит-и	'его собака'
	йол-у	'его путь'
	юз-уь	'его лицо'

Множественное число

1-е лицо - $\frac{ыбыз}{ибиз}$ - $\frac{убуз}{уьбуьз}$:	*ат-ыбыз*	'наш конь'
	ит-ибиз	'наша собака'
	йол-убуз	'наш путь'
	юз-уьбуьз	'наше лицо'
2-е лицо - $\frac{ыгъыз}{игиз}$ - $\frac{угъуз}{уьгуьз}$:	*ат-ыгъыз*	'ваш конь'
	ит-игиз	'ваша собака'
	йол-угъуз	'ваш путь'
	юз-уьгуьз	'ваше лицо'
3-е лицо - $\frac{ы}{и}$ - $\frac{у}{уь}$:	*ат-ы*	'их конь'
	ит-и	'их собака'
	йол-у	'их путь'
	юз-уь	'их лицо'.

Кроме приведенного типа категории принадлежности, существует еще второй тип. Он состоит в том, что перед каждой из приведенных выше форм ставится родительный падеж личного местоимения соответствующего лица. Общая схема этого второго типа:

Единственное число

1-е лицо *мени ат-ым* 'мой конь'
2-е лицо *сени ат-ынгъ* 'твой конь'
3-е лицо *ону ат-ы* 'его конь'

Множественное число

1-е лицо *бизин ат-ыбыз* 'наш конь'
2-е лицо *сизин ат-ыгъыз* 'ваш конь'
3-е лицо *оланы ат-ы* 'их конь'.

Этот тип называют иногда плеонастическим, т. е. излишне подчеркивающим специальное содержание категории: на самом деле *мени ат-ым* дословно означает как бы 'мой конь-*мой*', где элемент 'мой' фигурирует дважды. Тем не менее употребление личных местоимений является факультативным, и таким образом разница между этими двумя типами стирается.

В других тюркских языках существует еще третий тип: сочетание личных местоимений с безаффиксной (в смысле аффиксов принадлежности) формой имен, т. е. *бизин соъз* — 'наше слово', *сизин соъз* 'ваше слово' и т. д. Как и в большинстве из них, в кумыкском такая форма употребляется только для 1-го и 2-го лица множ. числа. Причины этого окончательно не выяснены.

Формы *ат-ы* и *ит-и* (и, разумеется, все слова, подобные им) имеют двоякое значение: $\frac{\text{'его}}{\text{'их}}$ конь' и $\frac{\text{'его}}{\text{'их}}$ собака'. То же имеем во многих тюркских языках. Связано это с тем, что показатель множественного числа $-\frac{лар}{лер}$ есть явление, исторически, сравнительно позднее, и что, во-вторых, первоначальная форма имени (*ат*, *ит* и т. д.) слишком часто употребляется для выражения так называемой коллективной неопределенности, т. е. особого типа множественного числа. Значение такого рода форм расшифровывается или по контексту, или по родительному падежу личного местоимения, которое в данном случае получает вполне определенную функцию: *ону ат-ы* 'его конь', *оланы ат-ы* 'их конь'.

При гласных основах имени аффиксы принадлежности имеют слегка измененный фонетически вариант; для 3-го лица обоих чисел вводится особый аффикс. Общая схема:

Единственное число (предмета обладания):

а) *Единственное число* (имени обладателя)

1-е лицо **-м**	*(мени) ата-м*	'мой отец'
	(мени) эчги-м	'моя коза'
2-е лицо $-\frac{нгъ}{нг}$	*(сени) ата-нгъ*	'твой отец'
	(сени) эчги-нг	'твоя коза'

3-е лицо - *сы* / *си* - *су* / *суь*	*(ону) ата-сы*	'его отец'
	(ону) эчги-си	'его коза'
	(ону) къозу-су	'его ягненок'
	(ону) туьлькуь-суь	'его лиса'

b) *Множественное число* (имени обладателя)

1-е лицо - *быз* / *биз* - *буз* / *буьз*	*(бизин) ата-быз*	'наш отец'
	(бизин) эчги-биз	'наша коза'
	(бизин) къозу-буз	'наш ягненок'
	(бизин) туьлькуь-буьз	'наша лиса'
2-е лицо - *гъыз* / *гиз* - *гъуз* / *гуьз*	*(сизин) ата-гъыз*	'ваш отец'
	(сизин) эчги-гиз	'ваша коза'
	(сизин) къозу-гъуз	'ваш ягненок'
	(сизин) туьлькуь-гуьз	'ваша лиса'
3-е лицо - *сы* / *си* - *су* / *суь*	*(оланы) ата-сы*	'их отец'
	(оланы) эчги-си	'их коза'
	(оланы) къозу-су	'их ягненок'
	(оланы) туьлькуь-суь	'их лиса'.

Когда же предмет обладания стоит во множественном числе (с аффиксом - *лар* / *лер*), то этим устраняется формальное различие между гласными и согласными основами, и аффиксы принадлежности ставятся так, как если бы мы имели дело с простой основой на согласный.

Множественное число (предмета обладания):

a) *Единственное число* (имени обладателя)

1-е лицо	*(мени)*	*атлар-ым*	'мои кони'
	(мени)	*эчгилер-им*	'мои козы'
2-е лицо	*(сени)*	*атлар-ынгъ*	'твои кони'
	(сени)	*эчгилер-инг*	'твои козы'
3-е лицо	*(ону)*	*атлар-ы*	'его кони'
	(ону)	*эчгилер-и*	'его козы'

b) *Множественное число* (имени обладателя)

1-е лицо	*(бизин)*	*атлар-ыбыз*	'наши кони'
	(бизин)	*эчгилер-ибиз*	'наши козы'
2-е лицо	*(сизин)*	*атлар-ыгъыз*	'ваши кони'
	(сизин)	*эчгилер-игиз*	'ваши козы'
3-е лицо	*(оланы)*	*атлар-ы*	'их кони'
	(оланы)	*эчгилер-и*	'их козы'.

Форма типа *атлар-ы* может иметь двоякий перевод: 1) его кони и 2) их кони, и расшифровывается или по контексту фразы, или по поставленным спереди местоимениям: *ону* и *оланы*. Двоякое значение формы *атлары* характерно не только для кумыкского, но и для всех тюркских языков, а двоякое значение формы *аты*, о чем упоминалось выше, — только для некоторых из них (в частности, казахского, киргизского, ногайского и карачаево-балкарского).

Фонетические явления, сопровождающие категорию принадлежности

Образованию форм принадлежности сопутствуют некоторые звуковые явления, которые в основном относятся к разделу фонетики и в морфологии упоминаются только из практических соображений, так как дают основание для классификации основ.

1. Конечные *къ* и *к* основы, попадая в положение между двумя гласными (основы и аффикса), озвончаются, т. е. *къ* > *гъ*, а *к* > *г*, например: *балыкъ* 'рыба' — *балыгъ-ым* 'моя рыба', *этмек* 'хлеб' — *этмег-и* 'его хлеб' и т. д. Но: *балыкълары* 'их' || 'его рыбы' и *этмеклери* 'их' || 'его хлебы'. То же явление наблюдается во всех тюркских языках.

2. Столь же характерно для тюркских языков и следующее явление: ряд слов, имеющих во втором слоге узкий гласный (*ы*, *и*, *у*, *уъ*) под влиянием переноса ударения теряет этот гласный через ступень его постепенной редукции. Как и в предыдущем случае, эта редукция и выпадение имеет место перед всеми аффиксами, начинающимися с гласного (т. е. фактически всюду в категории принадлежности, кроме аффикса - $\frac{лары}{лери}$).

Примеры: *боюн* 'шея' — *бойн-ум* (вм. *боюн-ум*) 'моя шея', но *боюнлары* 'их шеи', где, во-первых, фактически слышится два ударения: *боюнлары*, а, во-вторых, в случае выпадения *у* образовался бы фонетически недопустимый даже и в середине слова комплекс согласных — *йнл*: *'бойнлары'*. В слове *бойнакъ* (собственно 'белошеий';[1]) отсюда же фамилия и, дальше, название города: Буйнакск) мы, очевидно, имеем стяженную форму из *бойну акъ* ('шея его белая'), т. е. сложное прилагательное, выраженное обычными для тюркских языков синтаксическими средствами, — «белошеий».

Вот еще два слова этого типа: *бурун* 'нос', 'мыс' с параллельной основой *бурн-* и *къарын* 'живот', 'утроба' с параллельной основой *къарн-*. В других тюркских языках этот перечень шире, но в кумыкском многие из подобных слов не подвергаются изменению, например: *авуз* 'рот', 'клюв', 'уста', *авуз-ум* 'мой рот', *гъакъыл* (из арабск. *ʿaql*) 'ум' — *гъакъыл-ым* 'мой ум' и т. д. Характерно, что относительно первого слова существует колебание: в грамматике Батырмурзаева (издание 1933 года) дана разговорная

[1]) Термин этот имеет в кумыкском языке определенное социальное и этнографическое значение: см. об этом статью А. А. Сатыбалова в сборнике «Советское языкознание», т. II.

форма *авуз-у* 'его рот', тогда как в его же грамматике издания 1935 года последовательно проводится форма типа *авз-убуз* 'наш рот'. Некоторые старые арабские слова выпадают из перечня изменяемых слов в силу того, что по-кумыкски они оформляются иначе, чем в других тюркских языках: так, старому и ныне оставленному кумыкско-арабскому *исм-у* 'имя' в других тюркских языках соответствует форма *исим* с параллельной основой *исм-*. То же надо сказать об арабско-кумыкском слове *вакъты*, чему в других тюркских языках соответствует *вакъыт* с параллельной (измененной) основой *вакът-*. Исторически, повидимому, формы *исму* 'имя', *вакъты* 'время', *фиълу* 'глагол', *илъму* 'наука', 'знание', *рагъму* 'милость', *нагъыу* 'синтаксис' (старое название), *касбу* 'профессия', *шиъру* 'стихотворение', *аслу* 'начало', 'происхождение', *фикру* 'мысль', восходящие к арабским корням: *ism*, *vaqt*, *fiʿl*, *ʿilm*, *naḥv*, *kesb*, *ṣiʿr asl*, *fikr* — сами оформлены при посредстве кумыкского аффикса принадлежности 3-го лица. В этом случае современные нам кумыкские образования *исму-су* 'его имя', *касбу-су* 'его профессия' приходится рассматривать, как плеонастические формы с двойным аффиксом одной категории: *исм* 'имя' + *у* 'его' + *су* 'его', т. е. как бы «его его имя». Подобного рода случаи нередко встречаются в языках различных систем.

Приведем два примера: 1) русское 'рельсы', где имеем два показателя множественности: английский — 'с' [1]) (*rail-s* при единственном числе *rail*) и русский — 'ы'; 2) крымско-татарское *фукъаре-лер* 'бедняки', где *фукъаре* уже является множественным числом с точки зрения арабского языка, а *-лер* — крымский показатель множественности. См. также в самом кумыкском такие случаи, как *коъбуъсуъ* 'большинство из них', *бириси* 'один из них', *гъариси* 'каждый из них'.

Труднее предположить, что в словах типа *исму*, *фиълу* и т. д. конечное *у* представляет собой остатки арабского *у* (из так наз. тенвинированной формы или из формы *status constructus*) и попало в кумыкский язык книжным путем через мусульманскую школу. В пользу этой гипотезы могли бы говорить два обстоятельства:

1) конечным гласным всех таких слов является именно *у*, а не какой-либо другой гласный по требованию гармонии,

2) все эти слова в основном передают отвлеченные понятия и могут быть отнесены к разряду так называемых книжных слов.

Возражением против этой гипотезы служит тот факт, что другие тюркские языки, которые исторически подвергались не менее сильному воздействию старой арабско-мусульманской школы (например, азербайджанский или узбекский), совершенно не знают такого оформления подобных арабских слов: скопление двух согласных в конце корня или разряжается узким гласным по сингармонизму (*ис-и-м*, *кес-и-б*) или даже игнорируется совершенно (ср. азербайджанское *elm* 'из арабского' *ʿilm* 'наука', 'знание'). Любопытно отметить приводимое у Немета чисто кумыкское *орну* 'место' в отличие от *орун* 'постель'.

[1]) Точнее: 'з' (таков фонетический эквивалент *графического* 'с').

Специфическое кумыкское слово *сарын* 'песня', произносимое в Буйнакске почти как *сарин*, сохраняет узкий гласный во всех лицах категории принадлежности: *сарын-ым* 'моя песня' и т. д.

В отличие от других тюркских языков слова типа *ат* 'имя', *от* 'огонь', *оът* 'желчь', *суът* 'молоко' и т. д. не восстанавливают первоначального конечного звонкого перед гласным аффиксов принадлежности: *ат-ым* = 1) 'мое имя', 2) 'мой конь'; *от-ум* = 1) 'мой огонь', 2) 'моя трава' (вторые значения от существующих параллельно слов *ат* 'конь' и *от* 'трава' с историческим *т*), *оът-уьм* 'моя желчь' (азерб. — *od-ym*) и т. д. Сохраняется конечный глухой и в таких кумыкских словах, как *хурт* 'червяк', которые в других тюркских языках имеют параллельную основу типа — *къурд*.

Особенности склонения форм принадлежности

Известно, что в тюркских языках существует два типа склонения: ю ж н ы й (туркменский, азербайджанский и турецкий языки), в котором аффиксы родительного, дательного и винительного падежа начинаются на гласный, и с е в е р н ы й (остальные тюркские языки), в котором аффиксы этих падежей начинаются на согласный. Известно также, что еще в орхонских надписях эти типы вступают между собой в известный компромисс при склонении слов, имеющих аффиксы принадлежности (например, дательный падеж *атым-а* 'моему коню' при встречаемом в других более поздних памятниках *атым-гъа*).

Подобного же рода компромиссы наблюдаются и в кумыкском языке при склонении форм принадлежности. При этом само собой разумеется, что падежные аффиксы следуют после уже имеющихся в слове аффиксов принадлежности. Остановимся на некоторых особенностях этого склонения.

В родительном падеже единственного числа слов с аффиксом принадлежности 2-го лица имеем падежный аффикс *-ы* вместо *-ны* (т. е. собственно по южному типу): *сени атынгъ-ы* 'твоего коня', *сени итинг-и* 'твоей собаки' вместо ожидаемых форм: *сени атынгъ-ны* и *сени итинг-ни*. То же и во множественном числе предмета обладания: *сени атларынгъ-ы* 'твоих коней', *сени итлеринг-и* 'твоих собак'.

Ту же форму мы естественно наблюдаем и в винительном падеже, который по-кумыкски всегда сходен с родительным.

В дательном падеже единственного и множественного числа слов с аффиксом 2-го лица ед. числа имеем *-а* вместо *-гъа* (опять-таки по южному типу): *сени атынгъ-а* 'твоему коню', *сени итинг-е* 'твоей собаке', *сени атларынгъ-а* 'твоим коням', *сени итлеринг-е* 'твоим собакам'.

Слова с аффиксом принадлежности 1-го лица единственного числа в род. и вин. падежах часто имеют *-ы* вместо ожидаемого *-ны*, а в дательном *-а* вместо ожидаемого *-гъа*: *мени атым-ы* 'моего коня', *мени итим-и* 'моей собаки' и 'мою собаку', *мени атларым-ы* 'моих коней', *мени итлерим-и* 'моих собак'; *мени атым-а* 'моему коню', *мени итим-е* 'моей собаке', *мени атларым-а* 'моим коням', *мени итлерим-е* 'моим собакам'. В старом языке можно встретить формы: *атым-гъа* и *атым-ны*.

Некоторые полагают, что на этот тип склонения слов с аффиксами принадлежности оказал влияние особый тип склонения местоимений (личных и указательных), о чем см. ниже в отделе местоимений.

Характерно, что склонение слов с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица *множественного* числа в кумыкском литературном языке ничем не отличается от обычного склонения существительных.

Примеры: *бизин атыбыз-ны* (не: *атыбыз-ы*), 'наших коней', *бизин итибиз-ни* (не: *итибиз-и*) 'наших собак', *сизин атыгъыз-ны* (не: *атыгъыз-ы*) 'ваших коней', *сизин итигиз-ни* (не: *итигиз-и*) 'ваших собак', *бизин атыбыз-гъа* (не: *атыбыз-а*) 'нашим коням', *бизин итибиз-ге* (не: *итибиз-е*) 'нашим собакам', *сизин атыгъыз-гъа* (не: *атыгъыз-а*) 'вашим коням', *сизин итигиз-ге* (не: *итигиз-е*) 'вашим собакам'.

Это последнее явление как нельзя лучше указывает на тот смешанный тип склонения, который присущ кумыкским формам принадлежности.

Склонение слов с аффиксами принадлежности 3-го лица (единственного и множественного чисел одинаково) имеет еще одну особенность. Здесь, как и во всех тюркских языках, кроме их среднеазиатской группы (чагатайский, узбекский, современный уйгурский), имеем в косвенных падежах вместо аффикса *-ы* и *-сы* аффикс *-ын* и *-сын* (со всеми их обычными звуковыми вариантами по гармонии гласных). Таким образом, слова́ *аты* 'его конь' и *ити* 'его собака' склоняются так: *атыны* (родительный падеж), *атына* (дательный падеж), *атын* (винительный падеж), *атында* (местный падеж), *атындан* (исходный падеж); *итини* (родительный падеж), *итине* (дательный падеж), *итин* (винительный падеж), *итинде* (местный падеж), *итинден* (исходный падеж).

Видеть здесь обычный тип склонения имен можно было бы только в родительном падеже, где имеем обычное *ны*: все остальное резко отличается от обычного кумыкского склонения существительных. Достаточно указать хотя бы на то, что здесь нарушается типичная особенность кумыкского склонения: совпадение родительного падежа с винительным, который имеет совершенно новый аффикс. Попытка некоторых учебников видеть здесь особый тип падежных аффиксов (*на*, *нда*, *ндан*) несостоятельна, так как тип склонения в кумыкском языке (как и во всех тюркских) морфологически единый, и объяснить наличие этого «особого» типа аффиксации именно в *этом* случае склонения решительно нечем. Равным образом приходится отбросить и старую попытку объяснять здесь *н*, как звук, вставленный для благозвучия, поскольку формы местного и исходного падежей *ат-ы-да* и *ат-ы-дан* (реально существующие в тюркских языках Средней Азии) никакого «благозвучия» не нарушают, и объяснить здесь появление *н* подобным путем — нельзя.

Имея в виду наличие в тюркских языках основ с «факультативным» *н* (вроде *биле* и *билен* в значении 'с', 'посредством') и, учитывая ту же особенность в языках близкой типологии (монгольских)[1]), можно попытаться

[1]) Об этом см. статью Н. Н. Поппе в сборнике «Советское языкознание», т. I.

объяснить это явление следующим образом. Первоначальной формой аффикса принадлежности 3-го лица была, повидимому, форма с конечным *н*, т. е. 1) -*ын*/*ин* - *ун*/*уьн* (после согласных) и 2) -*сын*/*син* - *сун*/*суьн* (после гласных). Конечный звук *н* этой формы мог факультативно отпадать, создавая таким образом параллельный вариант аффикса без *н*, т. е. 1) -*ы*/*и* - *у*/*уь* и 2) -*сы*/*си* - *су*/*суь*. Вариант с *н* условно назовем первым, а вариант без *н* — вторым. В немногих тюркских языках (среднеазиатская группа) с течением времени получил преобладание 2-й вариант. В этой группе склонение слов с аффиксом 3-го лица проводится без всякого компромисса с южным типом склонения и ничем не отличается от обычного склонения существительных; в частности, в дательном падеже имеем *аты-гъа* 'его коню' и *атлары-гъа* 'их коням'. В большинстве тюркских языков произошел некоторый компромисс с двумя вариантами аффиксов: конечное *н* отпало (т. е. получился второй вариант) в тех случаях, когда после аффикса принадлежности других аффиксов не было (т. е. в неопределенном падеже); в других же случаях (т. е. когда аффикс принадлежности был «прикрыт» падежными аффиксами) сохранился 1-й вариант. При этом, как мы видели выше, применение 1-го варианта аффикса принадлежности связано с компромиссным характером падежных аффиксов (по северному и южному типу); в частности, дательный падеж звучит *ат-ын-а* 'его коню' и *атлар-ын-а* 'его' || 'их коням'. Форма родительного падежа (в кумыкском) *ат-ын-ы* 'его коня' *атлар-ын-ы* 'его' || 'их коней' имеет падежный аффикс, очевидно, южного типа; в некоторых южных языках (азербайджанский, турецкий) она, однако, употребляется, как винительный падеж. В кумыкском языке эта форма в качестве *винительного* падежа употребляется, сверх ожидания, крайне редко (и то в старых памятниках или в разговорной речи). В качестве винительного здесь фигурирует форма *ат-ын* 'его коня' и *атлар-ын* 'его' || 'их коней', т. е. форма 1-го варианта аффикса принадлежности в *неопределенном* падеже. Здесь, таким образом, произошла следующая дифференциация: 2-й вариант (без *н*) использован как неопределенный падеж, а 1-й вариант сохранился без последующего падежного аффикса и употребляется только в смысле винительного падежа, хотя по форме является типичным неопределенным. Эта дифференциация понятна, поскольку винительный и неопределенный падежи синтаксически могут иметь (и часто имеют) одинаковые функции, с тем только различием, что оформленный винительный падеж (т. е. собственно винительный) указывает на категорию определенности, а неоформленный винительный падеж (т. е. неопределенный) — на категорию неопределенности, о которых будет особо сказано в своем месте. В результате только что разобранной дифференциации форм родительный и винительный падежи от слов с аффиксом принадлежности 3-го лица, вопреки общей норме кумыкского склонения, не совпадают.

ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

По своему значению кумыкские прилагательные делятся на качественные и относительные в обычном понимании этих терминов. При этом каче-

ственные прилагательные, вообще говоря, не имеют специфических аффиксов, и принадлежность этих прилагательных к категории качественных определяется их семантикой.

Примеры: *къызыл* 'красный', *яшыл* 'зеленый', *яхшы* 'хороший' и т. д.

Что касается относительных прилагательных, то здесь можно наметить следующие типы:

1) Прилагательные с аффиксом - *гъы* / *ги* - *гъу* / *гуь*. Обозначают место или время и образуются путем прибавления этих аффиксов к:

a) местному падежу имен, выражающих время, и наречиям: *къышда-гъы* (произносится *къышта-гъы*) 'зимний' от *къыш* 'зима', *гуъзде-ги* 'осенний' от *гуъз* 'осень', *яйда-гъы* 'летний' от *яй* 'лето', *сонгъу* вм. *сонгъ-гъу* (произносится *сонгънгъу*) 'последний' от *сонгъ* 'после', *бурун-гъу* (произносится *бурунгънгъу*) 'прежний' от *бурун* 'прежде', 'встарь', *башлап-гъы* 'начальный'.

b) местному падежу остальных имен:

уьй-де-ги 'домовый' (тот, который в доме; находящийся в доме; ср. франц. celui qui est dans la maison),

къала-да-гъы 'городской' (тот, который в городе; находящийся в городе),
ата-да-гъы 'отцовский' (находящийся у отца; тот, что при отце),
азбар-да-гъы 'дворовый' (находящийся во дворе; тот, что во дворе).

При этом тип прилагательных с аффиксом *-гъы* скорее указывает не на тесную органическую связь предметов, а на временное местонахождение одного предмета в другом (ср. *гуъзгуъ гуьн* 'осенний день' и *азбардагъы бичен* 'сено, находящееся на дворе').

2) Аффиксы a) - *лы* / *ли* - *луь* / *луь*, b) - *сыз* / *сиз* - *суьз* / *суьз*, c) - *лыкъ* / *лик* - *лукъ* / *луьк*, которые, однако, могут иметь и другие значения помимо прилагательных.

Примеры: a) *жан-лы* (произносится *жал-лы*) 'одушевленный' (дословно: 'имеющий душу'), *туз-лу* 'соленый' (дословно: 'имеющий (в себе) соль'), *эр-ли* 'замужняя' (женский род — по семантическим основаниям, формально он не выражен) от *эр* 'муж', *гуьч-луь* 'имеющий силу' (и далее: 'сильный') от *гуьч* 'сила';

b) *аякъ-сыз* 'безногий' от *аякъ* 'нога', *къол-суз* 'безрукий' от *къол* 'рука', *тиш-сиз* 'беззубый' от *тиш* 'зуб', *гуьч-суьз* 'не имеющий силы', 'бессильный';

c) *уьч манат-лыкъ китап* 'трехрублевая книга' от *манат* 'рубль', *алты гуьн-луьк* (произносится: *гуьл-луьк*) *иш* 'шестидневная работа', *он гиши-лик уьй* 'дом на десять человек' (как бы «десятичеловечный дом»).

Оставив подробности об аффиксах *-лы*, *-сыз*, *-лыкъ* до отдела словообразования имен, сделаем следующую оговорку принципиального характера. Если, например, в русском языке прилагательные могут синтаксически функционировать, как существительные, и даже переходить в эту категорию (ср. такие случаи, как 'больные', 'молодые', 'передовые', 'старшие'

и т. д.), то в кумыкском языке (как и во всех тюркских) способность прилагательного стать по функции существительным и обратно — развита до чрезвычайной степени. В морфологическом плане кумыкские существительные и прилагательные ничем не отличаются друг от друга (так между кумыкскими *къара* 'черный' и *къар* 'снег' или *ата* 'отец' никакого морфологического различия нет, тогда как в русских 'черный', 'снег' и 'отец' такие различия имеются). Поэтому, если в порядке школьного разбора слово *къара* 'черный' относят к прилагательным, а слово *ата* 'отец' — к существительным, то делается это не на основании морфологических показателей, а исключительно на основании семантики того или иного слова. Что же касается синтаксического плана, то здесь в определенных условиях: 1) всякое кумыкское существительное может принять на себя функцию прилагательного и 2) всякое кумыкское прилагательное может принять на себя такую функцию, которая обычно выполняется существительным. С этой точки зрения *ат-лы* может означать не только: 1) 'конный' (как это семантически естественно), но и 2) 'всадник', *аякъ-сыз* может означать не только 1) 'безногий', но и 2) 'безножка' (ср. такие образования в русском языке, как 'босоножка', 'безручка', 'белоручка'); *уьч манат-лыкъ* может означать не только 1) 'трехрублевый', но и 2) 'трехрублевка'.

Отсюда следует очень важный вывод. Кумыкский язык, как и все тюркские, до самого последнего времени пользовался существительными в функции прилагательного в тех случаях, где языки других систем (в частности русский) требуют относительного прилагательного. Так, по-кумыкски говорят: *къумукъ тиль* 'кумыкский язык' (дословно: 'кумык язык'); *агьач арба* 'деревянная телега' (дословно: 'дерево телега'), *гуьмуьш сагьат* 'серебряные часы' (дословно: 'серебро часы'); женщин прежде называли *уьй гиши* 'домашний человек' (дословно: 'дом человек').

Такой способ сочетания типичен для кумыкского языка, и если в русском переводе мы здесь имеем явные прилагательные, то нет никакой надобности требовать здесь прилагательных и от кумыкского языка, подгоняя его под чужую типологию: ведь и там, и здесь мысль выражена совершенно та же, и кумыкский язык имеет право пользоваться любым из своих средств (существительным или прилагательным) для ее выражения. Другое дело, если при переводе с русского кумыкское сочетание двух существительных не передает полностью оттенка мысли, вложенного в русское сочетание «прилагательное + существительное»: тогда нужно подумать о других языковых возможностях. Тем не менее практика показывает, что такие затруднительные случаи в переводческой работе встречаются сравнительно редко. Выход, о котором идет речь, большинство тюркских языков пробовало искать в создании категории собственно прилагательных с так называемым интернациональным оформлением: *-ik(-istik)*, *-al*, *-ar*, *-jon* и т. д. Надо, однако, сказать, что опыт этот пока еще до конца не проделан, и вопрос окончательно не разрешен.

Находясь под впечатлением русской грамматики и русского языкового мышления, некоторые преподаватели в процессе школьного «разбора» квалифицируют такие слова, как *гуьмуьш* в сочетании *гуьмуьш сагьат*, *агьач*

в сочетании *агъач арба* и т. д., в качестве прилагательных. Но такой анализ только смущает учащихся, и против него надо предостеречь. Слова́ *гуъмуъш* и *агъач*, разбираемые по частям речи, т. е. в морфологическим плане, для кумыкского языка *всегда* будут существительными, в какие бы синтаксические комбинации они ни входили. Что же касается синтаксического разбора, то тут нужно сказать, что *гуъмуъш* и *агъач* являются определениями, а слова́ *сагъат* и *арба* — определяемыми.

По-кумыкски существуют особые формы прилагательных с ослабленным качеством (ср. русское —*-оватый*) независимо от процесса сравнения. Аффиксы этих форм разнообразны, но каждый из них прибавляется обычно к какому-нибудь одному корню в порядке словообразования.

Примеры: *акъ-гъылт* 'беловатый', *сар-гъылт* 'желтоватый', *къаралдын* 'черноватый', *назик-сув* 'тонковатый' и др.

Степени сравнения прилагательных

Положительная степень, как и естественно, не имеет никакой особой формы выражения (*къызыл* 'красный', *яхшы* 'хороший'). Сравнительная степень исторически и теоретически характеризуется аффиксом -$\frac{ракъ}{рек}$, например: *алаша* 'низкий ростом' — *алаша-ракъ* 'ниже', *тенг* 'равный' — *тенг-рек* 'равнее'. Необходимо добавить, что в кумыкской разговорной речи этот аффикс употребляется редко и далеко не от каждого слова и обычно имеет значение небольшого ослабления или усиления качества (ср. русские образования на *-оватый*). Нормальное же соотношение сравнительной степени кумыкский язык выражает синтаксическим путем, и в этом отношении к нему близко подходят некоторые тюркские языки (туркменский, турецкий и др.), отказавшиеся от аффикса *-ракъ*. Название сравниваемого предмета ставится в исходном падеже, а прилагательное обычно следует за ним и сохраняет форму положительной степени.

Примеры: *буз къар-дан сувукъ* 'лед холоднее снега' (дословно: 'лед от снега' (или: 'сравнительно со снегом' | 'холодный'); *алтын гуъмуъш-ден багъалы* 'золото дороже серебра' (дословно: 'золото от серебра' | или: 'сравнительно с серебром | дорогое'), *мени атым сени атынгъ-дан чалт* 'мой конь быстрее твоего коня', *бу юзуъм шондан татлы* 'этот виноград слаще того', *татаул коълъден йыракъ* 'канава дальше озера', *юрт шагъардан ювукъ* 'аул ближе города', *мени хоншум менден яш* 'мой сосед моложе меня'.

Превосходная степень

Превосходная степень не имеет специфического аффикса и выражается описательно: аффиксом принадлежности 3-го лица и специфическими словами в роде *чинкде* 'весьма', 'самый' и других синонимичных.

Примеры: *чинкде уллу-су* 'самый большой из них', *чинкде яш-ы* 'самый молодой из них', *барындан да яхшы-сы* (произносится *барыннан на* или *бэриннен не*) 'самый лучший из всех', *юртда чинкде арив къыз* (произносится *эруъв-гъыз*) 'самая красивая девушка на селе', *барыда китапдан*

учуз китап 'самая дешевая книга из всех', *чинкде ювукъ авул = авулланы чинкде ювугъ-у* 'самый близкий из аулов', *чинкде къарт адам* 'самый старый человек', *къартланы да къарт-ы* 'из стариков старик', *бу уьй уллу уьй, о мундан уллу, шу чинкде уллу-су* 'этот дом большой, тот — больше, а вон тот — еще больше'.

Высокая степень качества без сопоставления с другими предметами выражается словами *ошесиз* 'чрезмерно', *бек* 'очень', 'весьма' и др.

Например: *бек яхшы* 'очень хороший' (и: 'очень хорошо'), *бек къарт* 'очень старый', *бек исси* 'очень жаркий' ('жарко'), *бек сувукъ* 'очень холодный' ('холодно'), *бек учуз* 'очень дешевый' ('дешево'), *бек бельгили адам* 'очень известный человек'.

Иногда вместо *бек* ставится *коъп* (собственно 'много'), например: *коъп яхшы* 'очень хороший' ('хорошо'). Иногда оба слова *коъп* и *бек* соединяются в одно (с сильным ударением на *бек*) и означают «чересчур, неимоверно».

Например: *коъп бек ариь* 'чрезмерно красивый' ('красиво'), *коъп бек ачувлу адам* 'слишком злой человек', *коъп бек намарт адам* 'слишком вероломный человек'.

Сочетание употребляется очень часто; встречается и при глаголе: *коъп бек къыйнала* 'он очень мучится', *коъп бек талдым* 'я очень устал'.

В кумыкском языке, как и в других тюркских, качественные прилагательные могут стоять в так называемой форме *интенсива*. Примером ее может служить образование *къап-къара* (по-русски было бы 'чёр-чёрный'), которое, повидимому, возникло из повторного сочетания *къара-къара* (то же и по-русски, например, в детском языке: 'черный-черный') за счет деформации первого слова: из двух слогов (*къа-ра*) удержан первый (*къа*), который замкнут особым согласным (*п*). Носителем значения в этой группе является вторая часть (*къара*), а первая часть (*къап*) выполняет роль количественного усилителя или своего рода коэффициента. То обстоятельство, что *къап* в своем значении усилителя ставится только перед *одним* кумыкским словом (*къара*) и отдельно от него в этом своем значении не употребляется (существующее в языке слово *къап* 'мешок' ничего общего с нашим *къап* не имеет), — не позволяет видеть в этом *къап* нечто вроде префикса (приставки) европейских языков. Однако то обстоятельство, что большинство качественных прилагательных принимает эти своеобразные усилители (хотя бы и индивидуальные по звуковому составу, по скомпанованные по одному общему рецепту), заставляет нас признать особую форму *интенсива*, как живую категорию кумыкских (и вообще тюркских) прилагательных. Форма обозначает качество высокого потенциала, причем момент сравнения предметов, которым присуще это качество — не выдвигается. Сочетание *къап-къара* [1]) (пишется через дефис) по-русски можно было бы перевести: 'черный-пречерный'.

[1]) В стихотворениях Лермонтова встречается выражение «капкар молодой», где *капкар* происходит из *къап-къара*, как это своевременно разъяснено в журнале «Восток».

Что касается значения формы, то обыкновенно считают, что это старый (морфологический) тип превосходной степени. В некоторых тюркских языках эта форма (в результате своего развития) выражает теперь качество, несколько уступающее норме или только приближающееся к ней (т. е. «довольно-таки черный»). Так, по крайней мере, утверждает Ф. Г. Исхаков в отношении интенсива в поволжско-татарском языке.

Наиболее часто форма интенсива употребляется от качественных прилагательных, обозначающих цвета.

Приведем примеры: *къып-къызыл* 'красный-прекрасный', *яп-яшыл* 'зеленый-презеленый' (дословно как бы 'зел-зеленый'), *сап-сари* (произносится *сэп-сэри* — в отличие от других тюркских языков) 'желтый-прежелтый', *ап-акъ* (произносится *аппакъ*) 'белый-пребелый'.

Ср. еще: *ап-ачыкъ* 'открытый-преоткрытый', *топ-толу* 'полный-преполный', *туп-тувра* 'прямой-препрямой', *бап-бальгили* 'ясный-преясный', *тап-таза* 'чистый-пречистый', *зап-земре* 'мокрый-премокрый', *яп-янгъыз* 'один-одинешенек'. Как видно из примеров, первый элемент (усилитель) всегда состоит из одного закрытого слога, который составляется из открытого (сколок с первого слога основного прилагательного) с добавлением «замыкающего» согласного *п* (*къап* = *къа* [из *къа-ра*] + *п*). В других тюркских языках в качестве «замыкающего согласного» известны также звуки *м* и *с*. Вероятная зависимость качества этих согласных от звуков основного слова пока еще не исследована.

Иногда «замыкающий» согласный *п* первого элемента как бы удваивается и принимает после себя широкий гласный — обычно *о* или *а* || *е*.

Примеры на второй тип усилителя: *туъппе-туъз* (собственно: *туъппе-туъз*) 'ровный-преровный', *боппо-бош* (произносится *боппо-вош*) 'пустой-препустой'; *яппа-яш* 'молодой-премолодой', *къаппа-къарт* (произносится *къаппа-гъарт*) 'старый-престарый', *уппа-учуз* 'дешевый-предешевый', *саппа-сав* 'здоровый-прездоровый'.

Подобный тип усиления встречается и в карачаево-балкарском языке. Другие тюркские языки (казахский, ногайский) знают сложный тип сочетания имен одного корня со стоящим посредине элементом - $\frac{ба}{бе}$ или - $\frac{ма}{ме}$ (*къолмакъол* 'рука об руку' и т. д.).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные первого десятка: *бир, эки, уьч, доърт, беш, алты, етти, сегиз, тогъуз, он*. Из них числительное *бир*, кроме своей первоначальной функции, употребляется еще как неопределенный член западных языков (*бир гиши* 'какой-то человек'=франц. *un homme*, нем. *ein Mensch*, англ. *a man* и т. д.); кроме того, *бир* имеет еще особую синтаксическую функцию переносить акцент на определение (*яхшы бир гиши*), что по-русски осуществляется интонацией ('хор-роший человек'). Для сопоставления с другими тюркскими языками интересны формы

эки (с начальным *э* и без удвоения согласного) и *етти* (с удвоенным согласным). *Доърт* имеет в начале (а *сегиз* и *тогъуз* — в середине) не глухой, а звонкий согласный.

Количественные числительные второго десятка образуются по типу *он бир* (11), *он эки* (12), *он уьч* (13), т. е. сперва ставится единица высшего наименования (в данном случае *он*), а на втором месте — единица низшего наименования — и притом в неопределенном падеже и без союза.

Количественные числительные, обозначающие десятки: *йигирма* (20), *отуз* (30), *къыркъ* (40), *элли*[1]) (50), *алтмыш* (60), *етмиш* (70), *сексен* (80), *токъсан* (90), *юз* (100).

Форма *йигирма* близка к ногайской и казахской форме этого числительного. *Алтмыш* и *етмиш* происходят очевидно от *алты* и *етти;* значение элемента — *мыш* окончательно не установлено; предполагают, что он обозначал «десять» (т. е. *алтмыш* = шесть десятков, а *етмиш* = семь десятков). В числительных *сексен* и *токъсан* выделяют две части: *сегиз он* (восемь десятков) и *тогъуз он* (девять десятков). Числительное *юз* (100) является омонимом к существительному *юз* (лицо). «Двести», «триста» и т. д. звучат по-кумыкски последовательно *эки юз*, *уьч юз* и т. д.

'Тысяча' выражается словом *минг*, 'миллион' — *миллион*. Соответственно этому «две тысячи, три тысячи» и т. д. передаются как *эки минг*, *уьч минг* и т. д., а «два миллиона, три миллиона» и т. д. — *эки миллион*, *уьч миллион* и т. д.

Сложные числовые обозначения строятся по тому же принципу, какой был указан выше для единиц первого и второго десятка, а именно: единицы высшего разряда (в пределах категории) предшествуют единицам низшего разряда и связываются между ними без союза.

Примеры: 125 674 893 = *юз йигирма беш миллион алты юз етмиш доърт минг сегиз юз токъсан уьч*, 30 001 091 = *отуз миллион бир минг токъсан бир*.

Как видно из примеров, в конце каждой категории или разряда ставится слово, подчеркивающее данный разряд (*миллион* — *минг*); разряд единиц остается без такого обозначения.

Не так давно среди кумыкского населения был распространен старинный счет по двадцаткам, который, в частности, применялся при сношениях с чеченцами. При двадцатном счете старики отбрасывают единицы и оставляют только круглые двадцатки, например: *уьч йигирма бола* шестьдесят лет. Известно, что двадцатный счет был распространен и среди других народов, живущих на Кавказе и говорящих на языках иных систем.

Порядковые числительные характеризуются аффиксами — $-\frac{ынчы}{инчи}$ - $\frac{унчу}{юнчуь}$ (после согласных) и - $\frac{нчы}{нчи}$ - $\frac{нчу}{нчуь}$ (после гласных).

Примеры: *бир-инчи* — 1-й, *эки-нчи* — 2-й, *уьч-уьнчуь* — 3-й, *доърт-уьнчуь* — 4-й, *он-унчу* — 10-й, *юз-уьнчуь* — 100-й.

---

[1] В разговоре также *эллий* (< *эллиг*).

В сложных числительных аффикс - *ынчы* ставится только у последнего слова, например: 623-й = *алты юз йигирма уьч-уьнчуь*.

Разделительные числительные имеют аффиксы - $\frac{ар}{ер}$ (после согласных) и - $\frac{шар}{шер}$ (после гласных) в противоположность среднеазиатской группе тюркских языков $\left(-\frac{ар}{ер}\right.$ и $\left.-\frac{рар}{рер}\right)$ и карачаево-балкарской $\left(-\frac{ушар}{уьшер}\right.$ и $\left.-\frac{шар}{шер}\right)$.

Примеры: *бир-ер* 'по одному', *он-ар* 'по десяти', 'по десять', *алты-шар* 'по шести', 'по шесть', *йигирма-шар* 'по двадцати', 'по двадцать', *эки-шер* 'по два'.

Разделительные числительные часто употребляются в повторенном виде, как это известно и в других тюркских языках.

Например: *бир-ер бир-ер* 'по одному', 'в одиночку', *эки-шер эки-шер* 'по два'.

В современном языке в значении разделительных могут употребляться следующие две группы числительных, собственно имеющие особое значение:

1) Числительные с аффиксом - $\frac{ав}{ев}$ или так называемые собирательные числительные:

бир-ев 'в одиночку', *уьч-ев* 'втроем', *эк-ев* 'вдвоем', *алт-ав* — 'вшестером'. Как видно из двух последних примеров, конечный гласный основы числительного отпадает перед аффиксом - $\frac{ав}{ев}$.

2) Числительные с аффиксом - $\frac{лап}{леп}$, которые собственно выражают результат приблизительного подсчета:

он-лап 'примерно вдесятером' ('человек десять'), *беш-леп* 'примерно впятером' ('человек пять'), *йигирма беш-леп* 'примерно в двадцать пять'.

Прежде разница между этими тремя типами ощущалась, вероятно, сильнее; в карачаево-балкарском языке она ощущается и теперь.

Дробные числительные образуются по схеме:

1) Определительного сочетания существительных (изафета):

уьч-нуь эки-си $^2/_3$, *етти-ни уьч-уь* $^3/_7$, *тогъуз-ну беш-и* $^5/_9$.

2) Исходного падежа знаменателя с последующим неопределенным падежом числителя, при котором ставится аффикс принадлежности 3-го лица.

Примеры: *эки-ден бир-и* $^1/_2$, *уьч-ден эки-си* $^2/_3$, *он-дан уьч-уь* $^3/_{10}$, *юз-ден бир-и* 1%, *тогъуз-дан экиси* $^2/_9$, *етти-ден уьч-уь* $^3/_7$.

В грамматиках Батырмурзаева приводится параллельно другая схема образования дробей: *он-да эки* $^2/_{10}$, *уьч-де бир* $^1/_3$, которая совпадает со схемой южных тюркских языков (азербайджанский, турецкий). В общем разница между схемой *уьч-де бир* $^1/_3$ и *уьч-ден бир* (употребляемой, например, в туркменском языке) историческая: из истории тюркских языков

известно, что исходный падеж сформировался позднее местного, который, например в орхонскую эпоху, выполнял и функции исходного.

Кроме того, дроби (и смешанные числа) могут быть переданы описательно, что особенно часто встречается в разговоре.

Примеры: *етти-ни эки боълуъп бир пай* $3^1/_2$ (дословно: 'семь разделив пополам, одна часть'), *бир-ни етти боълуъп* (или: *ярып*) *бир пай* $^1/_7$ (дословно: 'один разделив на семь, одна часть'), *доърт боълуъп бир пайын алдым* $^1/_4$ (дословно: 'разделив начетверо, одну часть его взял'), *етти-ни уъч боълуъп эки пай алдым* $\frac{14}{3} = 4^2/_3$ (дословно: 'разделив семь на три, я взял две [таких] части').

Для понятия 'половина' употребляются два слова: *ярты* и *ярым*, причем исторически оба происходят от глагола *яр-макъ* (рассекать пополам, разрубать, рубить). Из них второе ставится после существительного и после числительного, а первое иногда перед существительным, а чаще после него, в конструкции «изафета».

Примеры: *беш ярым* $5^1/_2$ (дословно: 'пять половина'), тогда как *беш-ни ярты-сы* означает 'половина пяти', т. е. $2^1/_2$, *ярым сагъат* 'полчаса', а *бир ярым* $1^1/_2$ (дословно: 'один + половина'), *эки сагъат ярым юруъдуъм* 'я шел $2^1/_2$ часа', *йол-ну ярты-сын трамвай булан гелъдим* 'полдороги я проехал (дословно: 'пришел') на трамвае', *гъали бизге сагъат ярым болуп тура* 'теперь у нас $2^1/_2$ часа' (= 'половина третьего'), *нече сагъатдыр? Он эки сагъат ярым* 'который час?' или: 'сколько времени?' (дословно: 'сколько часов?') 'половина первого' (дословно: 'двенадцать с половиной часов').

Ср. еще: *ярты гуън* 'полдня́' (дословно: 'половинный день'), *ярты уъй* 'полдома', *ярты арба* 'полтелеги'.

Слово «четверть» передается заимствованным из персидского языка словом *черек*, которое употребляется в различных комбинациях.

Примеры: *черек гуън* 'четверть дня', *эки гуън черек* '$2^1/_4$ дня', *бир сагъат черек* '$1^1/_4$ час' ('час с четвертью').

Между количественным числительным и предметом, который исчисляется, в кумыкском языке (как и во всех тюркских) часто ставятся так наз. *нумеративные* слова, т. е. слова, обозначающие категории, к которой относится исчисляемый предмет (ср. в русском: 'пять *штук* перьев', 'десять *голов* скота', 'двести *сабель* кавалерии' и т. д.). Сюда относятся такие слова, как *жан* 'душа', *баш* 'голова', *къабат* 'ряд', 'этаж', *керен* 'раз', *къурла* 'раз' и др.

Примеры: *юз йигирма баш сыйыр* 'сто двадцать голов коров', *эки къабат яхшы* 'вдвое лучше'.

Числительные количественные и порядковые, стоя на правах существительного-определяемого и не являясь определением к какому-нибудь имени, могут проходить все изменения существительных, т. е. склоняться и стоять в форме сказуемости и в форме принадлежности.

Склонение числительных не отличается от склонения существительных.

Примеры: *бир, бир-ни, бир-ге, бир-ни, бир-де, бир-ден; эки, эки-ни, эки-ге, эки-ни, эки-де, эки-ден.*

Примеры на числительные, стоящие в форме принадлежности: *бир-им* 'один мой' (форма теоретическая, на практике не встречается), *бир-инг* 'один твой', *бир-и* 'один его || ее' (практически означает: 'один из них' и употребляется как неопределенное местоимение 'некто', 'кто-то'), *бир-ибиз* 'один наш', т. е. 'один из нас', *бир-игиз* 'один ваш', т. е. 'один из вас', *бир-и* 'один из них'. Есть и форма *бири-си* 'один из них'.

Бир-и, употребленное несколько раз, соответствует русским: 'один — другой — третий'.

Пример: *бири охуй, бири яза, бири де ята* 'один читает, другой пишет, а третий лежит'. *Эки-си* означает: 'двое из них', *эки-биз* 'двое из нас', *уьч-уь* 'трое из них', *уьч-уьгуьз* 'трое из вас' и т. д.

Стоя же перед существительным на правах определения, числительные не склоняются:

беш гуьн '5 дней', *беш гуьн-нуь* '5-ти дней', *беш гуьн-ге* '5-ти дням' и т. д.
бешинчи гуьн '5-ый день', *бешинчи гуьн-ну* '5-го дня', *бешинчи гуьн-лер* '5-ые дни' и т. д.

Аффикс $-\frac{лай}{лей}$ образует от порядковых числительных наречия времени: *биринчи-лей* 'впервые', 'единожды,' *уьчуьнчуь-лей* 'трижды', *алтынчы-лай* 'в шестой раз'.

МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения

Личные местоимения: *мен* 'я', *сен* 'ты', *о* 'он, -а', *биз* 'мы', *сиз* 'вы', *олар* 'они'. Схема склонения личных местоимений:

Единственное число

Неопр.	*мен*	*сен*	*о*
Род.	*мени*	*сени*	*ону*
Дат.	*магъа*	*сагъа*	*огъар*
Вин.	*мени*	*сени*	*ону*
Местн.	*менде*	*сенде*	*онда*
Исх.	*менден*	*сенден*	*ондан*

Примечание. Формы местного и исходного падежа произносятся с ассимиляцией: *менне, меннен, сенне, сеннен, онна, оннан.*

Множественное число

Неопр.	*биз*	*сиз*	*олар*
Род.	*бизин*	*сизин*	*оланы*
Дат.	*бизге*	*сизге*	*олагъа*
Вин.	*бизин*	*сизин*	*оланы*
Местн.	*бизде*	*сизде*	*оларда*
Исх.	*бизден*	*сизден*	*олардан*

Есть основания предполагать, что местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа исторически восходят: *мен* = *ме* + *н* < *ми* + *н* < *би* + + *н*, а *сен* = *се* + *н* < *си* + *н*, т. е. первоначально понятия 'я' и 'ты' выражались формой *би* и *си*. Отсюда *биз* и *сиз* разлагаются на *би* + *з* и *си* + *з* и представляют собою особое множественное число с архаичным показателем *-з* $\left(\| - \frac{ыз}{из} - \frac{уз}{уьз} \right)$, который сохранился, например, в аффиксах принадлежности: *ат-ым: ат-ыб-ыз* (< *ат-ым-ыз*) = *ат-ынгъ: ат-ыгъ-ыз* (< *ат-ынгъ-ыз*) и т. д.

Конечное *н* местоимений *мен* и *сен* неясного происхождения; возможно, что это такого же типа — 'факультативное' *н*, о котором мы говорили при разборе аффиксов принадлежности 3-го лица *-ы* и *-сы* (см. в соответственном отделе). Родительный-винительный падеж *мени* и *сени* лучше разлагать на *мен* + *и* и *сен* + *и*, где *-и* — падежный аффикс южного типа (см. отдел склонения), чем видеть здесь согласно с грамматикой Батырмурзаева (изд. 1935 г.) упрощение двойных согласных: *мен-ни* > *мени* и *сен-ни* > *сени*. К тому же фонетический процесс упрощения геминат для кумыкского языка вовсе не характерен: кумыкскому языку, наоборот, свойственно наличие геминат там, где другие тюркские языки их не имеют (ср. *уллу*, *гиччи* и другие случаи, разобранные в отделе фонетики).

В дательном падеже единственного числа (*магъа*, *сагъа*) мы имеем изменение гласных: вместо гласного переднего ряда *е* появляется гласный заднего ряда *а* (то же имеем в ногайском, казахском и северном диалекте крымско-татарского языка). Звук *гъ* в формах *магъа* и *сагъа* стоит, очевидно, на месте *нгъ* других тюркских языков (ср. кумыкское *бардыгъыз* — крымско-татарское *бардынгъыз*, кумыкское *атыгъыз* — крымско-татарское *атынгъыз* и др.) и произошел из *н* + *гъ* (*гъ* относится к первоначальному аффиксу дательного падежа). Некоторые, впрочем, считают, что здесь был не аффикс $-\frac{гъа}{гге}$, а чагатайский аффикс *-гъар* (из отдельного когда-то слова), который повлиял на звук *е* в порядке регрессивной (обратной) ассимиляции: *мен* + *гъар* > *мангъар* > *мангъа* > *магъа*. Во всяком случае, этот аффикс мы встречаем в местоимении 3-го лица — *огъар*. Эта же форма отмечена в казахском и старом татарском языке.

Формы местного и исходного падежа *онда* и *ондан* не оставляют сомнения в том, что местоимение 3-го лица склоняется от основы *он-*; то же наблюдаем и в других тюркских языках.

Местоимение 3-го лица во множественном числе фактически имеет две параллельные формы: *олар* и *алар* (своего рода 'оканье' и 'аканье'), причем параллелизм выдерживается во всех падежах кроме дательного. Однако этот параллелизм существует условно: одно и то же лицо часто говорит *олар* и *алар*.

Родительный и винительный падежи 1-го и 2-го лица множественного числа имеют особую форму: *бизин*, *сизин*. В значении родительного падежа иногда употребляется также форма *бизим*.

Примеры: *сизин излей* 'вас ищут', *сизин чакъыра, гелигиз* 'вас зовут, идите!' *бизин гоърдуъ* 'он видел нас', но: *биз-ни гоърдуъ* 'он видел шило' (*биз*).

От личных местоимений образуются формы: *мен-сиз* 'без меня', *сен-сиз* 'без тебя', *он-суз* 'без него', *биз-сиз* 'без нас', *сиз-сиз* 'без вас', *олар-сыз* 'без них'.

Выражение *мен-мен* 'я-то, я, мол'... дало производное образование *мен-мен-лик* (произносится *меммеллик*) 'самомнение', 'заносчивость'.

Указательные местоимения

Указательные местоимения: *бу* 'этот, -а, -о', *шу* и *шо* 'тот, -а, -о', *о* 'тот, -а, -о'.

Схема склонения:

Единственное число

Неопр.	*бу*	*шу*	*шо*	*о*
Род.	*муну*	*шуну*	*шону*	*ону*
Дат.	*бугъар*	*шугъар*	*шогъар*	*огъар*
Вин.	*муну*	*шуну*	*шону*	*ону*
Местн.	*мунда*	*шунда*	*шонда*	*онда*
Исх.	*мундан*	*шундан*	*шондан*	*ондан*

Примечание. Формы местного и исходного падежей произносятся с ассимиляцией: *мунна, муннан, шунна, шуннан, шонна, шоннан, онна, оннан.*

Множественное число

Неопр.	*булар*	*шулар*	*шолар*	*олар*
Род.	*буланы*	*шуланы*	*шоланы*	*оланы*
Дат.	*булагъа*	*шулагъа*	*шолагъа*	*олагъа*
Вин.	*буланы*	*шуланы*	*шоланы*	*оланы*
Местн.	*буларда*	*шуларда*	*шоларда*	*оларда*
Исх.	*булардан*	*шулардан*	*шолардан*	*олардан*

Местоимение *бу* в разговоре имеет параллельные падежные формы от основы *бун*: *буну* (род. и вин. пад.), *бунда* (местн. п.), *бундан* (исх. п.); в дательном падеже литературный язык удерживает только эту форму: *бугъар*.

Местоимение *о* в кумыкском языке, как и во многих языках мира, имеет значение и личного местоимения (он, -а, -о) и указательного (тот, -а, -о). В склонении это местоимение имеет параллельную «акающую» основу, которая встречается в разговорной речи: *аны, агъар, аны, аңда, ан-дан*, мн. число *алар* и т. д. Дательные падежи указательных, так же, как и личных местоимений, сохранили старинный аффикс *-гъар*.

Вместо форм *бу, шу, шо, о* изредка употребляются формы *бул, шул, шол, ол*, известные из других тюркских языков; встречаются формы с *л* обыкновенно перед гласными следующего слова: *бул адам* 'этот человек', *шул адам* 'тот человек'.

Семантика указательных местоимений *бу*, *шу*, *шо* и *о* теоретически еще не разработана. Соотношение между ними основано главным образом на принципе пространственном (этот близкий — тот далекий); принцип временной последовательности (этот вышеупомянутый — тот нижеследующий), столь ярко выраженный в турецких местоимениях *бу* и *шу*, по-кумыкски не получил своего выражения. Неясно также, не лежит ли в основе смысловой дифференциации кумыкских указательных местоимений принцип их отношения к личным (этот мой — этот твой — этот его), как мы это наблюдаем в армянском и в некоторых европейских языках. Обычно это соотношение понимают так: *бу* указывает на предмет близкий и известный, *шу* относится к предмету близкому, но неизвестному, т. е. еще не бывшему объектом нашего опыта; *о* указывает на отдаленный предмет, а *шо* относится к предмету, который дальше *шу*, но ближе *о*.

Пример: *буну да алып*, *шуну да*, *шону да*, *ону да* 'взяв это, вот это, вон то и то'.

Иногда в эмоциональной речи (особенно когда говорят о далеком расстоянии) встречаются сложные формы с долгим гласным: *шӯву адам* (*бӯву адам*) *гоърмусен* 'видишь ли ты то . . . о. . . о. . . го (вон то. . . о. . .го) человека?'

Формы: *мунча*, *шонча*, *онча* 'столько' (точнее: 'эстолько', 'вон столько', 'столько') имеют параллельную архаичную форму: *мунчагъы*, *шончагъы*, *ончагъы*. Происхождение ее ясно: *муну* + *чагъ-ы* от старинного слова *чагъ* > кумыкское *чакъ* 'время, пора'.

Встречаются также формы принадлежности от указательных местоимений: *бу-су* 'этот-то', *шу-су* 'вон тот-то', *о-су* 'тот-то'.

Пример: *бусу яхшыму* 'это-то хорош ли?'

Образования *бу-лай*, *шу-лай*, *шо-лай*, *о-лай* и *а-лай* имеют значение и прилагательных, и наречий, как впрочем и всякое кумыкское прилагательное может иметь функции наречия. Значения: 'этакий — этак', 'вон такой — вон так', 'такой — так'.

Как и во многих тюркских языках, местный и исходный падежи кумыкских указательных местоимений употребляются параллельно в качестве наречий места; характерно, что дательный падеж указательных местоимений в этой дополнительной функции не используется, а направление движения на вопрос 'куда?' определяется опять-таки местным падежом. Таким образом:

мунда значит: 1) 'в этом и' 2) 'здесь и' 3) 'сюда'
онда (и *анда*) значит: 1) 'в том и' 2) 'там и' 3) 'туда'
шонда » 1) 'вон в том и' 2) 'вон там и' 3) 'вон туда'
мундан » 1) 'из этого и' 2) 'отсюда'
ондан (и *андан*) » 1) 'из того и' 2) 'оттуда'
шондан » 1) 'вон из того и' 2) 'вон оттуда'

Все эти случаи, разумеется, относятся также и к форме *шунда*.

К указательным местоимениям восходят также наречия: *муна* 'вот', 'вот здесь' = лат. *ecce*, *шона* 'вон там', *гьона* 'вон там' (отдаленно).

Притяжательные местоимения

1. В этом значении употребляются родительные падежи личных местоимений, о чем было сказано в отделе форм принадлежности.

2. Те же родительные падежи в соединении с частицей *ки: мени-ки* (франц. *le mien*, немецк. *dermeine* и т. д.), *сени-ки*, *ону-ки*, *бизин-ки*, *сизин-ки*, *оланы-ки*. Этот ряд употребляется: а) при отсутствующем существительном (и сам таким образом субстантивируется) и b) как сказуемое, которое передает так называемую абстрактную принадлежность, выраженную отдельно от предмета обладания.

Примеры: а) *сени атынгъ мунда*, *меники анда* 'твоя лошадь здесь, а моя (слово «лошадь» не повторяется!) — там', b) *бу ат меники* 'эта лошадь — моя' (предмет обладания и выражение принадлежности разделены, т. е. здесь мы имеем так называемую абстрактную принадлежность).

Как видно из всего этого, существует большая разница между формой принадлежности и притяжательными местоимениями:

а) Форма принадлежности есть форма имени (главным образом существительного), в которой идея принадлежности и предмет, на который она направлена, выражены одним словом; что же касается притяжательных местоимений, которые *могут* при ней употребляться в качестве вспомогательного фактора, то это будут местоимения типа 1.

b) Местоимения же типа 2 всегда употребляются самостоятельно (субстантивно) или для замены отсутствующего существительного (и тогда могут быть любым членом предложения), или для выражения абстрактной принадлежности (и тогда бывают сказуемым).

К субстантивированным притяжательным местоимениям некоторые условно относят субстантивированные местоимения, исторически состоящие из *местного* падежа личных местоимений и аффикса $-\frac{гъы}{ги}$. Но в основе их лежит понятие места ('находящийся при мне, тебе, нем' и т. д.), а не принадлежности, как в *меники* и др. И это согласуется с природой самих падежей, от которых образованы оба ряда местоимений: родительный падеж выражает органическую принадлежность, как нечто постоянное, а местный — временное местонахождение чего-нибудь при чем-нибудь. Любопытно отметить также, что здесь фигурирует аффикс $-\frac{гъы}{ги}$, а не неизменяемое *-ки*, как в предыдущем ряду.

Вот перечень этих местоимений: *менде-ги*, *сенде-ги*, *онда-гъы*, *бизде-ги*, *сизде-ги*, *оларда-гъы* (= франц. *celui qui est chez moi*, немецк. *der, welcher bei mir ist*). Употребляются они так же, как тип *меники*, и могут склоняться. По своей природе они представляют характерную для кумыкской грамматики категорию — нечто среднее между абстрактным существительным и относительным прилагательным типа *яйда-гъы* 'летний' (дословно: 'находящийся летом'): последние, как известно, также стоят перед существи-

тельными и означают: 'тот, который то-то и то-то', ср. *яйгъы гуън* 'день, который находится летом' = 'летний день' и *мендеги китап* 'книга, которая находится при мне', *школадагъы балта* 'топор, находящийся в школе' и *ондагъы балта* 'топор, находящийся при нем' или: 'топор, находящийся там'.

Вопросительные местоимения

1) *ким* 'кто?' *кимни* 'чей?'[1]) *кимники* 'чей?' (употребляется в отличие от *кимни* в тех же случаях, где дифференцируются *мени* и *меники*).

2) *не* 'что?' 'какой?' (самый общий тип вопроса, который может относиться и к качеству, и к количеству).

Примеры на его употребление: *аты недир?* 'как его имя?' (дословно: 'его имя что есть?'). *Не зат?* 'что?' (буквально: 'что за вещь?'). *Не затдыр?* 'это что такое?' *Нем бар?* (произносится *нем-мар*) 'что со мной', 'что у меня?', дословно: 'что мое имеется?'), и так далее по всем лицам: *ненг бар?* (произносится *ненгмар*) 'что с тобой', 'что у тебя?', *неси бар?* (произносится *неси-вар*) 'что с ним', 'что у него?'

От *не* производится целая серия вопросительных местоимений и вопросительных наречий:

не учун? (произносится *нечун*) 'почему', 'зачем?' (указывает и на цель, и на причину), *нече?* 'сколько?', *нечик?* 'как?' 'каков?', *не къадар?* 'сколько?' (в смысле англ. *how much?*, тогда как *нече* скорее напоминает английское *how many?*), *не заман?* и *не вакъты* 'когда?' 'в какое время?', *не вакъты да* 'в какое время?' 'когда?' *не чагъы?* 'сколько', 'в какой мере?', *не ерге?* 'куда?' (дословно: 'в какое место?'), *не ерде?* 'где?' (дословно: 'в каком месте?'), *не ерден?* 'откуда?' (дословно: 'из какого места?').

не склоняется: *неден?* 'отчего?' 'почему?' (указывает только причину, а не цель), *неге?* 'зачем', 'для чего?' (указывает только цель). Винительный падеж от *не* не употребляется, вероятно, потому, что он одновременно указывал бы и на категорию определенности, которой в корне противоречит основное содержание *не*. Есть и дательный падеж *негер*.

Существующая в других языках форма *нежи?* 'какой специалист?' 'специалист по чему?' в кумыкском языке отсутствует и заменяется описательным выражением *не касбуда?* 'в какой профессии?'.

Местоимение *не* по-кумыкски (как и в других тюркских языках) употребляется также и в смысле восклицательном (='что за!'), например: *не арив гъава* 'какая хорошая погода!'

3) *къайсы* 'который?' (подразумевается: 'по порядку'. Местоимение обыкновенно относится к явлениям количественного порядка). Исторически оно восходит к местоименному корню *къай*, от которого образован ряд слов, ныне являющихся уже не вопросительными местоимениями, а вопросительными наречиями: *къайда?* 'где?' и 'куда?' — ср. двоякое значение таких наречий места, как *мунда* и *онда*,—*къайдан?* 'откуда?', *къачан?* ('из' *къай чагъын*) 'когда?'.

[1]) Таково значение перед существительным, перед глаголом — кого?

Определительные местоимения

Сюда относятся:

1) Слово *оъз* 'собственный'; 'сущность'. Первое значение это слово имеет, стоя при существительном: *оъз итим* 'моя собственная собака'. Второе значение связано с принятием аффиксов принадлежности: *оъз-уъм* 'сущность моя' = 'я сам', *оъз-уънг* 'ты сам', *оъз-уъ* 'он сам', 'сам'; *оъз-уъбуъз* 'мы сами', *оъз-уъгуъз* 'вы сами', *оъз-лери* 'они сами'.

Получаемое таким образом местоимение склоняется и в винительном падеже соответствует русскому возвратному местоимению 'себя', причем, однако, проводится строгое различие лиц (т. е. так же, как по-немецки, по-французски и т. д. говорят: 'я хвалю *меня самого*', 'ты хвалишь *тебя самого*'..... и т. д., а не так, как по-русски: 'я хвалю *себя самого*', 'ты хвалишь *себя самого*' и т. д.).

Примеры:

а) *мен оъзуъмуъ сакълайман* 'я берегу себя самого'
сен оъзуънгуъ сакълайсан 'ты бережешь себя самого'
о оъзуън сакълай 'он бережет себя самого'
биз оъзуъбуъзнуъ сакълайбыз 'мы бережем себя самих'
сиз оъзуъгуъзнуъ сакълайсыз 'вы бережете себя самих'
олар оъзлерин сакълайлар 'они берегут себя самих'

b) *мен оъз къолум булан* (произносится *къолум-мулан*) 'я своей собственной рукой', *сен оъз къолунгъ булан* 'ты своей собственной рукой', *о оъз къолу булан* 'он своей собственной рукой' и т. д.

Таким образом определительного местоимения 'сам' (вне связи с личными местоимениями) по-кумыкски не существует: возможно только комбинированное местоименное (определительно - личное) понятие: 'я сам, ты сам, он сам' и т. д. Ближе всего к русскому 'сам' подходит *оъзуъ* 'он сам', которое склоняется по типу *ат-ы* 'его конь', причем образует дательный падеж с архаичным аффиксом *-гер: оъзуъгер* на ряду с обычной формой *оъзуъне*.

2) *бары* (в Хасав-юртовском районе обычно произносят *бәри*) 'весь', 'целый'. Точнее это обозначает 'весь он', 'целый он', как, например, *оъз-уъ* 'сам он'; в основе лежит известное грамматическое слово *бар* 'имеется', 'есть', которое, по новейшим изысканиям первоначально было существительным со значением 'наличность, присутствие чего-нибудь' и т. д. Таким образом *бар-ы* дословно значит: 'наличность его'; 'всё, что есть в нем'. Кроме аффикса принадлежности 3-го лица, здесь естественно могут фигурировать аффиксы всех лиц. Все эти образования могут склоняться.

Примеры: *биз барыбыз* 'мы все', *олар барысы да* 'и они все', *барыда бир*, 'ведь всё равно' (дословно: 'всё одно').

3) *буътуън* 'весь', 'целый'. Исторически восходит к глаголу *бит-мек* 'расти', 'кончаться' (т. е. проявляться до конца, всецело). Ставится перед существительным, как определение, отдельно не употребляется и не склоняется.

Пример: *буътуън китап* 'вся', 'целая книга', *буътуън китапда* 'в целой книге'.

4) *гъар* (в некоторых районах произносится *гъэр*) 'каждый', 'всякий'. Исторически слово заимствовано из персидского. Ставится перед существительным и не склоняется: *гъар гиши* 'каждый человек', *гъар ишде* 'во всяком деле'. Отдельно от существительных это слово может употребляться только в форме *гъар кес* 'всякий', 'кто' (дословно: 'всякая личность', *кес* по-персидски 'личность', 'лицо') или в соединении *гъар бири* 'каждый из них', где *бир-и* в отдельности означает 'кто-то', 'некто' (дословно: 'один из них'). Есть и *гъариси* 'каждый из них'.

5) *паланча* (произносится также и *пеленче*) 'такой-то'. Исторически слово заимствовано из арабского корня *falān* | *fulān*. В других тюркских языках (в противоположность кумыкскому) этот корень употребляется в смысле 'и так далее' (ср. в туркменском, азербайджанском, башкирском и других).

Неопределенные местоимения

1) *кимсе* 'кто-нибудь', 'кто-то', иногда в форме *бир кимсе*. Склоняется и принимает аффиксы принадлежности.

2) *бир зат* 'что-нибудь', 'что-то' (дословно: 'какая-то вещь').

3) *бир нече* 'несколько'.

4) *гъар ким* 'всякий, кто'; *гъар не* 'всё, что'.

5) *бири* 'некто', 'кто-то'. Поскольку *бири*, состоящее из двух элементов, часто сознается уже, как целое слово — возможно прибавление вторичного аффикса принадлежности, на этот раз в форме *-си*: *бириси* 'некто', 'кто-то'. Часто употребляется в разделительном смысле: *бириси—бириси* 'один—другой'; параллельная форма *кими—кими* 'один—другой', 'кто — а кто' . . .

6) Исторически заимствованное из персидского слово *гъеч* 'сколько-нибудь', 'как-нибудь' при отрицательном сказуемом выполняет функцию русского отрицательного местоимения или наречия (нисколько, никак и т. д.). Это же замечание относится к форме *гъеч кимсе* 'кто-нибудь = никто' и *гъеч бир зат* 'что-нибудь = ничто'.

Примеры: *гъеч бир зат бармы?* 'есть ли хоть что-нибудь?' *гъеч затмат бармы?* 'есть ли хоть что-нибудь?' *гъеч бир затым йокъ* 'у меня ничего нет'. *Бириси акъсай, бириси сокъур* 'один хромает, другой слеп'. *Кими къалгъан, кими оълъген* 'кто отстал, а кто и умер'. *Гъар не болса да* (произносится: *буса да*) *болсун* 'будь, что будет'. *Не болса да* (произносится: *буса да*) 'что бы то ни было', 'как бы то ни было'.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Аффиксы имен

1) $-\frac{чы}{чи} - \frac{чу}{чуь}$ (последний вариант почти не встречается). Как и во всех тюркских языках, образует имена со значением действующего лица или профессионала.

Примеры: *къой-чу* 'овечий пастух', *тувар-чы* 'пастух рогатого скота', *нал-чы* 'коваль' (выделывающий подковы—*нал*, исторически из арабского), *темир-чи* 'кузнец', *хынжал-чы* 'кинжальщик', *ял-чы* 'наемный рабочий' (от *ял* 'наемная плата'), *балыкъ-чы* 'рыбак', *этик-чи* 'сапожник', *башмакъ-чы* 'сапожник', *этмек-чи* 'булочник', *туъкоън-чуъ* и *туъкеън-чи* 'лавочник', *ялгъан-чы* 'лжец', *гоьтен-чи* 'выделыватель бараньей колбасы', *ичек-чи* 'собиратель и выделыватель кишок', *сарын-чы* 'тот, кто поет *сарын*' (особый тип народных песен), *сабан-чы* 'крестьянин' (от *сабан* 'плуг', 'соха'), *иш-чи* 'рабочий'.

Слова́ *деллек-чи* 'парикмахер', *хасап-чы* 'мясник' образованы от арабских имен действующего лица *dallāk* и *qaṣṣāb*, и аффикс - *чы/чи* поставлен при них плеонастически.

Разбираемый аффикс часто употребляется при инфинитиве, и полученная форма в некоторых тюркских языках заменяла и заменяет причастие настоящего времени.

Примеры: *сатыв-чу* 'торговец' (от *сатыв* 'продажа'), *алыв-чу* 'покупатель' (от *алыв* 'покупка'), *йырлав-чу* 'певец' (от *йырлав* 'пение', 'петь').

2) *-даш*. При единообразном начертании *-даш*, фактически существует параллельное произношение *-таш* (после глухих), *-наш* (после носовых), *-лаш* (после *-л*). Аффикс означает совместное нахождение или состояние или же объединение двух предметов по чему-либо общему. Как и в турецком языке, аффикс не имеет варианта с передним гласным. Он встречается в отдельных говорах и притом крайне редко. По гипотезе Н. Н. Поппе, это указывает на то, что аффикс сравнительно недавно произошел из отдельного слова, для которого имеется соответствие в монгольском языке в виде *adali*.

Примеры: *йол-даш* 'спутник', 'товарищ' (т. е. некто имеющий с кем-нибудь общую дорогу); *къар-даш* (от старого *къарын* 'утроба') 'родственник'; в диалектах: 'брат' (дословно: 'единоутробный'), *улан къардаш* (произносится *улангъгъардаш*) 'брат' (так его называет сестра), *къыз къардаш* 'сестра' (так ее зовут и братья, и сестры); *ана-даш* 'названный брат' (дословно: 'имеющий одну мать с кем-нибудь'), *дин-даш* (в произношении *дин-наш*) 'единоверец' (от слова *дин* 'вера'), *ватан-даш* (в произношении *ватан-наш*) 'согражданин' (*ватан* 'родина'), *авул-даш* (в произношении *авул-лаш*) 'односельчанин' (как бы 'товарищ по аулу').

3) *лы/ли* - *лу/луъ*. Аффикс образует слова, которые указывают на а) обладание чем-либо (или кем-либо), но без указания на 1-е, 2-е или 3-е лицо, или на b) органическую связь чего-либо с чем-либо. Подобные образования могут функционировать и как существительные, и как прилагательные (конкретно это определяется контекстом).

Примеры; а) *гьакъыл-лы* 'обладающий умом', т. е. 1) 'умник', 2) 'умный', *къатын-лы* (в произношении *къатыл-лы*) 'имеющий жену', т. е.

'женатый', *савут-лу* 'имеющий оружие', 'вооруженный', *акъча-лы* 'имеющий деньги', *суът-луъ* 'обладающий молоком', 'молочный' (о скоте), *туз-лу* 'заключающий в себе соль', 'соленый', *мыйыкъ-лы* 'усатый'.

Аффикс *-лы* прибавляется и к словосочетанию: *акъ сакъал-лы* 'имеющий белую бороду' (*акъ сакъал*), *яхшы къылыкълы* 'имеющий хороший характер' (*яхшы къылыкъ*).

b) *шагьар-лы* 'связанный с городом' (а не «имеющий город»), т. е. 1) 'горожанин', 2) 'городской', *отар-лы* 'хуторянин', 'деревенский' (*отар* 'хутор'), *тав-лу* 'горец', 'горный житель', *туъз-луъ* 'равнинный житель' (дословно: 'связанный с равниной').

В отдельных архаичных сочетаниях *-лы* употребляется два раза и заменяет собою соединительный союз ('и', а также 'вместе').

Например: *ата-лы ана-лы* 'имеющий отца и мать', (т. е. 'имеющий родителей'), *уьй-луъ эшик-ли* 'женатый', дословно: 'имеющий дом' (*уьй*) 'и дверь' (*эшик*).

По-русски формы на *-лы* часто переводятся наречиями или предложными конструкциями: *китап-лы* не только «имеющий книгу», но и «с книгой».

4) $-\frac{сыз}{сиз}-\frac{суз}{суьз}$. Образует имена, для которых типично отсутствие какого-либо предмета или связи с чем-либо. Эти образования, по смыслу противоположные именам на *-лы*, в первую очередь выступают, как прилагательные, но (в зависимости от контекста) могут функционировать и как существительные.

Примеры: *аякъ-сыз* 'безногий', *тиль-сиз* 'немой' (дословно: 'не имеющий языка'), *савут-суз* 'безоружный', *къол-суз* 'безрукий' (т. е. не имеющий руки до плеча: *къол* — франц. *bras*), *билек-сиз* 'безрукий' (иначе «не имеющий руки по кисть»: *билек* 'запястье'), *айып-сыз* 'безупречный', *гуьнагъ-сыз* 'невиновный', *эдеп-сиз* 'нахальный', *сув-суз* 'безводный', *туьп-суьз* 'бездонный'.

Двойное *-сыз* соответствует двойному *-лы*: *уьй-суьз эшик-сиз* 'неженатый' (дословно: «не имеющий ни дома, ни двери»).

При переводе на русский язык образования с *-сыз*, как и образования с *-лы*, могут переводиться предложными конструкциями: *ат-сыз* не только «безлошадный», но и «без лошади», *сув-суз* не только «безводный», но и «без воды».

5) $-\frac{лыкъ}{лик}-\frac{лукъ}{луьк}$ имеет весьма сложные оттенки значения, как это наблюдаем и в других тюркских языках. Первоначальным из них, повидимому, надо считать:

а) Обозначение места, в котором концентрируются какие-либо конкретные предметы: *ташлыкъ* 'место, где много камней', т. е. 'каменистое место' (сущ.) и 'каменистый' (прил.), *агъач-лыкъ* 'место, где много деревьев' (*агъач*), т. е. 'лес', *будайлыкъ* 'место, где много пшеницы' (*будай*), т. е. 'пшеничное поле', *чирик-лик* 'собрание гнили' (*чирик*), т. е. 'гнилое болото', *пастал-лыкъ* (вм. *пастан-*

лыкъ) 'место, где зреют дыни', т. е. 'баштан дынь', *хыяр-лыкъ* 'место, где много огурцов', т. е. 'поле, засеянное огурцами', *бичен-лик* (произносится *бичеллик*) 'место, где много сена', т. е. 'покос', 'луга', *боълек-лик* 'заросли кустарника' (*боълек*), *жие-лик* 'место, где много вишни', *гъабижай-лыкъ* 'кукурузник', *жибин-лик* (произносится *жибиллик*) 'место, где много мух', (*жибин*), *салкъын-лыкъ* (произносится *салкъыллыкъ*) 'место, где много прохлады' (дословно: «прохладного»: *салкъын*).

Образования, которые получаются таким путем, в первую очередь выступают, как существительные, но, как и всегда в кумыкском языке, при известном контексте, могут сознаваться, как прилагательные, например *ташлыкъ ер* 'каменистое место'.

b) Обозначение отвлеченных понятий. Это значение развилось, повидимому, из предыдущего, поскольку отвлеченное понятие могло связываться с концентрацией предметов, обладающих известным качеством («дружба» выражается в «собрании друзей», «вражда» — в «концентрации врагов» и т. д.).

Примеры: *батыр-лыкъ* 'геройство' (т. е. свойства *батыр'а*), *къызбай-лыкъ* 'трусость' (т. е. свойства труса), *ярлы-лыкъ* 'бедность', *бай-лыкъ* 'богатство', *гъайван-лыкъ* (произносится: *гъайвал-лыкъ*) 'скотство', *ит-лик* 'свойства собаки' (дословно: «собачество»), *яш-лыкъ* 'ребячество', *оъгьтем-лик* 'гордость', *исси-лик* 'жара', *сувукъ-лукъ* 'стужа', *яхшы-лыкъ* 'добро', *яман-лыкъ* (произносится *ямал-лыкъ*) 'зло', *рагьму-лукъ* 'жалость'.

В этом значении *-лыкъ* часто прибавляется к словам, уже имеющим словообразовательные аффиксы *-лы*, *-сыз*, *-чы*, *-даш*, для указания на положение, состояние, профессию такого-то лица.

Примеры: *эдепсиз-лик* 'свойства невоспитанного' (*эдепсиз*), т. е. 'невоспитанность', *ишсиз-лик* 'положение безработного' (*ишсиз*) или 'положение, при котором есть безработные' (*ишсиз*), т. е. 'безработица', *рагьму-суз-лукъ* 'безжалостность', *саудуъгерчи-лик* 'торговля' ('занятие торговца' *саудуъгер*), *арабачы-лыкъ* 'извозный промысел' ('занятие извозчика' *арабачы*).

В противоположность 1-й группе случаев (пункт *a*), вторая группа имен па *-лыкъ* образуется не только от слов, которые по значению в первую очередь являются существительными (*таш*, *агъач* и т. д.), но и тех, которые по своему смысловому содержанию в первую очередь осознаются, как прилагательные.

c) Обозначение прибора или инструмента, связанного с чем-нибудь.

Примеры: *баш-лыкъ* 'наголовник', 'башлык'[1]), *боюн-лукъ* (произносится *боюл-лукъ*) [2]) «прибор для шеи» (*боюн*), т. е. 'подушка' (по-русски:

[1]) В другом контексте *баш-лыкъ* означает «главенство» (*баш* 'голова', 'глава', 'начало').

[2]) Иногда произносится и *бойлукъ*, откуда, повидимому, русское *войлок*.

то, что кладется *под ухо*), *намаз-лыкъ* 'ковер для намаза', *аркъа-лыкъ* 'основная балка под крышей'.

d) Обозначение количества, пропорционального чему-либо.

Примеры: *ай-лыкъ* 'то, что рассчитано на месяц' ('пропорционально месяцу'), т. е. 'месячный заработок', 'жалованье', *бешгуьн-луьк* (произносится: *бешгуьлъ-луьк*) 'пятидневка' (то, что рассчитано на 5 дней), *уьч-луьк* 'тройной', *беш-лик* 'пятерной'. К таким образованиям часто прибавляется существительное, т. е. сами они выступают как прилагательное: *уьч гуьн-луьк йол* 'трехдневный путь'.

Таким образом, первые два значения аффикса связаны с идеей концентрации чего-либо, а последние два — с идеей целевой направленности.

Аффиксы образования имен от глаголов

1) -$\frac{акъ}{ек}$ || -$\frac{къ}{к}$ (после гласных). Встречается в некоторых отглагольных корнях; кроме этих изолированных случаев, аффикс уже неупотребителен (омертвелый аффикс).

Примеры: *тара-къ* 'гребень' (от *тара-макъ* 'причесывать'), *къач-акъ* 'беглец' (от *къач-макъ* 'бежать'), *тоъше-к* 'матрац' (от *тоъше-мек* 'обставлять коврами', 'меблировать'), *куьре-к* 'весло', 'деревянная лопата' (от *куьре-мек* 'сгребать').

2) -$\frac{ыкъ}{ик}$ -$\frac{укъ}{уьк}$. Архаичный аффикс для отглагольных существительных и прилагательных пассивного значения; вновь уже не дает никаких образований.

Примеры: *йырт-ыкъ* 'рваный', *теш-ик* 'дыра', *эш-ик* 'дверь', *бузукъ* 'испорченный', 'негодный', *туькуьр-уьк* 'плевок'.

3) *-ч*. Прибавляется к основе возвратного залога для образования немногих отглагольных имен. В современном языке аффикс непродуктивен.

Примеры: *суьюн-ч* 'радость', *къазан-ч* 'барыш', 'выигрыш', *къоркъун-ч* 'страх', *къызгъан-ч* 'жадный'.

4) -$\frac{ым}{им}$ -$\frac{ум}{уьм}$ (после согласных) || *-м* (после гласных). Образовал ряд отглагольных существительных; в современном языке непродуктивен.

Примеры: *ал-ым* 'взятие', 'привычка, взятая откуда-то', *къал-ым* 'остаток'; 'калым', *гий-им* 'одежда', *бил-им* 'знание', *оьл-уьм* 'смерть', *эт-им* 'поступок', *ич-им* 'питье', *бич-им* 'покрой'.

5) -$\frac{ыш}{иш}$ -$\frac{уш}{уьш}$ (после согласных) || *-ш* (после гласных). Аффикс был особенно продуктивен в старом языке; в новом — формы на *-ыш* часто заменяются формами на *-в*.

Примеры: *гел-иш* 'приход', *гет-иш* 'уход', *къат-ыш* 'смешение', 'общение', *ур-уш* 'ругань', 'скандал', *чыгъ-ыш* 'выход'.

6) - *къыч* / *кич* - *къуч* / *куьч* и - *гъыч* / *гич* - *гуч* / *гуьч*. Из этого ряда, отмеченного в других тюркских языках, в кумыкском сохранилось очень немного отглагольных образований: *бат-гъыч* 'лестница', *акъчыч* (< *ач-къыч*) 'ключ', *суьзгуьч* 'цедилка', 'сито'. Графически — последние 4 варианта.

7) *-ки* || *-ке*; графически - *ги* || - *ге* (в других тюркских языках весь ряд: - *къы* / *ки* - *къу* / *куь* || - *гъы* / *ги* - *гъу* / *гуь*). Сохранился в отдельных словах вроде *сибирт-ги* 'метла', а также *кесерт-ги* 'ящерица', *ченгерт-ги* 'саранча', *гуьлент-ги* 'силуэт', 'тень'.

ПОСЛЕЛОГИ

Как и во всех тюркских языках, в кумыкском языке на месте предлогов европейских языков употребляются *послелоги* (та же безударная морфологическая категория, но с иным порядком слов: управляющее *после* управляемого слова). Главнейшие из них:

1) *учун* 'для', 'ради' с род. пад. личных и указательных местоимений и неопределенным падежом других имен. Значение — причина: 'из-за', 'в виду', 'вследствие' и цель: 'для', 'ради'.

Примеры: *уьй учун* 'для дома', 'из-за дома', *аврувум учун* 'из-за моей болезни', 'в виду моей болезни', *атам учун* 'ради моего отца', 'из-за моего отца', *анангъ учун* 'ради твоей матери', *яшларынгъ учун* 'ради твоих детей'.

Ударение всюду стоит на слове, предшествующем послелогу.

Иногда (чаще в разговоре) послелог сливается в одно целое с подчиненным ему словом (особенно местоимением): *онучун* вм. *ону учун* 'для этого', 'поэтому', *мен(и)чун* вм. *мени учун* 'для меня', 'ради меня', *ким(и)чун* вм. *кимни учун* 'для кого?' Но: *бизин учун* 'для нас', *сизин учун* 'для вас'.

В значении цели (для кого, для чего, зачем?) конструкция с *учун* заменяется простым дательным падежом: *кимге* 'для кого?' *магъа* 'для меня', *бизге* 'для нас'.

2) *булан*. Означает а) сопровождение («вместе с; с; и») и b) посредство («посредством чего»). В фонетическом отношении аффикс имеет варианты: *мулан* и *мунан* (1-й часто, последний — исключительно после губных). Личные местоимения стоят перед послелогом в родительном падеже, остальные — в неопределенном.

Примеры: *мени булан* (|| *мулан*) 'со мною', *ону булан* (|| *мулан*) 'с ним', 'им', *къолу булан* 'его рукой', 'посредством его руки', *ат булан чабып гелип* 'прискакав на лошади', *къайыкъ булан* 'на лодке', *аэроплан булан* 'на аэроплане', *атасы булан* 'с его отцом', *анам булан* (в произношении *мулан* || *мунан*) 'с моей матерью', *алым булан* (произносится *мулан*)

'с привычкой', *яхшы къылыгъ-ы булангъы* (< *булан* + *гъы*) *къыз* 'девица с хорошим нравом', *яман ат-ы булангъы адам* 'человек с плохим кроем'.

Сочетание существительного с послелогом *булан* в случае орудийного значения этого последнего соответствует русскому творительному падежу; в данном отношении кумыкский язык напоминает английский и типологически близкие ему.

Что касается фонетического состава послелога, то его соответствия в других тюркских языках чаще имеют гласные переднего ряда (*билен*, *бирле*, *илен*, *иле* и т. д.), а согласный *б* часто чередуется с *м* (*менен*, *мен*, а также *мынан* и *ман* с гласными заднего ряда) и другими губными: *б* и *п* (*бен*, *пен*).

3) *йимик*. Исторически, как показывают другие тюркские языки, получился из *гимик* < *кимик* || *кибик*. Выражает сравнение по качеству и управляет теми же падежами, как и первые два послелога.

Примеры: *ону аты йимик ат йокъ* 'нет такого коня, как его конь', *булай адам йимик адам йокъ* 'нет такого человека, как этот человек', *тав йимик бийик* 'высокий, как гора', *темир йимик къатты* 'твердый, как железо', *мени йимик* 'как я', 'подобно мне'.

Если предыдущее слово оканчивается на *н*, то его *н* перед послелогом фактически переходит в *нг*, графически *н*.

Например: *бизинг-йимик* 'подобно нам', 'как мы'. Этот факт указывает на то, что в произношении *йимик* еще ощущается слабый приступ в виде ʾ (*'йимик*). Ср. еще: *сизинг-йимик* 'как вы', *къазангъ-йимик къара* 'черный, как котел' (*къазан*), *сабангъ-йимик* 'как соха', 'подобно сохе' (*сабан*).

4) *сайын* (исторически деепричастие от глагола *сай-макъ* 'считать'). Значение этого послелога соответствует русскому *еже-*, например: *йыл сайын* 'ежегодно', *куън сайын* 'ежедневно'. Управляет неопределенным падежом: *алгъан сайын* 'всякий раз как брал'. См. стр. 155.

5) *таба*(*къ*) с дательным падежом означает направление и предел ('по направлению', 'вплоть до'). У ногайцев звучит в двух вариантах: *таба* / *тебе*.

Примеры: *базар-гъа табакъ* (|| *таба*) 'до базара', *уьй-ге табакъ* (|| *таба*) *барып* 'пойдя до дома', *агъачлыкъ-гъа табакъ* (|| *таба*) 'до леса'.

6) *себепли* (исторически из арабского *сабаб* 'причина') с неопределенным падежом означает: «по причине, вследствие».

Примеры: *биз себепли* 'из-за нас', *от туъшген себепли* 'по причине пожара', *заседание себепли* 'в виду заседания'.

В отличие от *учун* этот послелог указывает только причину.

7) *гоьре* (исторически *гоьр-е* 'видя', т. е. деепричастие от глагола *гоьр-мек*) с дательным падежом значит: «на основании, согласно».

Примеры: *кагъызына гоьре айтаман* 'я говорю на основании его бумаги', *бу хабарлагъа гоьре* 'согласно этим известиям'.

8) *алда* 'пе́ред' с исходным падежом.

Примеры: *дарс-дан алда* 'перед уроком', *оълъген-ден алда* 'перед смертью', *биз-ден алда* 'перед нами', *иш-ден алда* 'перед работой'.

Из примеров видно, что этот послелог имеет не пространственное, а временно́е значение: «перед» = «раньше, до» (ср. франц. *avant*, итал. *prima*).

Вместо *алда* может стоять заимствованное из арабского слово *авал*.

Вместо *алда* употребляется и форма *алдын* 'прежде': *къыркъ йыл алдын* 'сорок лет тому назад'.

О слове *башлап* см. стр. 142.

9) *сонгъ* 'после' с исходным падежом.

Примеры: *биз-ден сонгъ* 'после нас', *дарс-дан сонгъ* 'после урока', *аш-дан сонгъ* 'после еды', *иш-ден сонгъ* 'после работы'.

Как и русское слово «после», которое, в зависимости от употребления, может быть и предлогом, и наречием, — кумыкское *сонгъ*, если оно не управляет исходным падежом, выступает как наречие.

Примеры: *мен сенден сонгъ гельдим* 'я пришел после тебя' (*сонгъ* — послелог), *мен сонгъ гельдим* 'я пришел после' (*сонгъ* — наречие).

10) *башгъа* 'кроме', 'помимо' с исходным падежом. Исторически дательный падеж от слова *баш* 'голова'. Так как исходный падеж оканчивается на *н*, то послелог в живой речи превращается в вариант *машгъа*, а конечное *н* предыдущего слова в *м* (через ступень $н^{м}$).

Примеры: *мундан башгъа* (произносится: *муннан-машкъа*) 'кроме этого', *мен-ден башгъа* (произносится: *меннен-машкъа*) 'кроме меня', *биз-ден башгъа* (произносится: *биздем-машкъа*) 'кроме нас', *иш-ден башгъа* 'кроме работы', *аш-дан башгъа* 'кроме еды', *ата-дан башгъа* 'кроме отца'.

Вместо *башгъа* иногда можно поставить с тем же исходным падежом семантически близкое, но не тождественное слово *оъзге*, которое представляет собой дательный падеж от слова *оъз*. В другой конструкции (как прилагательные) оба слова *башгъа* и *оъзге* значат: «иной, другой».

11) Соотносительные послелоги: *ари* (произносится *эри*) 'далеко', 'туда', 'по ту сторону', латинское *trans*, и *бери* 'близко сюда', 'по эту сторону', латинское *cis*. Оба управляют исходным падежом.

Примеры: *тав-дан ари* 'за горой' (т. е. дальше, чем сама гора); *о юрт-дан бери* 'по эту сторону селения'. Под влиянием предшествующего *н* слово *бери* в живом произношении принимает форму *мери*: *эки йыл-дан бери* или *берли* (произносится *мери* или *мерли*) 'около двух лет' (собственно: «по эту сторону от двух лет»), *коъп-ден берли* 'давным давно'.

Таким образом, *бери* и особенно *берли* может употребляться не только в пространственном, но и во временно́м значении.

В другом контексте и *ари* и *бери* употребляются, как служебные имена.

12) *ерли* 'до, вплоть до' (по месту): *шагъаргъа ерли* 'до города'.

13) *саялы* 'из-за, ради': *ким саялы* 'из-за кого'?

НАРЕЧИЯ

Категория наречий в кумыкском языке недостаточно оформлена. Морфологическими показателями ее служат:

1) Аффикс -$\frac{ча}{че}$, например: *къумӀукъ-ча* 'по-кумыкски', *рӀусс-ча* 'по-русски', *туьрк-че* 'по-турецки'; ср. еще формы *бизӀи-че* 'по-нашему', *сизӀи-че* 'по-вашему', образованные от родительного падежа.

Исторически аффикс связан со служебным словом *чакъ* 'момент', 'мера', 'пора'; форма *-ча* представляет собой следующую степень морфологического развития слова. Первоначально *къумукъ-ча* < *къумукъ чакъда* означало «на кумыкский лад» и далее — с сужением значения — на «кумыкском языке».

2) Аффикс -$\frac{лай}{лей}$ образует наречия от порядковых числительных: *биринчи-лей* 'впервые', 'в первый раз', *алтынчы-лай* 'вшестые', 'в шестой раз', *экинчи-лей* 'вторично', 'во второй раз'.

Вариантом (морфологическим) этого *-лай* является форма -$\frac{лайын}{лейин}$ (-$\frac{ын}{ин}$ — аффикс архаичного творительного или инструментального падежа): *алма-лайын* 'как яблоко', 'словно яблоко', *бурчакъ-лайын* 'с горошину', 'как горошина', 'словно горошина', *исси-лейин* 'в горячем виде'.

Фонетическими вариантами формы -$\frac{лай}{лей}$ являются -$\frac{дай}{дей}$, которые после глухих произносятся фактически, как -$\frac{тай}{тей}$, а после носовых — -$\frac{най}{ней}$. Этот аффикс образует наречия сравнительного характера вроде русских «по-нашему, по-ученому» и т. д. По сравнению с близкой семантикой аффикса *-ча* 'по-каковски?' 'на каком языке?' аффикс *-дай* выражает сравнение более широко. По-русски он иногда переводится не только наречиями *аюв-дай* 'по-медвежьи', но и существительным с союзом «как, словно» и т. д.

Примеры: *тав-дай* 'как гора', *таш-дай* (произносится *таш-тай*) 'как камень', *тоьбе-дей* 'как холм', *темир-дей* 'как железо', *ай-дай арив* 'красивый, -ая, как луна', *ит-дей адам* 'человек вроде собаки', 'как собака', *адам-дай* 'по-человечески', 'как человек'.

Иногда аффикс *-дай* как бы усиливается следующим за ним послелогом *йимик: ит-дей йимик адам* 'человек, такой же, как собака'.

В действующей орфографии аффикс *-дай* пишется слитно с основой слова.

Та особенность, что синтаксически слова́ типа *аюв-дай*, будучи наречиями, сочетаются с существительными, не должны удивлять, так как для русского языка этот факт отмечен последними по времени учебниками. И если по-русски, например, говорят: 'уха по-рыбацки', то и по-кумыкски говорят: *аювдай адам* 'человек по-медвежьему' и — далее, по стилистической обработке — 'человек вроде медведя', 'человек, словно медведь'.

Ту же самую определяющую роль наречий мы встречаем в таком выражении: *къумукъча бир китап* 'книга по-кумыкски' = 'кумыкская книга'. А так как в кумыкском (как и во всех тюркских языках) категория наречий очень мало дифференцирована от прилагательного и, следовательно, от существительного, то форма *къумукъча* может даже склоняться и означать уже не «по-кумыкски», а «кумыкский язык»: *къумукъча-дан русча-гъа* 'с кумыкского на русский'.

3) Только что сказанное есть частный случай более общего положения, гласящего: каждое прилагательное, оказываясь в приглагольной позиции, тем самым уже выполняет синтаксические функции наречий без какого-либо специфического оформления аффиксами.

Пример: *бу гиши яхшы яза* 'этот человек хорошо пишет'.

Здесь слово *яхшы* понимается, как 'хорошо', а не как 'хороший' только потому, что оно определяет глагол; в сочетании *яхшы гиши* слово *яхшы*, конечно, осознается как прилагательное. Таким образом получается то, что некоторые называют синтаксическими наречиями. Этот тип наречий (строго говоря «прилагательно-наречий») составляет в кумыкском языке самую обширную категорию. И потому, анализируя в порядке школьного разбора такую, например, фразу, как *мен къумукъча бек яман соъйлеймен* 'я очень плохо говорю по-кумыкски', слово *яман* в морфологическом плане надлежит расценивать, как *прилагательное*; синтаксически же это будет обстоятельство образа действия, поскольку прилагательное *яхшы* имеет (в *синтаксическом* плане) особую функцию — функцию наречия.

4) Кроме наречий общего типа — морфологических (с аффиксами *-ча*, *-дай*) и синтаксических, о которых только что говорилось, — к категории наречий по своему значению относится ряд окаменевших слов, кумыкских и заимствованных. Этот тип ближе всего подходит к тому, что в русских учебниках называется обстоятельственными наречиями. Сюда относятся:

a) Наречия времени: *буъгуън* 'сегодня', *туънегуън* 'вчера', *гуъндуъз* 'днем', *былтыр* 'в прошлом году', *гъаман* 'всегда', *энди* 'теперь', *эртен* 'рано', *башда* 'сперва', *сонгъ* 'после', *гъали* 'теперь', 'все еще'.

b) Наречия места: *мунда* 'здесь', 'сюда', *онда* 'там', 'туда', *ондан* 'оттуда', *къайда* 'где?', *тоъбен* 'вниз', *ари* 'по ту сторону', *бери* 'по эту сторону'.

c) Наречия образа действия: *тез* 'быстро', *чалт* 'проворно', *яяв* 'пешком', *сийрек* 'редко', *тегин* 'даром', 'напрасно'.

d) Наречия степени: *бек* 'очень', *янгъыз* 'только', *тап* и *лап* 'как раз', 'совершенно', *дагъы* 'также', 'еще', *чинк* и *чинкде* 'всего более', 'именно'.

e) Наречия утверждения и отрицания: *туъгуълъ* 'не', *йокъ* 'нет' (в противоположность «да»; другие функции *йокъ* сюда не относятся), *йогъесе* 'а не то', *тек* 'но', *дуър* 'да'.

СОЮЗЫ

a) Соединительные: *ва* 'и' (исторически из арабского).

b) Разделительные: *я* и *яда* 'или', 'или же', *я — я* 'или — или', $\frac{\text{да}}{\text{де}}$ $\frac{\text{да}}{\text{де}}$ (полуаффикс) 'и' — 'и'.

c) Противительные: *амма* 'но, однако', $\frac{\text{да}}{\text{де}}$ (полуаффикс) 'а', 'же', 'однако'.

d) Условные: *эгер (агер)* 'если'.

e) Сравнительные: *сайки* 'как будто'.

Как видно из примеров, в функции союзов употребляются и безударные полуаффиксы: $\frac{\text{да}}{\text{де}}$ и $\frac{\text{чы}}{\text{чи}}$, а также слово *деп* 'дескать', 'мол' — исторически деепричастие от глагола *де-мек* 'сказать'. В частности, *деп* замыкает прямую речь и, кроме того, употребляется на правах союза «чтобы» для обозначения цели.

ГЛАГОЛ

Настоящее время изъявительного наклонения

Настоящее время образуется из глагольного корня, аффикса $-\frac{a}{e}$ и аффиксов сказуемости соответствующего лица и числа, т. е.

	Единственное число	*Множественное число*
1 лицо	- *ман* || - *мен*	- *быз* || - *биз*
2 лицо	- *сан* || - *сен*	- *сыз* || - *сиз*
3 лицо	— —	— —

Примеры на образование настоящего времени от согласных основ

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бар-а-ман* 'я хожу'	*бар-а-быз*
	гет-е-мен 'я ухожу'	*гет-е-биз*
2 л.	*бар-а-сан*	*бар-а-сыз*
	гет-е-сен	*гет-е-сиз*
3. л.	*бар-а*	*бар-а-лар*
	гет-е	*гет-е-лер*

В 3-м лице мн. ч. ударение падает на аффикс множественности; в 3-м лице ед. ч. и в 1-м и 2-м лицах мн. ч. ударение падает на аффикс основы, т. е. на $-\frac{a}{e}$.

В глагольных основах *гет-мек* 'идти, уходить' и *эт-мек* 'делать' звук *т* основы сохраняется и перед гласными (*гет-емен*, *эт-емен*) в отличие от южных тюркских языков, где это *т* переходит в *д*.

При спряжении основ на гласный вместо аффикса $-\frac{a}{e}$ употребляется аффикс -*й*, после которого следуют обычные аффиксы сказуемости.

Примеры: *тара-макъ* 'чесать', 'причесывать', *аша-макъ* 'есть'.

	Единственное число	*Множественное число*
1. л.	*тара-й-ман* 'я причесываю'	*тара-й-быз*
	аша-й-ман 'я ем'	*аша-й-быз*
2 л.	*тара-й-сан*	*тара-й-сыз*
	аша-й-сан	*аша-й-сыз*
3 л.	*тара-й*	*тара-й-лар*
	аша-й	*аша-й-лар*

Нормально отсутствующий при спряжении этого времени аффикс сказуемости 3-го лица - *дыр* / *дир* - *дур* / *дюр* встречается в архаичных текстах; в живой речи он сохранился в некоторых стереотипных выражениях, как например: *этедир этмейдир* 'не то он сделает, не то не сделает', *геледир гельмейдир* 'не то он придет, не то не придет', *барадыр бармайдыр* 'не то он пойдет, не то не пойдет'. В карачаево-балкарском, ногайском, казахском и других языках этот аффикс, сохранившийся в форме - *ды* / *ди* - *ду* / *дю*, является необходимым признаком 3-го лица единств. числа; в казанско-татарском и башкирском, как и в кумыкском, 3-е лицо единств. числа сходно с основой времени, исторически деепричастием на - *а* / *е* (после согласных) и на *-й* (после гласных).

По значению кумыкское настоящее время типа *бараман* передает следующие смысловые оттенки:

1) действие, происходящее обычно и всегда, т. е. не связанное с данным моментом (так наз. потенциальное настоящее в противоположность фактическому), т. е. *бараман* 'хожу' (подразумевается: 'обычно', 'всегда') и *беремен* 'даю' (подразумевается: 'обычно', 'всегда'),

2) действие, которое произойдет в недалеком будущем и в совершении которого говорящий уверен.

Примеры: *бараман* 'пойду' (говорится перед уходом), *эртен бараман* 'утром пойду', *тангъала бараман* 'завтра пойду'. Таким образом настоящее время стилистически заменяет будущее при двух необходимых условиях: когда имеется твердая уверенность в совершении действия и когда срок между этим действием и настоящим моментом очень небольшой (при длительном промежутке ставится будущее время).

Если нужно выразить действие данного момента (ср. англ. *I am going*), то употребляется сложный оборот типа *бар-а тур-а-ман* 'вот я иду' (говорится во время самого процесса ходьбы). Этот оборот состоит из деепричастия на - *а* / *е* || *-й* и вспомогательного глагола *тур-макъ* 'стоять' в наст. времени. Ср. примеры: *бу китапны оху-й тураман* (я читаю эту книгу ср. *I am reading this book*), тогда как *мен школада охуйман* означает: 'я учусь в школе' (т. е. вообще, а не только в тот момент, когда произношу эти три слова).

Процесс более длительный (многократный) выражается сложной формой из настоящего времени глагола *тур-макъ* 'стоять' и дееприча-

стия на -ып/ип -уп/уьп, например: *барып тураман* 'хожу все время', 'постоянно хожу', *охуп тураман* 'читаю все время', 'постоянно'. Таким образом, эта форма обозначает длительность и многократность одновременно.

К производным формам настоящего времени относятся: форма отрицания, возможности и невозможности действия. Первая из них противополагается непосредственно основной форме, которую в таких случаях принято называть положительной. Отрицательная форма принимает специфический аффикс -ма/ме, после которого, как и в случае гласных основ (см. выше), следует аффикс -й и, далее, аффиксы сказуемости.

Примеры:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бар-ма-й-ман* 'я не хожу'	*бар-ма-й-быз*
	эт-ме-й-мен 'я не делаю'	*эт-ме-й-биз*
2 л.	*бар-ма-й-сан*	*бар-ма-й-сыз*
	эт-ме-й-сен	*эт-ме й-сиз*
3 л.	*бар-ма-й*	*бар-ма-й-лар*
	эт-ме-й	*эт-ме-й-лер.*

Ударение всюду ставится на слоге -май/мей.

Форма возможности слагается из настоящего времени глагола *бол-макъ* 'делаться', 'становиться', 'быть' в предшествии деепричастия на -ып/ип - уп/уьп (после согласных) || -п (после гласных).

Примеры:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*барып боламан* 'я могу ходить'	*барып болабыз*
	этип боламан 'я могу делать'	*этип болабыз*
2 л.	*барып болясан*	*барып болясыз*
	этип болясан	*этип болясыз*
3 л.	*барып бола*	*барып болалар*
	этип бола	*этип болалар*

Форма невозможности по схеме своего образования есть отрицательная форма к форме возможности.

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*барып бол-ма-й-ман* 'я не могу ходить'	*барып болмайбыз*
	этип бол-ма-й-ман 'я не могу делать'	*этип болмайбыз*
2 л.	*барып болмайсан*	*барып болмайсыз*
	этип болмайсан	*этип болмайсыз*
3 л.	*барып болмай*	*барып болмайлар*
	этип болмай	*этип болмайлар*

Будущее время I

Образование. Нормальный тип будущего I состоит из корня глагола, аффикса данного времени -$\frac{ар}{ер}$ и аффиксов лица.

Примеры:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бар-àр-ман* 'я пойду'	*бар-àр-быз*
2 л.	*бар-àр-сан*	*бар-àр-сыз*
3 л.	*бар-àр*	*бар-àр-лар*

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*гир-èр-мен* 'я войду'	*гир-èр-биз*
2 л.	*гир-èр-сен*	*гир-èр-сиз*
3 л.	*гир-èр*	*гир-èр-лер*

После основ на гласный, аффикс данного времени выражается одним звуком *р*: *къара-р* 'он будет смотреть', откуда далее *къарà-р-ман*, *къарà-р-сан* и другие лица обоих чисел.

Формы 3-го лица множ. ч., где сталкиваются *р* + *л*, в результате ассимиляции (регрессивной) могут давать в произношении группу ^{р}*л* + *л*, т. е. могут фактически звучать: *бара*^{р}*ллар*, *гире*^{р}*ллер*. При этом в отдельных корнях звук *р* в подобной комбинации выделяется отчетливее, чем в других корнях, например: *гетер-лер* > *гете*^{р}*ллер* 'они уйдут' имеет *р* более сильное, чем *р* в слове *гелер-лер* > *геле*^{р}*ллер* 'они придут'. Вопрос этот, относящийся к предмету экспериментальной фонетики, до настоящего времени полностью не исследован.

Излишне добавлять, что на письме эта звуковая особенность не отмечается (т. е. пишется всегда *барарлар*, *гелерлер*). Подобное фонетическое явление наблюдается (в том или ином виде) также и в других языках тюркской системы (в диалектах турецкого, в азербайджанском, туркменском, карачаевском и др.).

В грамматике А. Батырмурзаева (изд. 1933 года, стр. 127, прим.) отмечается редукция и выпадение *р* в сочетаниях типа *алырман* 'я возьму', *гоьруьрмен* 'я увижу', каковые звучат: *алыман*, *гоьруьмен*; в случаях же типа *къалырман* 'я останусь', т. е. там, где перед *р* стоит *широкий* гласный аффикса (т. е. *а*, *е*, а не *ы*, *и*, *у*, *уь*) и там, где *р* прибавляется непосредственно к основе на гласный (*юруь-р-мен* 'я буду шагать'), — подобного выпадения не наблюдается. К сожалению, автор не указывает, к каким именно диалектам кумыкского языка относится данное наблюдение.

Вопрос об аффиксе -$\frac{ар}{ер}$. Приведенный нами в качестве показателя Будущего I аффикс -$\frac{ар}{ер}$ не является единым в этой своей функции. Он допускает варианты: уже отмеченный выше -*р* (после гласных основ), а также -$\frac{ыр}{ир}$ и -$\frac{ур}{уьр}$. В конечном счете, аффикс Будущего I имеет

следующий тип: -$\frac{ар}{ер}$, -$\frac{ыр}{ир}$, -$\frac{ур}{уьр}$, -*р*. Выделив отсюда вариант -*р* (по фонетическим признакам: по его употреблению после гласных основ — см. выше), мы можем продолжить это членение на основании уже исторических признаков. С этой точки зрения мы получаем еще 2 варианта: -*р* в окружении широких гласных (т. е. -$\frac{ар}{ер}$) и -*р* в окружении узких гласных (т. е. -$\frac{ыр}{ир}$ -$\frac{ур}{уьр}$). Последний, третий по существу, вариант (-$\frac{ыр}{ир}$ -$\frac{ур}{уьр}$) допускает частное деление на -$\frac{ыр}{ир}$ (-*р* в окружении узких негубных гласных) и -$\frac{у}{уьр}$ (-*р* в окружении узких губных гласных). Теоретически -$\frac{ур}{уьр}$ должно употребляться (и часто употребляется на практике) после основ с губным гласным.

Примеры: *бол-ур* 'он будет' от *бол-макъ*, *гоьр-уьр* 'он увидит' от *гоьр-мек*, *тол-ур* 'он наполнится' от *тол-макъ*.

Наоборот -$\frac{ыр}{ир}$ должно употребляться (и часто употребляется на практике) после основ с негубным согласным.

Примеры: *ал-ыр* 'он возьмет' при *ал-макъ*, *гел-ир* 'он придет' при *гелъ-мек*.

При всем том отдельные варианты аффикса Будущего I часто употребляются безразлично или вытесняют друг друга (это относится не только к возможной замене -$\frac{ур}{уьр}$ через -$\frac{ыр}{ир}$, но даже и к замене всего третьего варианта -$\frac{ыр}{ир}$ -$\frac{ур}{уьр}$ вторым, т. е. -$\frac{ар}{ер}$). Достаточно указать на то, что в грамматике Батырмурзаева (изд. 1933 года) глагол *гелъ-мек* 'приходить' дан в такой форме: *гелермен*, *гелерсен*, *гелер*, а в грамматике того же автора (изд. 1935 года) тот же глагол приводится в форме *гелир*.

Можно утверждать, что формы на -$\frac{ар}{ер}$ зачастую вытесняют закономерные формы на -$\frac{ур}{уьр}$ при губных корнях или, во всяком случае, существуют параллельно с ними: *бол-ар* 'он будет' = *бол-ур*, *тол-ар* 'он наполнится' = *тол-ур*. С другой стороны по вопросу о соотношении аффиксов -$\frac{ар}{ер}$ с аффиксами -$\frac{ыр}{ир}$ можно отметить следующие факты: 1) после дифтонгов *ау* (графически: *ай*) и *оу* (графически: *ой*) чаще всего употребляется -$\frac{ар}{ер}$: *тай-ар* > *таяр* 'он отклонится', 'отойдет', *той-ар* > *тояр* 'он насытится', *къой-ар* > *къояр* 'он оставит'; 2) аффикс -$\frac{ыр}{ир}$ сохраняется при особых стилистических условиях, а именно в двойных сочетаниях такого типа, как: *барыр бармас* (не: *барар бармас*) 'пойдет или не пойдет', *гелир гельмес* (не: *гелер гельмес*) 'придет — не придет' (подразумевается: «всё равно»). Однако от глагола *гет-мек* возможна только форма *гетер гетмес* 'пойдет ли, не пойдет ли', а не **гетир гетмес*. Обратно: выражение *гел-ер-ми гелъ-мес-ми*

'приедет или не приедет' имеет дублет *гел-ир-ми гель-мес-ми* с тем же значением.

Детальное обследование того, какие кумыкские корни могут иметь параллельно $-\frac{ар}{ер}$ и $-\frac{ыр}{ир}$ и какие только один из этих вариантов — еще никем не производилось. Теоретически можно предположить, что при наличии двух параллельных форм тип *барыр* имеет более конкретное и близкое значение (т. е. ближе к настоящему), а тип *барар* — более неопределенное (т. е. ближе к будущему). Подробнее об этом см. ниже в отделе о значении Будущего I.

Летом 1936 года во время лингвистической поездки в Дагестан были сделаны попытки[1]) зафиксировать глаголы, которые допускают обе формы Будущего I — на $-\frac{ар}{ер}$ и на $-\frac{ыр}{ир}$. В список вошли следующие основные глаголы:

ал-ар	и	*ал-ыр*	от	*ал-макъ*	'брать', 'взять'
бар-ар	»	*бар-ыр*	»	*бар-макъ*	'идти'
къал-ар	»	*къал-ыр*	»	*къал-макъ*	'оставаться'
айт-ар	»	*айт-ыр*	»	*айт-макъ*	'говорить'
ят-ар	»	*ят-ыр*	»	*ят-макъ*	'лежать', 'ложиться'
бер-ер	»	*бер-ир*	»	*бер-мек*	'давать'
гел-ер	»	*гел-ир*	»	*гель-мек*	'приходить'
бил-ер	»	*бил-ир*	»	*билъ-мек*	'знать'
яз-ар	»	*яз-ыр*	»	*яз-макъ*	'писать'
сат-ар	»	*сат-ыр*	»	*сат-макъ*	'продавать'
бат-ар	»	*бат-ыр*	»	*бат-макъ*	'тонуть', 'вязнуть', 'закатываться'
ач-ар	»	*ач-ыр*	»	*ач-макъ*	'открывать'
ян-ар	»	*ян-ыр*	»	*ян-макъ*	'гореть'
къат-ар	»	*къат-ыр*	»	*къат-макъ*	'подмешивать', 'прибавлять'
акъыр-ар	»	*акъыр-ыр*	»	*акъыр-макъ*	'ругаться', 'кричать на кого-нибудь'
къыччыр-ар	»	*къыччыр-ыр*	»	*къыччыр-макъ*	'кричать'
акътар-ар	»	*акътар-ыр*	»	*акътар-макъ*	'искать', 'исследовать'
къыдыр-ар	»	*къыдыр-ыр*	»	*къыдыр-макъ*	'искать'
янгъыр-ар	»	*янгъыр-ыр*	»	*янгъыр-макъ*	'обновлять'
гоърсет-ер	»	*гоърсет-ир*	»	*гоърсет-мек*	'показывать'
чакъыр-ар	»	*чакъыр-ыр*	»	*чакъыр-макъ*	'звать'
арт-ар	»	*арт-ыр*	»	*арт-макъ*	'увеличиваться', 'возрастать'
ас-ар	»	*ас-ыр*	»	*ас-макъ*	'вешать'
ат-ар	»	*ат-ыр*	»	*ат-макъ*	'бросать'
аз-ар	»	*аз-ыр*	»	*аз-макъ*	'ошибаться', заблуждаться'

[1]) За участие в этой работе я выражаю благодарность преподавателю Ш. Гаджиеву (Буйнакск).

барыш-ар	и	*барыш-ыр*	от	*барыш-макъ*	‘мириться’
яраш-ар	»	*яраш-ыр*	»	*яраш-макъ*	‘быть годным’
бас-ар	»	*бас-ыр*	»	*бас-макъ*	‘давить’, ’наступать ногой’
талаш-ар	»	*талаш-ыр*	»	*талаш-макъ*	‘спорить’, ‘ссориться’
эриш-ер	»	*эриш-ир*	»	*эриш-мек*	‘спорить’, ‘сопротивляться’
бич-ер	»	*бич-ир*	»	*бич-мек*	‘кроить’
чал-ар	»	*чал-ыр*	»	*чал-макъ*	‘косить’
яб-ар	»	*яб-ыр*	»	*яп-макъ*	‘закрывать’
чаб-ар	»	*чаб-ыр*	»	*чап-макъ*	‘бежать’, ‘скакать’
агъ-ар	»	*агъ-ыр*	»	*акъ-макъ*	‘течь’
геч-ер	»	*геч-ир*	»	*геч-мек*	‘проходить’, ‘миновать’
гес-ер	»	*гес-ир*	»	*гес-мек*	‘резать’
ягъ-ар	»	*ягъ-ыр*	»	*якъ-макъ*	‘зажигать’
янгъыл-ар	»	*янгъыл-ыр*	»	*янгъыл-макъ*	‘ошибаться’
яр-ар	»	*яр-ыр*	»	*яр-макъ*	‘разрубать’, ‘рассекать’
яшын-ар	»	*яшын-ыр*	»	*яшын-макъ*	‘прятаться’
ег-ер	»	*ег-ир*	»	*ег-мек*	‘запрягать’
къайт-ар	»	*къайт-ыр*	»	*къайт-макъ*	‘возвращаться’
къашын-ар	»	*къашын-ыр*	»	*къашын-макъ*	‘чесаться’
мунгъай-ар > *мунгъаяр*	»	*мунгъай-ыр*	»	*мунгъай-макъ*	‘грустить’
къайгъыр-ар	»	*къайгъыр-ыр*	»	*къайгъыр-макъ*	‘печалиться’
сал-ар	»	*сал-ыр*	»	*сал-макъ*	‘класть’, ‘сваливать’
салын-ар	»	*салын-ыр*	»	*салын-макъ*	‘быть положенным’
тай-ар > *таяр*	»	*тай-ыр*	»	*тай-макъ*	‘отклоняться’
таян-ар	»	*таян-ыр*	»	*таян-макъ*	‘опираться’
тал-ар	»	*тал-ыр*	»	*тал-макъ*	‘утомляться’
там-ар	»	*там-ыр*	»	*там-макъ*	‘капать’
тарт-ар	»	*тарт-ыр*	»	*тарт-макъ*	‘тащить’
тебер-ер	»	*тебер-ир*	»	*тебер-мек*	‘толкать’, ‘двигать’
теш-ер	»	*теш-ир*	»	*теш-мек*	‘дырявить’, ‘сверлить’
уял-ар	»	*уял-ыр*	»	*уял-макъ*	‘стыдиться’
ушат-ар	»	*ушат-ыр*	»	*ушат-макъ*	‘размельчать’
уйрет-ер	»	*уйрет-ир*	»	*уйрет-мек*	‘обучать’
къызар-ар	»	*къызар-ыр*	»	*къызар-макъ*	‘раскалять’, ‘жарить’.

Двойные формы отсутствуют там, где образование их недопустимо со стороны смысла, т. е. нарушает типичное семантическое соотношение:

уч-ар от *уч-макъ* ‘лететь’, а не **уч-ур*, так как *учур* означает ‘заставь летать’ — от *учур-макъ*; *ич-ер* от *ич-мек* ‘пить’, а не **ич-ир*, так как *ичир* означает: ‘дай пить’, ‘пои’ — от *ичир-мек*; *къач-ар* от *къач-макъ* ‘убегать’, а не **къач-ыр*, так как *къачыр* означает ‘выпусти из рук’, ‘дай убежать’ — от *къачыр-макъ* и т. д.

Список основ с губным гласным, которые имеют два варианта:

бол-ур	и *бол-ар*	от	*бол-макъ*	‘делаться’, ‘становиться’, быть’
гоър-уър	» *гоър-ер*	»	*гоър-мек*	‘видеть’
оъл-уър	» *оъл-ер*	»	*оълъ-мек*	‘умирать’
соз-ур	» *соз-ар*	»	*соз-макъ*	‘затягивать’
бур-ур	» *бур-ар*	»	*бур-макъ*	‘крутить’, ‘вращать’
ур-ур	» *ур-ар*	»	*ур-макъ*	‘бить’, ‘ударять’
йолугъ-ур	» *йолугъ-ар*	»	*йолукъ-макъ*	‘встречаться’
къой-ур > *къоюр*	» *къой-ар* > *къояр*	»	*къой-макъ*	‘класть’, ‘ставить’
къоркъ-ур	» *къоркъ-ар*	»	*къоркъ-макъ*	‘бояться’
къоб-ур	» *къоб-ар*	»	*къоп-макъ*	‘развязываться’, ‘обрываться’
къутул-ур	» *къутул-ар*	»	*къутул-макъ*	‘избавляться’, ‘спасаться’
къутур-ур	» *къутур-ар*	»	*къутур-макъ*	‘избавлять’, ‘спасать’
оз-ур	» *оз-ар*	»	*оз-макъ*	‘обогнать’, ‘опередить’
оъб-уър	» *оъб-ер*	»	*оъп-мек*	‘целовать’
оът-уър	» *оът-ер*	»	*оът-мек*	‘проходить сквозь’
сав-ур	» *сав-ар*	»	*сав-макъ* [1])	‘доить’
согъ-ур	» *согъ-ар*	»	*сокъ-макъ*	‘бить’, ‘ударять’
соън-уър	» *соън-ер*	»	*соън-мек*	‘гаснуть’, ‘тухнуть’
суъй-уър > *суюр*	» *суъй-ер* > *суер*	»	*суъй-мек*	‘любить’
тозул-ур	» *тозул-ар*	»	*тозул-макъ*	‘пылиться’
тоъг-уър	» *тоъг-ер*	»	*тоък-мек*	‘сыпать’, ‘лить’
тув-ур	» *тув-ар*	»	*тув-макъ*	‘рождаться’, ‘восходить’ (о светилах).

Происхождение формы. Исторически Будущее I представляет собою так называемую форму сказуемости от особого причастия с аффиксом $-\frac{ар}{ер} \| -\frac{ыр}{ир} - \frac{ур}{уьр} \| -р$. Таким образом, *аларман* = *алар* + *ман* и означает: ‘я тот, который возьмет’ > ‘я возьму’.

Неоднократно отмечавшееся разнообразие вариантов аффикса этого причастия (а, следовательно, и всего времени) также находит себе историческое объяснение. Дело в том, что в этом причастии (и, следовательно, в форме Будущего I) совпали две формы: собственно будущего с аффиксом $-\frac{ар}{ер}$ и настоящего (типа английского *I take*) с аффиксом $-\frac{ыр}{ир} - \frac{ур}{уьр}$.

Именно так и обстоит дело в азербайджанском языке, где форма на $-\frac{ар}{ер}$ обозначает только будущее, а формы на $-\frac{ыр}{ир} - \frac{ур}{уьр}$ — только настоящее. В турецком языке мы имеем нечто похожее на кумыкский: все варианты аффикса (с широкими и узкими гласными) свойственны морфологически единому времени, так наз. настоящему-будущему, семантика которого,

[1]) Это — основа на дифтонг с губным в качестве второго элемента.

как это видно из названия, отражает двойственную природу формы. С внешней стороны турецкие грамматики строго регламентируют, при каких условиях и при каких отдельных глагольных корнях допустимы -$\frac{ыр}{ир}$ - $\frac{ур}{уьр}$, а при каких - $\frac{ар}{ер}$; в кумыкском языке, как мы только что видели, такого строгого разграничения нет. Туркменский литературный язык вообще отвергает тип - $\frac{ыр}{ир}$ - $\frac{ур}{уьр}$ и в смысле будущего времени знает только - $\frac{ар}{ер}$, хотя в диалектах (мервский и др.) встречается аффикс *-р* с предшествующим узким гласным. В башкирском языке (в противоположность поволжско-татарскому) для будущего времени усвоен только аффикс *-ыр* и его соответственные (для башкирской фонетики) звуковые дублеты. В карачаево-балкарском мы имеем приблизительно ту же дифференциацию, что и в кумыкском; некоторые авторы считают, что - $\frac{ыр}{ир}$ особенно часто встречается после глагольных корней на *р* и *л*.

Производные формы Будущего I. В отрицательной форме имеем сочетание аффиксов - $\frac{ма}{ме}$ с аффиксом *-р* (как после гласных основ — см. выше), что дает в кумыкском языке рефлекс - $\frac{ма}{ме}$ + *с*, т. е. *бармас* 'он не пойдет', *гельмес* 'он не придет'. Исторически *с* получилось в результате оглушения конечного звука *з*, первоначально восходящего к *р*. Таким образом, *бар-мас* < *бар-маз* < **бар-мар*. Последние две формы устанавливаются путем привлечения южнотюркских языков и чувашского. Интересно, что карачаево-балкарский язык по образованию Будущего I примыкает к южнотюркской группе языков в том отношении, что имеет - $\frac{маз}{мез}$ (вм. - $\frac{мас}{мес}$) и в том, что теряет *з* в 1-м лице единственного и множественного чисел. После аффикса - $\frac{мас}{мес}$ кумыкский глагол принимает нормальные личные окончания (т. е. аффиксы лица). Образец спряжения:

Единственное число	*Множественное число*
1 л. *бар-мас-ман* 'я не пойду'	*бар-мас-быз*
2 л. *бар-мас-сан*	*бар-мас-сыз*
3 л. *бар-мас*	*бар-мàс-лар*

Единственное число	*Множественное число*
1 л. *гель-мес-мен* 'я не приеду'	*гель-мес-биз*
2 л. *гель-мес-сен*	*гель-мес-сиз*
3 л. *гель-мес*	*гель-мѐс-лер*

Ударение, таким образом, всюду сохраняется на аффиксе отрицания. Форма возможности спрягается так:

бар-ып { *боларман, болырсан, болар* / *болырбыз, болырсыз, боларлар* } 'я буду иметь возможность пойти' и т. д.

гел-ип { *боларман, болырсан, болар* / *болырбыз, болырсыз, боларлар* } 'я буду иметь возможность придти' и т. д.

Так как деепричастие (*барып*, *гелип* и т. д.) и вспомогательный глагол произносятся одно за другим непосредственно, без паузы, — то начальное *б* вспомогательного глагола оглушается под влиянием предшествующего *п*; таким образом фактически произносят: *барып-болярман*, т. е. почти *барып-полярман*.

Форма невозможности спрягается так:

барып { *болмасман*, *болмассан*, *болмас* / *болмасбыз*, *болмассыз*, *болмаслар* } 'я не буду иметь возможность пойти' и т. д.

гелип { *болмасман*, *болмассан*, *болмас* / *болмасбыз*, *болмассыз*, *болмаслар* } 'я не буду иметь возможность придти' и т. д.

Значение Будущего I. Форма обозначает будущее действие, которое с точки зрения русского глагола может соответствовать русскому будущему совершенного вида и русскому будущему несовершенного вида. Таким образом, *аларман* можно перевести двояко: 1) 'я возьму' и 2) 'я буду брать'.

По стилистическим соображениям допустима замена формы Будущего I формой Настоящего, о чем см. выше.

Постановка аффикса вопроса при Настоящем и Будущем I

В Настоящем времени аффикс вопроса обыкновенно ставится после аффиксов лица (в обычной орфографии пишется слитно).

Примеры: *бараман-мы* 'иду ли я?', *барасыз-мы* 'идете ли вы?', *барып боламан-мы* 'могу ли я идти?', *барып болмайман-мы* 'не могу ли я идти?'

Однако во 2-м и 3-м лице мн. числа аффикс вопроса может стоять и перед аффиксом лица, например: *бара-мы-сыз* 'идете ли вы?' = *барасыз-мы* и *бара-мы-лар* 'идут ли они?' = *баралар-мы*, *бармай-мы-сыз* 'не идете ли вы?' = *бармайсыз-мы* и *бармай-мы-лар* 'не идут ли они?' = *бармайлар-мы*. Такой же порядок наблюдается и в Будущем I.

Примеры: *барарман-мы* 'пойду ли я?', *бармасман-мы* 'не пойду ли я?', *барып болярман-мы* 'буду ли я в состоянии пойти?', *барып болмасман-мы* 'не буду ли я в состоянии пойти?'.

Однако при *барарсыз-мы* 'пойдете ли вы?' возможна параллельная форма *барар-мы-сыз*, а при *барарлар-мы* 'пойдут ли они?' — параллельная форма *барар-мы-лар*.

Будущее II

Образование. Это время образуется из причастия будущего времени с аффиксом - *ажакъ* / *ежек* (см. ниже) и аффиксов лица. Спряжение производится таким же образом, как и в двух описанных выше временах.

Примеры:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бар-ажакъ-ман* 'я пойду', 'буду ходить'	*бар-ажакъ-быз*
	гел-ежек-мен 'я приду', 'буду приходить'	*гел-ежек-биз*
2 л.	*бар-ажакъ-сан*	*бар-ажакъ-сыз*
	гел-ежек-сен	*гел-ежек-сиз*
3 л.	*бар-ажакъ*	*бар-ажакъ-лар*
	гел-ежек	*гел-ежек-лер*

Примечание. С фонетической стороны следует заметить, что *ж* фактически произносится, как *ж* (непалатализованное). Что касается ударения, то оно сохраняется на втором слоге аффикса $-\frac{ажакъ}{ежек}$.

При основах на гласный аффикс причастие имеет форму $-\frac{жакъ}{жек}$, что указывает на составной характер основного варианта этого аффикса (употребляемого после согласных) $-\frac{ажакъ}{ежек}$. Интересно отметить, что в туркменском языке признаком Будущего II является исключительно $-\frac{çaq}{çek}$ (во всех основах). Карачаево-балкарский язык данной формы Будущего II совершенно не знает.

Примеры на основы с конечным гласным: *оху-жакъ-ман* 'я прочту', 'я буду читать', *башла-жакъ* 'он начнет', 'будет начинать', *яса-жакъ-сыз* 'вы сделаете', 'будете делать'.

Отрицательная форма Будущего II принимает после основы глагола обычный аффикс отрицания $-\frac{ма}{ме}$, благодаря чему дальше следует $-\frac{жакъ}{жек}$, а не $-\frac{ажакъ}{ежек}$.

Примеры:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бар-ма-жакъ-ман* 'я не пойду', 'я не буду идти'	*бар-ма-жакъ-быз*
	гель-ме-жек-мен 'я не приду', 'я не буду приходить'	*гель-ме-жек-биз*
2 л.	*бар-ма-жакъ-сан*	*бар-ма-жакъ-сыз*
	гель-ме-жек-сен	*гель-ме-жек-сиз*
3 л.	*бар-ма-жакъ*	*бар-ма-жакъ-лар*
	гель-ме-жек	*гель-ме-жек-лер*

Форма возможности. Кроме нормальных образований типа: *барып бол-ажакъ-ман* 'я буду в состоянии пойти' и т. д. и *гелип бол-ажакъ-ман* 'я буду в состоянии придти' и т. д., — существует параллельная форма с тем же значением: *барма болажакъман* и *гельме болажакъман*. Первая часть *барма* и *гельме* (с долготой, т. е. собственно *барма̄* и *гельме̄*) есть стя-

женная форма из *бармагъа* и *гельмеге*. И та, и другая форма употребляются параллельно.

Форма невозможности. На ряду с обычным *барып болмажакъман* 'я не буду в состоянии пойти' и *гелип болмажакъман* 'я не буду в состоянии придти', известны также обороты *барма болмажакъман* и *гельме болмажакъман*.

Постановка аффикса вопроса. Аффикс вопроса обычно ставится после аффиксов лица, кроме 2-го и 3-го л. мн. числа, когда допускается обратный порядок.

Примеры: *баражакъ-ман-мы* 'пойду ли я?', *баражакъсын-мы* 'пойдешь ли ты?', *гелип болажакъ-мы* 'будет ли он в состоянии придти'. Но: *баражакъсыз-мы* и *баражакъ-мы-сыз* 'пойдете ли вы?', *баражакълар-мы* и *баражакъ-мы-лар* 'пойдут ли они?'.

Значение. Будущее II отличается от Будущего I степенью своей категоричности или гарантии в том, что действие произойдет; разумеется, что эта гарантия может даваться только говорящим, с точки зрения которого и производится выбор между этими двумя будущими временами: «менее категорическим» (Будущее I) и «более категорическим» (Будущее II).

Примеры: *гелермен* 'я приду, может быть', и *гележекмен* 'я приду обязательно'.

Однако это принципиальное различие в кумыкском языке проводится слабее, чем, например, в турецком языке.

При некоторых словах и оборотах, которые выражают как бы абсолютную гарантию в совершении действия, употребляется исключительно Будущее II.

Например: *бирде бармай къоймажакъман* 'во что бы то ни стало пойду' (собственно: «ни за что не не пойду») или *бирде болмаса да баражакъман* 'что бы там ни было, пойду'.

Во фразе же нейтрального типа вроде «завтра приду» можно употребить оба будущих времени в зависимости от того оттенка, который хотят придать действию: *тангъала гелермен* 'завтра приду, может быть' и *тангъала гележекмен* 'завтра приду обязательно'. Необходимо добавить, что различие двух русских будущих: совершенного («приду») и несовершенного («буду приходить») не имеет ничего общего с соотношением кумыкских Будущего I и Будущего II, каждое из которых, в зависимости от контекста, можно переводить по-русски и совершенным, и несовершенным видом.

Перфект

Образование. Перфект или Прошедшее - настоящее образуется от причастия прошедшего времени с аффиксом - $\frac{гъан}{ген}$ || - $\frac{къан}{кен}$ (см. в отделе причастий)[1]) и аффиксов лица.

[1]) Графически всюду первые два варианта.

Таким образом, с точки зрения оформления это время относится к типу настоящих и будущих (а не прошедших) времен. Эта внешняя черта, как увидим ниже, вполне гармонирует с основным содержанием формы, которая представляет собой определенную комбинацию прошедшего и настоящего элементов, причем эти элементы ясно ощущаются как формально, так и по существу.

Образцы спряжения:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*баргъан-ман* 'я уже ходил' || 'пошел'	*баргъан-быз*
	гельген-мен 'я уже приходил' || 'пришел'	*гельген-биз*
2 л.	*баргъан-сан*	*баргъан-сыз*
	гельген-сен	*гельген-сиз*
3 л.	*баргъан*	*баргъан-лар*
	гельген	*гельген-лер*

При столкновении звука *н* аффикса *-гъан* с губными *м* и *б* аффиксов 1-го лица обоих чисел звук *н* переходит в губной *м*. Поэтому следующие формы — графические и фонетические — расходятся между собою:

пишется:	произносится:
баргъан-ман	*баргъам-ман*
гельген-мен	*гельгем-мен*
баргъан-быз	*баргъам мыз*
гельген-биз	*гельгем-миз*

Как видно из примеров, мы имеем здесь дело с 2-мя фонетическими переходами: 1) $н + м > м + м$ (регрессивная ассимиляция) и 2) $н + б > м + м$ (двухстепенная ассимиляция: а) регрессивная $н + б > м + б$ и b) прогрессивная $м + б > м + м$). В 3-м лице мн. ч. имеем обычную для кумыкской фонетики ассимиляцию: $н + л > л + л$ (регрессивная); таким образом, письменные формы *баргъанлар* и *гельгенлер* в живом произношении фактически звучат: *баргъаллар* и *гельгеллер*.

Производные формы времени образуются нормально. Отрицательная форма: *бар-ма-гъан-ман* (перевод, в силу особенностей русского стиля, двоякий: а) 'я *уже не* ходил' и b) 'я *еще не* ходил'), *гель-ме-ген-мен* а) 'я уже не приходил', b) 'я еще не приходил', и т. д.

Форма возможности: *барып болгъанман* или *барма болгъанман* 'я уже мог пойти', *гелип болгъанман* или *гельме болгъанман* 'я уже мог придти' и т. д.

Форма невозможности: *барып болмагъанман* или *барма болмагъанман* (перевод: а) 'я уже не мог пойти' и b) 'я еще не мог пойти'), *гелип болмагъанман* или *гельме болмагъанман* (перевод: а) 'я уже не мог приходить' и b) 'я еще не мог приходить' и т. д.

Постановка аффикса вопроса. Аффикс вопроса, кроме 3-го лица мн. числа, где он может стоять и перед аффиксом лица, и после него, — обычно ставится именно после него.

Примеры: *бар-гъан-ман-мы* 'разве я уже пошел?', *бар-гъан-сан-мы* и разгов. *бар-гъан-мы-сан* 'разве ты уже ходил?', *баргъан-быз-мы* 'разве мы уже пошли?', *бар-гъан-сыз-мы* 'разве вы уже пошли', *бар-гъан-лар-мы* или *бар-гъан-мы-лар* 'разве они уже пошли?' *гель-ген-мен-ми* 'разве я уже пришел?', *гель-ген-сен-ми* 'разве ты уже пришел?', *гельген-биз-ми* 'разве мы уже пришли?', *гель-ген-сиз-ми* 'разве вы уже пришли?', *гельген-лер-ми* и разгов. *гель-ген-ми-лер* 'разве они уже пришли?'.

Фонетически при столкновении звука *н* с начальным *м* аффикса вопроса происходит регрессивная ассимиляция, т. е. *н* + *м* > *м* + *м*. Таким образом, письменные формы: *баргъанман-мы*, *баргъансан-мы*, *баргъан-мы*, *баргъан-мы-лар* в живом произношении фактически звучат: *бар-гъам-мам-мы*, *баргъансам-мы*, *баргъам-мы*, *баргъам-мы-лар*, а письменные формы: *гельген-мен-ми*, *гель-ген-сен-ми*, *гельген-ми*, *гель-ген-ми-лер* фактически звучат, как *гельгем-мем-ми*, *гельген-сем-ми*, *гельгем-ми*, *гельгем-ми-лер*.

Значение. Форма обозначает прошедшее действие, которое часто переходит в настоящее в виде результата или следствия этого, по существу прошедшего, факта. При этом часто говорящий передает о совершившемся факте не как очевидец, а из другого косвенного источника. Как и в других тюркских языках, данное время может употребить в своей речи и очевидец какого-нибудь факта, но при этом точный момент совершения действия должен быть и для него неизвестен (ср. турецкое *eyileşmişim* «я уже выздоровел»: длительный процесс выздоровления [1]) невозможно связать с каким-нибудь определенным моментом, и здесь важнее результат действия, а не само действие — процесс). Таким образом, основное содержание Перфекта сводится к тому, что это время указывает на следствие какого-нибудь прошлого факта, причем по существу безразлично, известен ли этот факт говорящему из личного опыта или же только из вторых рук. В тех случаях, когда указание на следствие, косвенный источник информации или неопределенность момента действия не представляется ценным для говорящего или, во всяком случае, им не подчеркивается, он может употреблять безразлично и Прошедшее категорическое, и Перфект (напр. «я родился» = тур. *doğdum* и *doğmuşum*).

Примеры: *сен шонда бармагъансан, ялгъан айтасан! — Яхари шолай туъгуль! Мен шонда баргъанман* — 'Ты туда не ходил, лжешь!' — 'Да нет же, не так! Я был там!' (= 'уже был'). *Бугуьн тойда бийип тойгъанман, атлар чабып озгъанман* 'Я сегодня натанцовался досыта на свадьбе (дословно: «насытился, танцуя») и занял первое место на конских скачках'. *Не заман гельдинг?* 'Когда ты пришел?' (ударение на «когда»). *Не заман гельгенсен?* 'Ты когда пришел-то?' (ударение на «пришел»). *Магъа сувукъ тийген* 'я простудился' (когда — неизвестно). *Не заман сувукъ тийди* когда ты простудился? (вопрос, требующий в ответ точного указания момента).

[1]) Другое дело — процесс *выздоравливания*, который легко ввести в любые хронологические рамки.

Прошедшее категорическое

Этим временем открывается серия прошедших времен, которые по своему образованию отличаются от разобранных выше настоящих и будущих времен. По содержанию серия прошедших времен охватывает как собственно прошедшие, так и переходные от настоящего или будущего к прошедшему, — словом такие, в которых элемент прошедшего является окончательным и преобладающим.

Образование и происхождение. Данное время образуется от корня, специфического аффикса *-д* || *-т* (после глухих) и аффиксов принадлежности соответствующего лица. Примеры спряжения:

	Единственное число		*Множественное число*
1 л.	*бар-д-ым*	'я сходил'	*бар-д-ыкъ*
	гель-д-им	'я пришел'	*гель-д-ик*
	оху-д-ум	'я прочел'	*оху-д-укъ*
	гоър-д-уъм	'я увидел'	*гоър-д-уък*
2 л.	*бар-д-ынгъ*		*бар-д-ыгъыз*
	гель-д-инг		*гель-д-игиз*
	оху-д-унгъ		*оху-д-угъуз*
	гоър-д-уънг		*гоър-д-уъгуъз*
3 л.	*бар-д-ы*		*бар-д-ы-лар*
	гель-д-и		*гель-д-и-лер*
	оху-д-у		*оху-д-у-лар*
	гоър-д-уъ		*гоър-д-уъ-лер*

Примечание: После основ на глухие аффикс времени, в силу прогрессивной ассимиляции, произносится как *т*, хотя по правилам современной орфографии пишется через *д*.

Примеры:

пишется:		читается:
ич-д-им	'я выпил'	*ич-т-им*
сат-д-ынгъ	'ты продал'	*сат-т-ынгъ*
эт-д-и	'он сделал'	*эт-т-и*
гоъч-д-уък	'мы переселились'	*гоъч-т-уък*
айт-д-ыгъыз	'вы сказали'	*айт-т-ыгъыз*
тап-д-ы-лар	'они нашли'	*тап-т-ы-лар*

По исследованиям П. М. Мелиоранского и К. Броккельмана на материале других тюркских языков установлено, что в основе данного прошедшего времени лежит архаичное отглагольное существительное на $-\frac{ыт}{ит}-\frac{ут}{уът}$ || *-т* (после гласных). В настоящей стадии развития тюркских языков это отглагольное существительное сохранилось в виде пережиточной формы (рудимента) и представлено более или менее ограниченным числом примеров.

Таким образом, существовали отглагольные формы: *бар-ыт* 'хождение', *гел-ит* 'приход', *оху-т* 'чтение' и т. д. Принимая аффиксы принадлежности,

эти имена выбрасывали узкий гласный аффикса (*ы, и, у, уъ*) и заменяли *т* звонким *д* (оба фонетические явления — весьма обычные для тюркских языков); таким образом получилось: *барыт* + *ым* > *бард-ым* 'мое взятие', *гелит* + *инг* > *гельд-инг* 'твой приход', *охут* + *у* > *охуд-у* 'его чтение' и т. д. Синтаксически эти образования употреблялись в сочетании со словами *бар* и *йокъ* — опять-таки обычная для тюркских языков комбинация: ср. такие выражения, как *алгъаным бар* 'мне приходилось брать', *бергенинг йокъ* 'тебе не приходилось давать' и т. д. Таким образом *бардым бар* буквально означало «мое хождение имеется», т. е. 'я ходил', *гельдинг бар* «твой приход имеется», т. е. 'ты пришел', *охуду бар* «его прочтение имеется», т. е. 'он прочел' и т. д. В дальнейшем произошло, очевидно, отбрасывание *бар*, и таким образом возникло: *бардым, бардынгъ, барды* и т. д. Таким образом, в функции одного из прошедших времен тюркские (и, в частности, кумыкский) языки употребляют одно из отглагольных существительных в форме принадлежности (по-французски это звучало бы: *mon être allé*, по-немецки: *mein Gegangen sein*, и т. д.). О том, что в языках такие случаи нередки — достаточно известно. Нечто подобное находим даже в русском языке, в котором прошедшее время (я пошел — ты пошел — он пошел, и т. д.) является синтаксической, а не морфологической категорией: если мы откинем подлежащее (я, ты, он), то в противоположность другим временам (иду — идешь — идет; буду идти — будешь идти — будет идти и т. д.) спряжение окажется ликвидированным, и все 3 лица совпадут в одном (пошел — пошел — пошел). Объясняется это тем, что форма «пошел» вовсе не является личной формой глагола, а представляет собой так называемое «несклоняемое причастие прошедшего времени», от которого естественно (опять-таки в противоположность другим спрягаемым временам русского глагола) имеется женский и средний род (пошла — пошло). Исторически форма «пошел — пошла — пошло» употреблялась в комбинации со вспомогательным глаголом (есмь — еси — есть — есмы — есте — суть), чем и создавалось различение лиц — существенный признак всякой спрягаемой категории. С течением времени вспомогательный глагол вышел из употребления, и различие лиц стало проводиться путем обязательной постановки личных местоимений. Таким образом, если вместо латинского *cepi, cepisti, cepit* русский говорит: «я — взявший, ты — взявший, он — взявший» и т. д., то кумык в этом же случае говорит: 'мое взятие' *алдым*, 'твое взятие' *алдынгъ*, 'его взятие' *алды* и т. д.

При объяснении образований *алдым—алдынгъ—алды* и т. д., как категории принадлежности, мы встречаем затруднение при анализе 1-го лица мн. ч., где вместо ожидаемого *алдыбыз, гельдибиз* фактически имеем *алдыкъ, гельдик*. Тем не менее мы в близких тюркских языках имеем если не *алдыбыз*, во всяком случае, *алдымыз* (при чередовании *б* и *м*, опять-таки обычном для многих тюркских языков фонетическом явлении). Отсюда вывод, что по значению $-\frac{ыкъ}{ик}$ $-\frac{укъ}{уьк}$ здесь соответствует элементу $-\frac{ыз}{из}$ $-\frac{уз}{уьз}$, т. е. является третьим показателем множественности $\left(\text{после } -\frac{лар}{лер} \text{ и } -\frac{ыз}{из} - \frac{уз}{уьз}\right)$. Некоторые указывают, что подобное значение (показателя множественности)

звук *к* (с различным окружением гласных) имеет в венгерском языке (*dal* — песня, *dal-ok* песни и т. д.), но взаимоотношение этого венгерского *к* с тюркским (и, в частности, кумыкским) - *ыкъ* / *ик* - *укъ* / *юк* недостаточно выяснено.

Нетрудно заметить, что изложенная точка зрения на происхождение формы *бардым* резко отличается от объяснения практических грамматик всех тюркских языков: эти грамматики обычно разлагают *бардым*, *бардынгъ*, *барды* и т. д. на *бар-ды-м*, *бар-ды-нгъ*, *бар-ды* и т. д. и, не умея объяснить происхождение -*м*, -*нгъ* / *нг*, -*ыкъ* / *ик* и т. д., называют их «глагольными аффиксами (или «личными аффиксами») второй категории» (в противоположность первой категории, т. е. аффиксам сказуемости). На самом же деле это — аффиксы принадлежности (с особым вариантом для 1-го лица мн. ч. — см. выше), а «глагольные» (или: личные) аффиксы существуют только в виде одной категории, а именно — аффиксов сказуемости. Существенно отметить, что посредством аффиксов сказуемости оформляются категории лица для настоящих и будущих времен кумыкского глагола, а посредством аффиксов принадлежности — для прошедших времен.

Форма отрицания спрягается по типу: *ба̀р-ма-д-ым* 'я не сходил' и т. д., *гѐлъ-ме-д-инг* 'ты не пришел' и т. д., *са̀т-ма-д-ы* (начертание и произношение совпадают!) 'он не продал' и т. д.

Форма возможности: *барып болдум* 'я мог пойти' и т. д., *гелип болдум* 'я мог придти' и т. д.

Форма невозможности: *барып болмадым* 'я не мог пойти', *гелип болмадым* 'я не мог придти'.

Постановка аффикса вопроса. Этот аффикс обычно ставится после аффикса лица; однако в 3-м лице мн. ч. допустим обратный порядок, т. е. сначала аффикс вопроса и затем уже — аффикс лица.

Примеры: *бардым-мы* 'пошел ли я?', *гельди-ми* 'пришел ли он?', но: *бардылар-мы* 'пошли ли они?' и *барды-мы-лар* (значение то же), *гельдилер-ми* 'пришли ли они' и *гельди-ми-лер* (значение то же).

Значение. Форма указывает на действие законченное и, если сравнивать со схемой русского глагола, — по большей части однократное. Таким образом, *бардым* переводится, как «я сходил», (а не «ходил», что передается другой формой), *алдыкъ* — «мы взяли», (а не «брали»), *гельдинг* «ты пришел» (а не: «приходил»). Переводить кумыкское прошедшее категорическое русским несовершенным видом приходится только тогда, когда этого требует русский стиль: ср. такие особые случаи, как: «собрание продолжалось (формально следовало бы перевести «продолжилось») три часа» или «я находился (формально следовало бы перевести «нашелся») на станции в течение двух часов» и т. д.

Вторая особенность этого времени — та, что его ставят в том случае, если говорящий наблюдал передаваемый факт, как очевидец, или если это — такой факт, объективность которого ни для кого не подлежит сомнению. Отсюда и название «прошедшее категорическое», т. е. как бы исключающее всякую субъективную трактовку в вопросе о реальности

действия, о его фактическом осуществлении. Этим данное время отличается от *Перфекта* (Прошедшего - настоящего — см. выше), где говорящий обычно не выступает очевидцем передаваемого факта и где центральным моментом является не само действие, а его следствие или результат.

Отметим особый случай в употреблении прошедшего категорического: это — вопросительный оборот отрицательной формы с аффиксом *-да / де*, который указывает на удивление, например: *буъгуън паланча гельмедими де* 'разве такой-то так и не приходил сегодня?'

Форма *эдим* и ее морфологические функции. От недостаточного глагола *э-мек* 'быть' в кумыкском языке сохранилась форма прошедшего категорического *э-д-им* 'я был', которая спрягается по общей схеме:

эдим	'я был'	*эдик*
эдинг		*эдигиз*
эди		*эдилер*

Поскольку этот глагол утрачивает свое полновесное реальное значение и переходит в категорию служебных глаголов, он постепенно утрачивает (и в значительной степени утратил) способность изменяться по обычным глагольным категориям. В частности, форма отрицания у него образуется не по схеме глаголов, а по схеме имен, т. е. с применением сло́ва *туъгуълъ*:

туъгуълъ эдим 'я не был таким-то'	*туъгуълъ эдик*
туъгуълъ эдинг	*туъгуълъ эдигиз*
туъгуълъ эди	*туъгуълъ эдилер*

а формы возможности и невозможности заменяются образованиями от глагола *болмакъ*: *болуп болдум* 'я мог быть' и *болуп болмадым* 'я не мог быть'.

Историческое соотношение между глаголами *эмек* и *болмакъ*. Глагол *эмек* выражал статическое понятие 'быть', 'существовать', а глагол *болмакъ* — динамическое 'делаться', 'становиться', 'изменять форму своего бытия'. Поэтому *балыкъчы эдим* означает «я *был* рыбаком», а *балыкъчы болдум* — «я стал (сделался) рыбаком». Такое разграничение проводится в тех формах, которые сохранились от глагола *эмек* и, естественно, существуют от «полноправного» глагола *болмакъ*. Если же для некоторых грамматических категорий от глагола *эмек* не сохранилось соответствующих форм, то тогда его функции переходят к глаголу *болмакъ*, который в этом случае приобретает двойное значение: 1) «свое собственное», т. е. делаться, становиться и 2) дополнительное, т. е. быть. Поэтому *бол* означает: 1) 'стань' и 2) 'будь', *болярман* 1) 'я стану' ('сделаюсь') и 2) 'я буду' и т. д.

Форма *эдим*, как таковая, помимо своего чисто словарного и фразеологического значения «я был», играет весьма важную роль в морфологии кумыкского глагола, как некий конструктивный элемент: от нее образуется целая серия сложных «прошедших времен» — в том понимании термина, о котором мы говорили выше.

Имперфект I

Другие названия: Определенный имперфект или Прошедшее незаконченное I.

Образование. Это время образуется от основы Настоящего времени $\left(=\text{деепричастию на } -\frac{a}{e}\right)$, к которой присоединяется спрягаемая форма *эдим*.

Примеры:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бара эдим* 'я ходил тогда'	*бара эдик*
	геле эдим 'я приходил тогда'	*геле эдик*
2 л.	*бара эдинг*	*бара эдигиз*
	геле эдинг	*геле эдигиз*
3 л.	*бара эди*	*бара эдилер*
	геле эди	*геле эдилер*

Примечание. Эта аналитическая форма в живой речи имеет тенденцию к фонетическому объединению частей (*бара* и *эдим*). В хасавюртовском говоре это осуществляется так: звук *е* формы *эдим* выпадает, а остающаяся часть (*-дим*) подчиняется сингармонизму предыдущего слова. Конечный звук основы принимает полудолготу. Таким образом получается:

бара·дым	*геле·дим*
бара·дынгъ	*геле·динг*
бара·ды	*геле·ди*
бара·дыкъ	*гезе·дик*
бара·дыгъыз	*геле·дигиз*
бара·дылар	*геле·дилер*

(В последнем случае, строго говоря, слышится почти *э*: *геля·дим* и т. д.).

Разобранный процесс перехода прежней самостоятельной глагольной формы *эдим* в формант — настолько обычен для всех тюркских языков, что едва ли есть надобность иллюстрировать это положение. Различие между отдельными тюркскими языками сводится здесь только к различию в стадии осуществления данного процесса. Некоторые материалы по этому последнему пункту дает сам кумыкский язык. Если в хасав-юртовском диалекте преобладает только что разобранный тип, то в буйнакском диалекте мы скорее наблюдаем тоже стяженную форму, но за счет отпадения конечного звука $-\frac{a}{e}$ (деепричастия), и без сингармонизма, т. е. с устойчивым звуковым составом второй части. Иначе говоря, здесь мы имеем:

баредим	*баредик*
барединг	*баредигиз*
бареди	*баредилер*

И, естественно:

геледим	*геледик*
гелединг	*геледигиз*
геледи	*геледилер*

В комплексе *бара эдим* и, тем более, в стяженной форме обоих типов (*барадым* и *баредим*), ударение и по семантическим, и по фонетическим основаниям стоит на полудолгом гласном (*а* или *е*), т. е. *барà эдим* или *барàдым* или *барèдим* и *гелèдим*.

В отрицательной форме имеем:

бармайэдим 'я не ходил тогда' и т. д.
гельмей эдим 'я не приходил тогда' и т. д.

Ударение принципиально стоит на -$\frac{май}{мей}$, т. е. *алмàй - эдим*, *гельмèй-эдим*, хотя в разговоре (буйнакский район) можно слышать несколько иную, стяженную же глагольную форму с ударением *бàрмаедим*.

В хасав-юртовском диалекте можно слышать формы, фонетически несколько отличные от разобранных выше:

бар-мà·дым	*бар-мà·дыкъ*
бар-мà·дынгъ	*бар-мà·дыгъыз*
бар-мà·ды	*бар-мà·дылар*
гельмè·дим	*гельмè·дик*
гельмè·динг	*гельмè·дигиз*
гельмè·ди	*гельмè·дилер*

(слышится почти: *гельмэдим*, *гельмэдинг* и т. д.).

Теоретически эта форма возникла через посредство типа *бар-мà-ẹдым* с «*е* неслоговым», откуда возможен и вариант *бармайдым*.

Форма возможности имеет две параллельные схемы, одинаково употребительные:

барып бола эдим (разговорное: *боледим* или *боладым*) 'я тогда мог сходить' и т. д. и *барма бола эдим* (разговорное: *боледим* или *боладым*) (значение то же);

гелип бола эдим (разговорное: *боледим* или *боладым*) 'я тогда мог придти' и *гельме бола эдим* (разговорное *боледим* или *боладым*) (значение то же).

Форма невозможности:

барып болмай эдим (последняя форма допускает разобранные выше варианты) 'я тогда не мог пойти' или *барма болмай эдим* (значение то же); *гелип болмай эдим* (последняя форма с вариантами в разговорной речи) 'я тогда не мог придти' и *гельме болмай эдим* (значение то же).

Существует (в разговоре) и третий вариант: *бара болмайдым* и *геле болмайдым*. Разница между обычным (*барып болмайдым*) и данным вариантом сводится к тому, что здесь вместо деепричастия на *-ып* ставится деепричастие на -$\frac{а}{е}$, как в других тюркских языках.

Постановка вопросительного аффикса. Обычно этот аффикс занимает место после аффиксов лица, но в 3-м лице мн. числа может и предшествовать аффиксу лица.

Примеры: *барып боладынгъ-мы* 'мог ли ты тогда идти?', *гельме боладыгъыз-мы* 'могли ли вы тогда идти', но *барады-лар-мы* 'ходили ли они тогда' имеет два варианта: *барады-мы-лар* и *бара-мы-дылар*.

Значение. Форма обозначает прошедшее незаконченное действие, связанное с определенным моментом времени и часто многократное (= я шел || ходил — тогда). Эта специфика значения вытекает из того, что данное прошедшее восходит к основе Настоящего времени. Незаконченность и многократность отличают разбираемое время от Прошедшего категорического. Иногда многократность подчеркивается особыми характерными словами, например: *даим бара эди* 'все время ходил', *къуру барады* 'хаживал неоднократно' (дословно: «в сухую»). Имперфект I особенно хорошо воспринимается на фоне другого однократного прошедшего действия. Можно сказать, что если Прошедшее категорическое употребляется в драматических местах речи, для смены фазисов действия, т. е. в рассказе, — то Имперфект I употребляется для выражения статических моментов действия, для передачи декоративного фона, на котором развертывается динамика действия, т. е. при описании.

Примеры: *мен орамдан юруьп бара эдим*; *шо заман къарайман:бир уьй яллап башлап гетди* 'я проходил по улице; в это время смотрю: в одном доме начался пожар'. *Гьар гуьн елъ чыкъгъан сайын, юртну сув ала эди* 'каждый день по мере того, как поднимался ветер, вода затопляла деревню'. *Геле эдим сени артынгъдан, бирде сени уьйде тапмай эдим* 'я заходил к тебе и ни разу не заставал тебя дома'. *Семен Иванов машин йолда сторож болуп къуллукъ эте эди* 'Семен Иванов служил на железной дороге сторожем'. *Башлапгъы заманда Семен сав гечелени узагъына ухламай эди* 'первое время Семен целые ночи не спал'. *Къатыны ону орнуна ишлей эди, гече гуьндуьз ухламай эди* 'жена работала вместо него, не спала ни днем, ни ночью'. *Мен линейка булан къаладан гетип бара эдим* 'я ехал на линейке из города'. *Мен Койшаур тав арасына гиргенде, гуьн къарлы тав аркъаны артында яшынмагъа башлай эди* 'когда я въехал в Койшаурскую долину, солнце начинало прятаться за хребтом снежных гор'.

Мени арабачым бир яллыкъсыз атларын къувалай эди 'мой извозчик без передышки погонял лошадей'. *Оъзуьм булан гьар бу Кавказ сапарда тек бир суьюнчуьм болгъан союн чайнигимни алып юруьедим* 'я ехал, захватив с собою чугунный чайник, единственную мою отраду в этих путешествиях по Кавказу'. *Ону бир он беш йыллыкъ уланы бизин къалагъа геле башлады: бир ону, бир муну гьакъындан гьар гуьн гелип юруьеди* 'его пятнадцатилетний сын начал ездить к нам в крепость: каждый день приезжал он то за тем, то за другим'. *Бир керен къарт оъзуъ бизин тойгъа чакъырмагъа гельди: ол оъзуъну уллу къызын ерге бере эди* 'однажды сам старик приехал звать нас на свадьбу: он выдавал замуж свою старшую дочь'. *Бу ат*

хожайыныны артындан ит йимик чабып геле эди, гьатта ону тавушун таный эди! 'эта лошадь бегала за своим хозяином, как собака, — даже знала его голос!' *Мени алдымда къалын орман бар эди* 'передо мной был густой лес'. *Агъачланы тегенеклери мени опрагъымны йырта эди, къара агъачны къуругъан бутакълары мени бетиме уруна эди* 'колючки деревьев рвали мою одежду, сухие ветки карагача ударяли меня по лицу'. *Ол, тувра мени гоьзлериме къарай эди* 'он смотрел мне прямо в глаза'. *Мени эсиме геледи, сен лап эр гиши деп, сен буса гьали де яш экенсен* 'я думал, что ты настоящий мужчина, а ты, оказывается, еще ребенок'. *Арекде йол уьстуьнде чангъ гоьтериле эди* 'вдали, по дороге, поднималась пыль'. *Бизин къаладан тавлар гоьруьне эди* 'из нашей крепости виднелись горы'. *Печорин огъар гьар гуьн бир зат савгъат эте эди* 'Печорин каждый день дарил ей что-нибудь'. *Бу аралыкъда ол оьзуь татарча уьйренмеге башлады, къыз буса да аз-аз русча уьйрене эди* 'в это время он начал учиться по-татарски, а девушка понемногу училась русскому языку'. *Коьп замандан берли егильген атлар къар сувукъда токътап бузлап тура эдилер* 'давно запряженные кони, дрожа, стояли на снегу'. *Беш арыкъ ат бизин арбабызны Гудтавгъа гоьтерилеген йолдан алып бара эди* 'пять тощих коней тащили нашу телегу по дороге, поднимающейся на Гут-гору'. *Бизин аякъ туьбуьбуьзде къар хырцыллай эди* 'под ногами у нас скрипел снег'.

Имперфект II

Другие названия: Неопределенный имперфект или Прошедшее незаконченное II.

О б р а з о в а н и е. Форма составляется из основы Будущего I и спрягаемой формы *эдим*. Схема спряжения:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*барар эдим* 'я бы ходил'	*барар эдик*
	гелер эдим 'я бы приходил'	*гелер эдик*
2 л.	*барар эдинг*	*барар эдигиз*
	гелер эдинг	*гелер эдигиз*
3 л.	*барар эди*	*барар эдилер*
	гелер эди	*гелер эдилер*

В разговорной речи (Хасав-юртовский район) фактически имеем стяженные формы:

барардым	*барардыкъ*
барардынгъ	*барардыгъыз*
барарды	*барардылар*

и

гелердим	*гелердик*
гелердинг	*гелердигиз*
гелерди	*гелердилер*

Ударение ставится на аффиксе $-\frac{ар}{ер}$.

При образовании этой формы приходится считаться со всеми особенностями Будущего I; поэтому, например, от *бар-макъ* возможны два варианта: *барар эдим* (разг. *барардым*) и *барыр эдим* (разг. *барырдым*). Особенно ощущается эта зависимость двух времен при образовании о т р и ц а т е л ь н о й формы:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бармас эдим* 'я не ходил бы'	*бармас эдик*
	гельмес эдим 'я не приходил бы'	*гельмес эдик*
2 л.	*бармас эдинг*	*бармас эдигиз*
	гельмес эдинг	*гельмес эдигиз*
3 л.	*бармас эди*	*бармас эдилер*
	гельмес эди	*гельмес эдилер*

В разговорной речи можно встретить варианты: *бармас-ыдым* и *бармастым* (писалось бы: *бармас-дым*).

Ф о р м а в о з м о ж н о с т и: *барып болардым* (*или*: *болурдум*) 'я мог бы пойти', *гелип болардым* 'я мог бы придти' и т. д.

Ф о р м а н е в о з м о ж н о с т и: *барып болмас эдим* (с фонетическими вариантами вспомогательного глагола, о чем см. выше) 'я не мог бы пойти', *гелип болмас эдим* 'я не мог бы придти'.

З н а ч е н и е. Форма указывает на особый тип прошедшего незаконченного. От Имперфекта I отличается тем, что не связана с определенным моментом времени (т. е. «я ходил вообще, говорил вообще»).

Означая действие, реальное для целого ряда отрезков времени, форма может указывать даже такое действие, которое пока еще фактически нереально, но осуществление которого, если бы оно случилось, не нарушило бы обычного хода вещей. Ср. *чай ичмеге суъер эди* 'он бы, пожалуй, выпил стакан чаю' (= 'он бы хотел выпить чаю'). По своему синтаксическому употреблению это время входит, как один из элементов, в состав условного периода, о чем см. ниже в специальном отделе.

Давнопрошедшее (или Плюсквамперфект)

О б р а з о в а н и е. Это время составляется из причастия прошедшего времени на *-гъан* и спрягаемой формы *эдим*. Схема спряжения:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*баргъан эдим* 'я когда-то ходил', 'прежде ходил', *гельген эдим* 'я когда-то приходил', 'прежде приходил'	*баргъан эдик* *гельген эдик*
2 л.	*баргъан эдинг* *гельген эдинг*	*баргъан эдигиз* *гельген эдигиз*
3 л.	*баргъан эди* *гельген эди*	*баргъан эдилер* *гельген эдилер*

Форма отрицания: *бармагъан эдим* 'я когда-то не ходил', 'я прежде не ходил', *гельмеген эдим* 'я когда-то не приходил', 'я прежде не приходил' и т. д.

Форма возможности: *барып болгъан эдим* 'когда-то я мог ходить', 'прежде я мог ходить', *гелип болгъан эдим* 'когда-то я мог приходить', 'прежде я мог приходить' и т. д.

Форма невозможности: *барып болмагъан эдим* 'когда-то я не мог ходить', 'прежде я не мог ходить', *гелип болмагъан эдим* 'когда-то я не мог приходить', 'прежде я не мог приходить'.

Постановка аффикса вопроса. Аффикс вопроса может стоять и после причастия, и после вспомогательного глагола.

Примеры: *алгъан-мы эдик* 'взяли ли мы прежде?' или *алгъан эдик-ми* (при первом варианте фактически произносится: *алгъан м'едик*), *алгъан-мы эдигиз* 'брали ли вы когда-то? 'или *алгъан эдигиз-ми*, *алгъан-мы эдилер* 'брали ли они когда-то?' или *алгъан эдилер-ми*, *алгъан-мы эдим* (произносится: *алгъаммедим*) 'брал ли я прежде?' или *алгъан эдим-ми*, *алгъан-мы эдинг* (произносится: *алгъаммединг*) 'брал ли ты прежде?' или *алгъан эдинг-ми*, *алгъан-мы эди* 'брал ли он прежде?' или *алгъан эди-ми*.

Значение. Принципиально давнопрошедшее указывает на такое прошедшее действие, которое предшествует другому прошедшему действию; оно существует во многих (в частности, европейских языках) и отсутствует в русском, где его функции выполняют стоящие при глаголе вспомогательные слова: «когда-то, прежде, предварительно, заранее», и т. д. В кумыкском языке эта форма может указывать на действие, предшествующее другому прошедшему и находящееся с ним в логической: причинной и др. связи; при этом срок между двумя названными действиями может быть минимальным.

Примеры: *Тилеген эдим, бермеди* 'я просил, да он не дал'. *Къармакъ салгъан эдим, тутмадым* 'я закидывал удочку, да не поймал (ничего)'. *Урма чы ургъан эди, амма тийдирип болмады* 'ударить-то он ударил, но попасть (в него) не мог'. *Туъбек атгъан эди атма чы, амма тавушуна биревде чыкъмады* 'выстрелить-то он выстрелил, но на звук (выстрела) никто не вышел'. *Ярышгъа салгъан заманда ат озма чы озгъан эди, амма уъстуъндеги яш атгъа осал болуп артына етишдирип болмады* 'когда выпустили (коней) на скачки, то лошадь обогнать-то — обогнала, но мальчик, который сидел на ней, не мог довести скачки до конца, оказавшись слабым для верховой езды'. *Паланчагъа бардынгъ-мы? Бардым* 'ходил ли ты к такому-то? Ходил'. (Так отвечают, если результат положительный, поддающийся краткой формулировке; иначе отвечают: *барма чы баргъан эдим, уъйде йогъуду* 'ходить-то ходил, да его дома не было').

Будущее - прошедшее

Образование. Форма составляется из причастия будущего времени на $-\frac{ажакъ}{ежек} \parallel -\frac{жакъ}{жек}$ и спрягаемой формы *эдим*.

Образцы спряжения:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*баражакъ эдим* 'я пошел было; должен был, собирался пойти'	*баражакъ эдик*
	гележек эдим 'я пришел было; должен был, собирался придти'	*гележек эдик*
2 л.	*баражакъ эдинг*	*баражакъ эдигиз*
	гележек эдинг	*гележек эдигиз*
3 л.	*баражакъ эди*	*баражакъ эдилер*
	гележек эди	*гележек эдилер*

В этом звуковом варианте конечные *къ* и *к*, оказываясь в положении между гласными, могут переходить в звонкие *гъ* и *г*; т. е. *баражакъ эдим* звучит как *баражагъедим*, а *гележек эдим* — как *гележегедим*. В быстрой разговорной речи (Хасав-юртовский район) встречаются стяженные формы, подчиненные сингармонизму:

Единственное число

1 л.	*баражакъдым* (писалось бы:	*баражакъдым*)
	гележектим (писалось бы:	*гележекдим*)
2 л.	*баражакъдынгъ*	*гележектинг*
3 л.	*баражакъды*	*гележекти*

Множественное число

1 л.	*баражакъдыкъ*	*гележектик*
2 л.	*баражакъдыгъыз*	*гележектигиз*
3 л.	*баражакъдылар*	*гележектилер*

Форма отрицания: *бармажакъ эдим* (с вариантами, отмеченными выше) 'я не пошел было', *гельмежек эдим* 'я не пришел было' и т. д.

Формы возможности и невозможности от данного времени фактически не употребляются.

Постановка аффикса вопроса. Этот аффикс может стоять или в самом конце всей формы (т. е. после аффикса лица), или после причастия.

Примеры: *алажакъ-мы эдим* (произносится: *алажакъ-м'эдим*) 'должен ли был я брать?' *алажакъ-мы эдик* (произносится: *алажакъ-м'эдикъ*) 'должны ли были мы брать?' *алажакъ-мы эдигиз* (произносится: *алажакъ-м'эдигиз*) 'должны ли были вы брать?' Или же (в тех же значениях): *алажакъ эдим-ми*, *алажакъ эдик-ми* и *алажакъ эдигиз-ми?*

После аффикса вопроса, если он стоит на конце, иногда прибавляется энклитика $\frac{да}{де}$, например: *алажакъ эдим-ми де* 'разве я намеревался брать?' *гележек эдинг-ми де* 'разве ты должен был приходить?'

Интересно отметить, что в сокращенном варианте формы аффикс *-мы* может стоять два раза (в силу несознательного расчленения всего комплекса), например: *баражакъ-мы-дым-мы да* 'разве я должен был пойти?'

Значение. Форма обозначает такое действие, которое для известного прошедшего момент представлялось, как возможное будущее, но фактически так и не осуществилось: 'я пришел было', 'ты узнал было', 'он хотел было сказать' и т. Ср. кумыкское *баражакъ эдим* = 'я был таким' (*эдим*), 'который пойдет' (*баражакъ*) = 'в одно время я был таким, который пойдет, но потом. . . ' = 'я пошел было', 'я хотел было пойти', 'я собирался (намеревался) пойти'. Иногда (особенно после придаточного условного) это время соответствует русскому: «пошел бы, взял бы». Ср. примеры на его употребление в условном периоде: *тойгъа чакъырсагъыз гележек эдим* 'если бы вы позвали на свадьбу, я бы пришел', *чакъыргъан болсагъыз, гельмей къалажакъ эдим-ми де* 'если бы вы позвали, неужели бы я не пришел?'

Повелительное наклонение

Основная форма этого наклонения — 2-е лицо ед. числа — внешне совпадает с основой глагола.

Примеры: *ал* = 1) корень глагола *ал-макъ* 'брать', т. е. нечто вроде русского *бр-* (исторически *бър-*), иначе говоря, величина теоретическая, 2) 'бери', 'возьми', *бер* = 1) корень глагола *бер-мек* 'давать', 2) 'давай', 'дай', *бол* = 1) корень глагола *бол-макъ* 'делаться', 'становиться', 'быть' см. выше, стр. 110), 2) 'делайся', 'становись', 'будь'.

Образование. За исключением 1-го лица ед. числа, которое по логическим основаниям отсутствует, и 2-го лица ед. числа, о котором см. выше, все остальные лица обоих чисел образуются от корня глагола с прибавлением специфических аффиксов, как это можно видеть из следующей схемы:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	•	*бар-а̀-й-ыкъ* 'давайте пойдем!' *гел-э̀-й-ик* 'давайте придем!' *уч-а̀-й-ыкъ* 'давайте полетим!' *оът-э̀-й-ик* 'давайте пройдем'
2 л.	*бар* 'иди' *гельъ* 'приди' *уч* 'лети' *оът* 'проходи'	*ба̀р-ыгъыз* 'идите' *гэ̀л-игиз* 'приходите' *уч-угъуз* 'летите' *оът-уьгуьз* 'проходите'
3 л.	*бар-сын* 'пусть он идет'	*бар-сын-лар* 'пусть они (их) идут'
	гельъ-син 'пусть он приходит', 'пусть его приходит'	*гельъ-син-лэ̀р* 'пусть они (их) приходят'
	уч-сун 'пусть он летит', 'пусть его летит'	*уч-сун-ла̀р* 'пусть они (их) летят'
	оът-суьн 'пусть он проходит', 'пусть его проходит'	*оът-суьн-лэ̀р* 'пусть они (их) проходят'.

Примечание: 3-е лицо ед. числа имеет ударный аффикс -$\frac{сын}{син}$-$\frac{сун}{суьн}$ и переводится на русский язык двояко: «пусть он делает то-то» и «пусть *его* делает то-то». 3-е лицо мн. числа отличается от единственного только показателем множественности - $\frac{лар}{лер}$. *Барсынлар* и т. д. фактически звучит *барсыллар* и т. д.

Для 1-го лица множественного числа используется форма желательного наклонения с аффиксом наклонения - $\frac{а}{е}$ и аффиксом лица (по схеме прошедших времен — см. выше, стр. 109)- $\frac{ыкъ}{ик}$. По своему значению форма выражает не приказание, а увещание или предложение сделать что-нибудь, причем и сам говорящий будет в этом участвовать: 'давайте пойдем, пойдем-ка, пойдемте!'

2-е лицо мн. числа также оформляется по типу прошедших времен (т. е. фактически аффиксом принадлежности), причем, очевидно, в силу особой экспрессии приказания ударение ставится не на аффиксе, а на основе: *бàр-ыгъыз* 'идите!' *гѐл-игиз* 'приходите!' *ӱч-угъуз* 'летите!' *дът-уьгуьз* 'проходите!' Формы типа *àл-ынгъ* 'возьмите!', *гѐл-инг* 'придите!', распространенной в других тюркских языках, кумыкский язык не знает.

Попытки некоторых грамматик слить воедино повелительное и желательное наклонение и, в частности, трактовать форму *алайым* 'дай-ка я возьму!' или *гелейим* 'дай-ка я приду!', как повелительное наклонение 1-го лица ед. числа, — следует признать неудачными.

Теоретически повелительное наклонение может стоять в форме отрицания, возможности и невозможности; на практике, однако, часто употребляется лишь отрицательная форма, а остальные — довольно редко.

Отрицательная форма: *бàр-ма* 'не ходи', *гѐлъ-ме* 'не приходи', *бàр-ма-сын* 'пусть $\frac{он}{его}$ не ходит', *гѐлъ-ме-син* 'пусть $\frac{он}{его}$ не приходит', *ӱч-ма-сын* 'пусть $\frac{он}{его}$ не летит', *дът-ме-син* 'пусть $\frac{он}{его}$ не проходит', *ал-мà-й-ыкъ* 'давайте не будем брать!' *гелъ-мѐ-й-ик* 'давайте не придем, давайте не будем приходить!', *àл-ма-гъыз* 'не берите!', *гѐлъ-ме-гиз* 'не приходите!', *ӱч-ма-гъыз* 'не летите!', *бàр-ма-сын-лар* 'пусть $\frac{они}{их}$ не ходят' и т. д.,

Форма возможности: *барып бол* 'сумей идти', *гелип бол-сун* 'пусть $\frac{он}{его}$ может придти' и т. д.

Форма невозможности: *барып бòл-ма* 'не моги', 'не смей ходить', *гелип бòл-ма* 'не моги', 'не смей приходить', *барып бòл-ма-сын* 'пусть $\frac{он}{его}$ не может идти', *гелип бòл-ма-сын-лар* 'пусть $\frac{они}{их}$ не могут придти и т. д.

Производные формы повелительного наклонения.

1) При 2-м лице ед. числа часто употребляется усилительный аффикс — $\frac{чы}{чи}$ — $\frac{чу}{чуь}$. Вообще говоря, он употребляется не только после глаголов, но и после имен. Пишется всегда раздельно.

Примеры: *русча̀-чы* 'по-русски же!' *агъа̀ч-чы* (фактически звучит: *агъа̀ш-чы*) 'дерево ведь!' [1]) При этом гласный аффикса сильно редуцируется и в приведенных выше примерах собственно звучит: *русча̀-ч(ы)*, *агъа̀ш-ч(ы)*.

Примеры на аффикс *-чы* при глаголе:

а̀л-ч(ы) 'возьми-ка', *гѐлъ-ч(и)* 'приди-ка', *у̀р-ч(у)* 'ударь-ка', *о̀т-ч(уъ)* 'пройди-ка', *гельмѐ-ч(и)* 'не приходи-ка', *ич-чи* (фактически звучит: *иш-ч(и)* 'вышей-ка', *йыр айт-ч(ы)* 'спой-ка песню', *алыш-ч(ы)* 'привыкни-ка', *ба̀с-ч(ы)* 'надави-ка', *къач-чы* (звучит: *къаш-ч(ы)*) 'беги-ка', *ач-ч(ы)* (звучит: *аш-ч(ы)*) 'открой-ка'.

Особенно часто употребляется *-чы* при сложных глаголах.

Примеры: *айтып йибер-чи* 'ну-ка, скажи', *айтып къара-чы*, 'попробуй-ка сказать', *алып къой-чу* 'ну-ка, запасись', *атылып йибер-чи* 'ну-ка, спрыгни', *барып къара-чы* 'попробуй-ка пойти', *яшап къал-чы* 'оставайся-ка жить', *язып къой-чу* 'напиши-ка', *охуп къара-чы* 'прочти-ка', *олтуруп тур-чу* 'посиди-ка', *тайып къал-чы* 'ну-ка, отойди в сторону', *туруп йибер-чи* 'ну-ка, постой'.

Каждый из этих образцов, как видно из примеров, представляет собой 2-е лицо повелительного наклонения сложных глаголов, состоящих из деепричастия на $-\frac{ып}{ип}$ и вспомогательных глаголов *йибермек* 'посылать', *къара-макъ* 'смотреть', *къоймакъ* 'класть', *къалмакъ* 'оставаться', *турмакъ* 'стоять', каждый из которых сообщает корню свое специфическое значение. (Подробнее о роли данных глаголов будет сказано на стр. 140—144).

2) Аффикс $\frac{къын}{кин}$ - $\frac{къун}{куьн}$ ‖ $\frac{гъын}{гин}$ - $\frac{гъун}{гуьн}$ [2]) прибавляется обычно ко 2-му лицу ед. числа повелительного наклонения. Он употребляется в ограниченном контексте — при пожеланиях и ругательствах. В общем он выражает такие благожелания и зложелания, которые находятся вне воли говорящего и зависят от объективных условий. В прежних кумыкских грамматиках этому обороту было присвоено наименование *умут фиълу* т. е. «глагол, (выражающий) надежду».

Примеры: *узакъ яша-гъын* 'жить бы тебе долгие годы!' (дословно: «долго»), *оълъ-гуьн* 'чтоб тебе сдохнуть!' (умереть), *къарал-гъын* 'чтоб тебе почернеть!' *къырыл-гъын* 'чтоб-те погибнуть!' *гоъгер-гин* 'чтоб тебе посинеть!' *сокъур бол-гъун* 'чтоб тебе ослепнуть!' *тильсиз къалгъын* 'чтоб тебе онеметь!' *турал-гъын* 'чтоб тебя на куски разрубили!'

3) Аффикс - $\frac{къыр}{кир}$ $\frac{къур}{куьр}$ ‖ - $\frac{гъыр}{гир}$ - $\frac{гъур}{гуьр}$ [2]) прибавляется ко 2-му лицу ед. числа повелительного наклонения и также выражает благожелания или проклятия.

Примеры: *сен узакъ яша-гъыр* 'жить бы тебе долгие годы!' (дословно: «долго»), *оълъ-гуьр* 'чтоб тебе подохнуть!'

[1]) Ср. еще примеры: *йо̀къ-чу* 'нет ведь', *сѐн-чи* 'ты ведь', *о̀-чу* 'он же', 'он ведь', *мендѐ-чи* 'у меня-то', 'у меня ведь', *алда̀-чы* 'впереди-то', 'впереди ведь'.

[2]) Графически — только формы с начальным звонким.

Образования с этим аффиксом употребляются по-кумыкски (как и в других тюркских языках) в смысле латинского герундива: *оълъ-гӱър* = *moribundus* = 'долженствующий умереть', 'обреченный на смерть', *яша-гъыр* = = *vivendus* = 'подлежащий жизни', = 'тот, кому предстоит жить' и т. д. Отсюда понятно, что эта форма может становиться сказуемым при подлежащем не только 2-го (как первоначально), но и других лиц.[1])

Примеры: *тамыр-ынгъ кӱӱру-гъур* «засохни твой корень!» (= чтоб тебе остаться без потомства!), *юзуънг къара бол-гъур* 'чтоб у тебя лицо почернело!' (т. е. будь несчастен!), *гоъзуънг чыкъ-гъыр* 'чтоб у тебя глаз вытек!' (дословно: «выскочил» или «вышал»), *аягъынгъ къырыл-гъыр* 'чтоб у тебя нога переломилась!' (= русск. «чтоб тебе ногу сломать!»), *атынгъ оълъ-гуър* 'чтоб у тебя конь подох!' (дословно: «умер»), *анангъ ярыл-гъыр* 'чтоб у тебя мать лопнула!' и т. д.

Желательное наклонение

Как цельная категория, желательное наклонение по-кумыкски не существует (в других тюркских языках эта категория, в общем отмирающая, находится на различных ступенях развития); в кумыкском, как и в карачаево-балкарском, сохранилось только 1-е лицо единственного и множественного числа; 2-е и 3-е лица обоих чисел не сохранились, и грамматическая схема заменяет их соответственными лицами повелительного наклонения.

Примеры:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бар-а-й-ым* 'пойду-ка я', 'пойти бы мне', 'дай-ка пойду'	*бар-а-й-ыкъ* 'давайте пойдем', 'пойдем-ка!'
	гел-е-й-им 'приду-ка я', 'придти бы мне', 'дай-ка приду'	*гел-е-й-йк* 'давайте придем', 'придем-ка!'

Примечание. Ударение (в обычной речи) ставится на аффиксе $-\frac{a}{e}$.

Форма 1-го л. мн. числа, как было отмечено в своем месте, по значению подходит к повелительному наклонению и обычно вводится в его схему. С другой стороны, грамматики стремятся вообще отожествить повелительное и желательное наклонение, вводя в схему повелительного наклонения и 1-е лицо (*барайым*, *гелейим*), хотя оно по своему значению туда не подходит.

Практически к формам 1-го лица желательного наклонения часто прибавляется аффикс $-\frac{чы}{чи}$, например: *барайым-чы*, *гелейим-чи*, *барайыкъ-чы*, *гелейик-чи* (значение то же, что и у форм без $-\frac{чы}{чи}$).

---

[1]) Связь со 2-м лицом (логическая) тем не менее поддерживается все время (: «чтоб ты!», «да чтоб у тебя!»)

Как видно из примеров, Желательное наклонение (в сохранившихся лицах) оформляется «по линии прошедших времен», т. е. при помощи аффиксов принадлежности, а не аффиксов сказуемости.

З н а ч е н и е. Термин «Желательное наклонение» представляет собою перевод латинского грамматического термина Modus optativus. Под этим названием понимают такую глагольную категорию, которая сопровождает передачу факта всякого рода субъективной окраской: прежде всего — желание, затем — сожаление, сомнение, раскаяние и т. д. Все эти оттенки (в зависимости от контекста) и выступают при переводе какого-нибудь *алайым*: 'взять бы мне'; 'возьму, пожалуй'; 'дай-ка возьму'. При вопросительном аффиксе *алайым-мы* получится: 'брать мне, что ли?' 'возьму, пожалуй—а?' Первое лицо мн. числа, поскольку оно направлено не только к самому себе, но и к окружающей среде, — содержит в себе элементы убеждения и даже приказания (ср. латинское Conjunctivus adhortativus), — приближается к повелительному наклонению: *алайыкъ* 'давайте возьмем', 'возьмем-ка!' Тем не менее от собственно повелительного наклонения эта форма отличается известной долей субъективизма: говорящий не только приказывает, но и обещает свое участие (. . . давайте. . .). Впрочем иная форма повелительного наклонения для 1-го лица множественного числа логически исключается.

Из истории тюркских языков известно о существовании двух типов желательного наклонения:

1) с аффиксом $-\frac{a}{e}$; оно, как видно из предыдущего, сохранилось в современном кумыкском языке на правах пережиточной категории (рудимента),

2) с аффиксом $-\frac{къай}{кей} \parallel -\frac{гъай}{гей}$. От этого образования в кумыкском языке сохранилась форма 3-го лица: *бар-гъай, гель-гей* и т. д., которая практически употребляется в комбинации со спрягаемой глагольной формой *эдим*, чем и создается *прошедшее время* желательного наклонения.

Вот схема его спряжения:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*баргъай эдим* 'пойти бы мне тогда!'	*баргъай эдик*
	гельгей эдим 'придти бы мне тогда!'	*гельгей эдик*
2 л.	*баргъай эдинг*	*баргъай эдигиз*
	гельгей эдинг	*гельгей эдигиз*
3 л.	*баргъай эди*	*баргъай эдилер*
	гельгей эди	*гельгей эдилер*

Параллельно с этим употребляется *прошедшее время*, восходящее к желательному наклонению 1-го типа, и потому сохранившееся только в 1-м лице обоих чисел:

Единственное число

баргъан болайым 'сделаю-ка я вид, что ходил тогда!'
гельген болайым 'сделаю-ка я вид, что пришел тогда!'

Множественное число

баргъан болайыкъ 'сделаем-ка вид, что ходили тогда!'
гельген болайыкъ 'сделаем-ка вид, что пришли тогда!'

К форме 2-го желательного относится сохранившееся в кумыкском языке слово *бугъай* (очевидно, из *бол-гъай*) со значением: «пожалуй, кажется, может быть, авось» и т. д. Это слово, которое грамматики причисляют к послелогам или наречиям, обыкновенно ставится после глаголов любой формы и лица: *гетген бугъай* 'должно быть, он ушел', *ашадым бугъай* 'как будто я поел' (= «кажись, я поел»), а также после имен: *шо гиши къумукълу бугъай* 'этот человек, должно быть, кумык' (русск. разговорное: «этот человек никак кумык»). Помимо такого аморфного употребления слово *бугъай* принимает аффиксы сказуемости всех лиц и, будучи поставлено после глагольных форм типа причастий и деепричастия на $-\frac{a}{e}$, образует особое описательное спряжение со специфическим смысловым оттенком. Вот общая схема этого спряжения:

бара бугъай-ман 'похоже на то, что я иду' и т. д. по всем лицам.
барыр бугъай-ман 'похоже на то, что, кажется (как будто) я пойду' и т. д.
баражакъ бугъай-ман 'похоже на то, словно я пойду' и т. д.
баргъан бугъай-ман 'похоже на то, что я пошел' и т. д.

Существует и прошедшее время *болгъай эдим* (и так далее по всем лицам), которое сочетается главным образом с причастиями и образует особые формы описательного спряжения, которые полностью еще не изучены грамматиками.

Вот несколько примеров: *гележек болгъай эди* 'если бы он согласился придти', *баргъан болгъай эдинг* 'похоже, что ты ходил'; 'не иначе, как ты ходил', *суъймеген болгъан эдигиз* 'вам словно не хотелось', *айтажакъ болгъан эдинг* 'ты словно намеревался рассказать'.

Отрицательная форма желательного наклонения образуется обычным порядком.

Примеры:

бар-ма-й-ым 'не пойду-ка я'
гель-ме-й-им 'не приду-ка я'
баргъан бол-ма-й-ыкъ 'сделаем-ка вид, что мы не ходили'
бар-ма-гъан бугъайсан 'похоже на то, что ты не ходил'.

Формы возможности и невозможности от желательного наклонения практически не употребляются.

Условное наклонение

Образование. Настоящее время условного наклонения образуется от глагольного корня, аффикса наклонения $-\frac{ca}{ce}$ и аффиксов лица по

типу прошедших времен (т. е. аффиксов принадлежности). Примеры спряжения:

	Единственное число	*Множественное число*
1 л.	*бар-сà-м* 'если я иду', 'если я пойду'	*бар-сà-къ*
	гелъ-сè-м 'если я прихожу', 'если я приду'	*гелъ-сè-к*
2 л.	*бар-сà-нгъ*	*бар-са-гъы̀з*
	гелъ-сè-нг	*гелъ-се-гѝз*
3 л.	*бар-сà*	*бар-са-лдр* (*бар-сà*)
	гелъ-сè	*гелъ-се-лèр* (*гелъ-сè*)

Примечание. Для 3-го лица мн. числа очень часто (особенно в разговоре) употребляется форма единственного числа.

Отрицательная форма: *бàр-ма-са-м* 'если я не иду', 'если я не пойду' и т. д. *гèлъ-ме-се-м* 'если я не прихожу', 'если я не приду' и т. д.

Форма возможности: *барып бол-са-м* 'если я $\frac{\text{имею}}{\text{буду иметь}}$ возможность идти' и т. д., *гелип бол-са-м* 'если я $\frac{\text{имею}}{\text{буду иметь}}$ возможность приходить' и т. д.

Форма невозможности: *барып бòл-ма-са-м* 'если я не $\frac{\text{имею}}{\text{буду иметь}}$ возможности идти' и т. д., *гелип бòл-ма-са-м* 'если я не $\frac{\text{имею}}{\text{буду иметь}}$ возможности придти' и т. д.

Значение. В отличие от русского языка, где условный оборот глагола есть явление синтаксическое (союз «если» + не-условная форма: если иду, если шел и т. д.), а не морфологическое, — в кумыкском (как и во всех тюркских) понятие условия входит в органический состав самой глагольной формы и выражается специфическим показателем (аффиксом). С этой точки зрения понятно, что употребление союза «если» (*агер* — заимствовано из персидского) при кумыкской условной форме совершенно не обязательно; подобный союз если и встречается, то служит указанием на «книжный» стиль речи.

Рассмотренная условная форма *барса* может относиться к двум временны́м плоскостям: настоящей (если он идет) и будущей (если он пойдет).

Что касается прошедшего времени, то в других тюркских языках имеется сочетание типа *барса эдим*. В кумыкском языке, однако, подобное сочетание употребляется редко; по своей функции оно может быть заменено сложной условной формой *баргъан болсам* (произносится *баргъан-молсам*). Значение прошедшего времени осложнено здесь моментом нереальности, неосуществимости действия (*если бы я пошел*); тот же оттенок значения характеризует условное прошедшее и в других тюркских языках. Этот тип прошедшего времени образует по общей схеме форму отрицания (*баргъан бол-ма-са-м* 'если бы я не пошел', *гельген бол-ма-са-м* 'если бы я не пришел' и т. д.), форму возможности (*баргъан болуп бол-са-м* 'если бы я мог пойти', *гельген*

болуп бол-са-м 'если бы я мог приходить' и т. д.) и форму невозможности (*баргъан болуп бол-ма-са-м* 'если бы я не мог идти', *гельген болуп бол-ма-са-м* 'если бы я не мог придти' и т. д.).

Кроме того, в кумыкском языке существует ряд сложных условных форм, из которых отметим другие комбинации причастных форм, со вспомогательным глаголом в форме *болсам*:

а) *бар-ар болсам* и *гел-ер болсам* 'если я пойду' и 'если я приду'—значение только будущего времени,

b) *бар-ажакъ болсам* и *гел-ежек болсам* 'уж если я должен буду пойти и придти'. Эта форма также относится к будущему времени, но по значению несколько отличается от предыдущей, а именно: эта форма выражает как бы известное обязательство придти в силу данного обещания.

Примечание. Форма *болса* в разговоре звучит *буса*.

Всякая условная форма, если к ней прибавить энклитику - $\frac{да}{де}$, получает значение русского уступительного оборота, т. е. русского придаточного предложения с союзом «хотя» (и синонимичными ему).

Примеры: *охуп турса да* 'хотя он и читает'. . . *охугъан буса да* 'хотя бы он и читал'.

Примеры на употребление условных форм.

Баражакъ болсам, мен шону этермен 'если я должен буду поехать, то я это сделаю'. *Сыйырны сатажакъ болсам, сагъа сатарман* 'если мне придется продавать корову, то продам тебе'. *Барсам ярай, бармасам да ярай* 'возможно, я пойду, а возможно — и не пойду' (дословно: «если я пойду, хорошо, а если и не пойду — тоже хорошо»]. *Не болса да, сенден болур* 'если что и будет, то (только) благодаря тебе'. *Хоншудан къыз урланса, хоншу яшны гуънагъла* 'если в среде соседей будет украдена девушка, то обвиняй молодца из соседей' (пословица). *Агер алай болса* 'если так будет'. *Болса болсун—отуздан артыкъ болмас* 'ему самое большее 30 лет' (дословно: 'если будет, так пусть будет, а ему не больше 30 лет'). *Бара болсакъ, барайыкъ* или *барсакъ, барайыкъ* 'если (нам) идти, так идти!' (дословно: «если мы пойдем, так давайте идти!»). *Айта болсакъ, айтайыкъ* или *айтсакъ, айтайыкъ* 'если уж (нам) говорить, так говорить!'

Инфинитив

В кумыкском языке параллельно существуют два типа инфинитива. Такое же положение наблюдаем и в некоторых других тюркских языках (например, крымско-татарский). В большинстве из них, однако, употребляется и фигурирует в качестве грамматической категории какой-нибудь один тип. Остановимся подробнее на каждом из них.

1) Инфинитив на -$\frac{макъ}{мек}$. Характеризует преимущественно южную группу тюркских языков.

Примеры: *ал-макъ* 'брать', 'взять', *бер-мек* 'давать', 'дать', *бар-макъ* 'ходить', 'идти', 'пойти', *гель-мек* 'приходить, придти'.

Отрицательная форма: *ӓл-ма-макъ* 'не брать', 'не взять', *бӗр-ме-мек* 'не давать', 'не дать', *бӓр-ма-макъ* 'не ходить', 'не идти', 'не пойти', *гӗлъ-ме-мек* 'не приходить', 'не придти'.

Форма возможности: *алып болмакъ* 'мочь брать', 'мочь взять', *берип болмакъ* 'мочь давать', 'мочь дать', *барып болмакъ* 'мочь ходить', 'мочь идти', *гелип болмакъ* 'мочь приходить', 'мочь придти'.

Форма невозможности: *алып бӓл-ма-макъ* 'не мочь брать', 'не мочь взять', *берип бӓл-ма-макъ* 'не мочь давать', 'не мочь дать', *барып бӓл-ма-макъ* 'не мочь ходить', 'не мочь идти', *гелип бӓл-ма-макъ* 'не мочь приходить', 'не мочь придти'.

Способность данного инфинитива стоять во всех этих четырех формах указывает на то, что в его природе преобладают глагольные свойства.

2) Инфинитив на $-\frac{ыв}{ив}$ $-\frac{ув}{уьв}$ || *-в* (после гласных). Характерен для всех групп тюркских языков, кроме южной.

Примеры: *ал-ыв* 'взятие', *гел-ив* 'приход', *тут-ув* 'хватание', *суъюв* 'хотенке', 'желание', *яша-в* 'житье', 'жизнь'.

Примечание. Графические сочетания *-ыв* и *-ив* фактически звучат тоже как *-ув* и *-уьв*.

Этот тип инфинитива представляет собою номинативное обозначение действия (ср. франц. *action de prendre* или *le prendre*, нем. *das Nehmen* и т. д.); глагольными свойствами он не обладает, в силу чего, например, от него нельзя образовать форм отрицания, возможности и невозможности. С другой стороны, этот тип инфинитива может принимать все аффиксы падежей и принадлежности, а также стоять в составе так называемых парных словосочетаний. Вот несколько примеров на этот последний пункт: *гелив-гетив* 'приход и уход', *сатыв-алыв* 'купля-продажа', *барыв-гетив* 'приход и уход', *алыв-берив* 'приход и расход' и т. д.

Примеры на форму принадлежности от инфинитива: *яшав* 'жить', 'жизнь'.

яшав-ум 'моя жизнь', *яшав-унгъ* 'твоя жизнь', *яшав-у* 'его жизнь', *яшав-убуз* 'наша жизнь', *яшав-угъуз* 'ваша жизнь', *яшав-у* 'их жизнь'.

Склонение инфинитива.

Примеры: *яшав* 'жизнь', *яшав-ну* 'жизни', *яшав-гъа* 'жизни', 'для жизни', *яшав-ну* 'жизнь', *яшав-да* 'в жизни', *яшав-дан* 'от жизни'. Ср. еще *гелив* 'приход', *гелив-нуь* 'прихода', *гелив-ге* 'приходу', 'для прихода', *гелив-нуь* 'приход', *гелив-де* 'при приходе', *гелив-ден* 'от прихода', 'из-за прихода'.

Чаще других употребляется дательный падеж, который означает цель и направление: *барыв-гъа* 'чтобы идти', *языв-гъа* 'чтобы писать', *гелив-ге* 'чтобы приходить', *сатыв-гъа - алыв-гъа* 'для купли-продажи'.

По функциям к инфинитиву II приближается отглагольное существительное на $-\frac{ма}{ме}$: *бар-мӓ* 'хождение', *гель-мӗ* 'приход', *сат-мӓ* 'продажа', *бер-мӗ* 'давание'.

Ударность аффикса отличает эту форму от повелительного наклонения с отрицанием: *бàр-ма* 'не ходи', *гèлъ-ме* 'не приходи', *сàт-ма* 'не продавай', *бèр-ме* 'не давай'.

Очень часто употребляется дательный падеж этой формы и притом со стяжением; выражается это стяжение в том, что согласные *гъ* и *г* исчезают, и вместе с этим два соседних гласных сливаются в один долгий.

Примеры: *бар-ма-гъа* > *бар-мā* 'чтобы идти', 'для ходьбы', *гельме-ге* > *гель-мē* 'чтобы придти', 'для прихода'.

Нестяженные формы, как правило, употребляются в медленной речи; в быстрой преобладают стяженные.

Дательный падеж этого образования на *-ма* часто сочетается со словом *герек* 'нужный', 'нужно'. Слово это принимает аффиксы сказуемости, и таким образом создается особая парадигма спряжения, по функции соответствующая долженствовательному наклонению других тюркских языков.

Примеры: *язмагъа герек-мен* 'мне нужно писать', 'я должен писать', *гельмеге герек-мен* 'мне нужно придти', 'я должен придти', *язмагъа герек эди* 'ему нужно было', 'он должен был писать'. Общая схема:

а) Для настоящего времени

алмагъа { *герек-мен, герек-сен, герек*
герек-биз, герек-сиз, герек-лер

я, ты, он должен — мы, вы, они должны брать.

b) Для прошедшего времени

алмагъа { *герек эдим, герек эдинг, герек эди*
герек эдик, герек эдигиз, герек эдилер

я, ты, он должен был — мы, вы, они должны были брать.

В той же конструкции вместо *герек* употребляется другое слово *тарыкъ* (собственно означает «обязанный»), например, *язмагъа тарыкъ-ман* 'я должен писать'. Настоящий оборот употребляется параллельно с первым, хотя принципиально между ними существует такая же разница, как между немецкими *müssen* (= *тарыкъ*) и *sollen* (= *герек*). Третье лицо единственного числа от обеих конструкций употребляется в безличном смысле: *язмагъа герек* и *язмагъа тарыкъ* 'следует писать', 'нужно писать'.

Примечание. Вместо *тарыкъ* может быть употреблен производный от него вариант *тарыкълы*.

Сложные формы изъявительного наклонения

Сюда относится ряд комбинаций причастия прошедшего времени на *-гъан* со служебными словами и вспомогательными глаголами. Отметим следующие сочетания:

1) Причастие на *-гъан* с добавлением слова *бугъай* (должно быть — см. желательное наклонение), что создает оттенок: «как будто, кажется, сделал то-то». . .

Примеры: *янгъылгъанман бугъай* 'как будто (кажется) я ошибся', *йилагъан бугъай* 'кажется, он заплакал', *ухлагъан бугъай эдингъ* 'как будто ты спал'.

Из последнего примера видно, что после *бугъай* возможна спрягаемая форма *эдим*, что́, вместе взятое, создает как бы прошедшее время к основному сочетанию типа *баргъан бугъай* 'как будто, должно быть, он ходил'.

Примечание. Оборот с *бугъай* может включать в себя и другие составные части, кроме причастия на *-гъан*, например: *ухлай бугъай-дынгъ* (< *ухлай бугъай эдинг*) 'ты, должно быть, спал'.

2) Причастие на *-гъан* с аффиксом $-\frac{нып}{нип}$ (морфологизованный рудимент корня *де* 'говорить', который в языке совершенно не употребляется; таким образом форма $-\frac{нып}{нип}$ соответствует форме *дип* других тюркских языков). После этого двойного сочетания идет обыкновенно глагол *айтмакъ* (говорить) в 3-м лице единственного числа, например: *мен гетгеннып айта* 'говорят, что я уехал', *бу гиши оълген-нып айта* 'говорят, что этот человек умер', *сен янгъылгъан-ныр айта* 'говорят, что ты ошибся'.

3) Причастие на *-гъан* с добавлением формы *бол-гъанман* (и т. д. по всем лицам и числам) образует специальный оборот со значением: «оказывается, я тогда (в прошлом) делал то-то».

Примеры: *баргъан болгъанман* 'оказывается (как будто || выходит, что) я в прошлом ходил', *адашгъан болгъанман* 'оказывается, я уже давно заблудился', *эрте гельген болгъанбыз* 'оказывается, мы тогда рано пришли', *шекерни коъпден берли алгъан болгъанман* 'оказывается, я еще раньше брал сахар'.

Этот оборот дает полную схему спряжения; вот образец ее:

алгъан болгъанман 'оказывается, я раньше брал'
алгъан болгъансан
алгъан болгъан
алгъан болгъанбыз
алгъан болгъансыз
алгъан болгъанлар

4) Причастие на *-гъан* с добавлением слова *экен*. Исторически *экен* является причастием прошедшего времени от глагола *э* (быть). В современном языке существует, как пережиточная категория со специфическим значением: «оказывается (кажется), он был». Присоединяясь к деепричастию на *-гъан*, форма *экен* спрягается по всем лицам и образует специальную парадигму.

Общая схема:

мен гельген экенмен 'я, оказывается, уже пришел'.
сен гельген экенсен
ол гельген экен
биз гельген экенбиз
сиз гельген экенсиз
олар гельген экенлер

Примеры: *ол яман адам болгъан экен* 'оказывается, он был плохим человеком'; *адашгъан болгъан эканбиз* 'оказывается, мы заблудились'; *сен Ибрагъимни базарда гоърген м'экенсен?* 'не видел ли ты Ибрахима на базаре?' *тильсиз болгъан экен* 'оказывается, он был немым'; *эрте гельген эканбиз* 'оказывается, мы приехали (слишком) рано'; *паланчаны оьльгенине бек суюнген экансиз* 'вы, кажется, очень обрадовались тому, что такой-то умер'; *хоншубуз болгъан экенсен* 'оказывается, ты был нашим соседом'; *хоншубуз экенсен* 'оказывается, ты — наш сосед'; *геч болгъан экен* 'оказывается, уже поздно'.

Словообразование глаголов

Образование глаголов от имен. Отыменные глаголы образуются при посредстве одного из следующих аффиксов:

1) $\frac{ла}{ле}$ — самый продуктивный аффикс, известный во всех тюркских языках. Обычно образует переходные глаголы первой или последующих степеней в зависимости от значения того слова, от которого образуется данный глагол.

Примеры:

баш-ла	'начинай' от	*баш*	'голова'
таш-ла	'бросай' »	*таш*	'камень'
иш-ле	'работай' »	*иш*	'дело'
бет-ле	'упрекай в лицо'»	*бет*	'лицо'
уьчев-ле	'утрой' »	*уьчев*	'втроем'
экев-ле	'удвой' »	*экев*	'вдвоем'
уьй-ле-н	'женись' »	*уьй*	'дом'

(в последнем глаголе после *-ле* фигурирует аффикс *-н* возвратного залога).

2) $-\frac{ар}{ер}$ образует, как и в других тюркских языках, непереходные глаголы от прилагательных, означающих цвет.

Примеры: *агъ-ар* 'белей' от *акъ* 'белый' (*къ* > *гъ* между гласными, как это обычно бывает в кумыкском языке); *къыз-ар* 'красней', 'раскаляйся от * *къыз* > *къыз-ыл* 'красный'; *гоъг-ер* 'синей' от *гоък* 'синий'. Вместо *къара-ар* 'черней' следовало бы *къара-р*, как во многих тюркских языках, но в результате диссимиляции имеем, как и в азербайджанском, *къара-л*.

Глагол *къара-ла* в кумыкском, как и в других тюркских языках, отличается от глагола *къара-л* тем, что имеет действительное значение: 'черни'; то же самое *акъ-ла* 'бели, оправдывай' в отличие от *агъ-ар* 'белей'. Глагол, образованный от слова *сари* 'желтый', сохранил архаичный аффикс *-гъай*, причем одновременно наблюдается и сокращение основы: *сар-гъай* 'желтей'.

Остальные аффиксы принадлежат к числу непродуктивных и омертвелых для настоящей стадии кумыкского языка. Это:

3) $-\frac{а}{е}$, например: *яш-а* 'живи' от *яш* 'возраст', *аш-а* 'ешь' от *аш* 'еда', *сан-а* 'считай' от *сан* 'число',[1]) *къан-а* 'покройся кровью', 'кровоточи' от *къан* 'кровь'.

4) $-\frac{ыкъ}{ик} - \frac{укъ}{уък}$ — архаичный аффикс, образовавший глаголы возвратного значения, например: *бир-ик* 'объединись' от *бир* 'один', *йол-укъ* 'встреться' от *йол* 'дорога', *гоъз-уък* 'покажись' от *гоъз* 'глаз'.

5) $-\frac{сыра}{сире}$ имеет приативное значение, т. е. отрицает или ограничивает полноту проявления действия.

Примеры: *уху-сыра* 'поспи, спи слегка' от *уху* 'спи', *куълем-сире* 'чуть улыбайся'.

6) *-р* (после гласных) в отдельных словах: *къайгъы-р* 'опечалься', 'заботься' от *къайгъы* 'забота', *янгъы-р* 'обновись' от *янгъы* 'новый'.

7) $-\frac{гъар}{гер}$ в отдельных словах: *сув-гъар* 'поливай', 'орошай', от *сув* 'вода'.

Примечание. О звукоподражательных основах, которые восходят к междометиям и образуют глаголы с аффиксом $-\frac{ла}{ле}$, см. выше, в отделе междометий.

Отглагольное производство глаголов

Отглагольное производство глаголов (формы залогов) осуществляется при посредстве следующих аффиксов:

1) $-\frac{ыл}{ил_ь} - \frac{ул}{уъл_ь}$. Имеет значение страдательного залога и ставится после основ на согласный.

Примеры: *яз-ыл* 'запишись', 'распишись', 'будь написан', 'растянись' от *яз* 'пиши', *ач-ыл* 'будь открытым' от *ач* 'открой', *эт-иль* 'будь сделан' от *эт* 'делай', *ич-иль* 'будь вышитым' от *ич* 'пей', *ур-ул* 'будь побитым' от *ур* 'бей', *гоър-уълъ* 'будь увиденным' от *гоър* 'видь', *айт-ыл* 'будь сказанным' от *айт* 'скажи', 'говори', *сат-ыл* 'будь проданным' от *сат* 'продай'.

После гласных основ, так же, как в туркменском и азербайджанском (в противоположность другим тюркским языкам), возможен аффикс *-л* (в двух вариантах его произношения: *л* и *л_ь*), например: *аша-л* 'будь съеден' от *аша* 'ешь', *тара-л* 'будь причесан' от *тара* 'чеши'. На ряду с этим существует, как и в большинстве тюркских языков, аффикс *-н*, который грамматика Батырмурзаева (издание 1935 года) считает типичным для страдательного залога после основ на *-ла* (в издании 1933 года он допускает *-л*, но только после узких гласных).

[1]) Отсюда и русское *сан*, *осанка*.

Примеры: *башла-н* 'будь начатым' от *башла* 'начинай', *соъйле-н* 'будь сказанным' от *соъйле* 'скажи', *къашы-н* 'будь причесан' от *къашы* 'чеши'.

После основ на *-л* употребляется $-\frac{ын}{ин}-\frac{ун}{уьн}$, например: *ал-ын* 'будь взятым' от *ал* 'бери', *сал-ын* 'будь положенным', 'брошенным' от *сал* 'бросать', 'класть', *бил-ин* 'будь узнанным' от *билъ* 'знать'.

2) $-\frac{ын}{ин}-\frac{ун}{уьн}$ со значением возвратного залога, а после основ на *-л* со значением и возвратного, и страдательного залогов (см. выше).

Примеры: *жув-ун* 'мойся' от *жув* 'мой', *гий-ин* 'одевайся' от *гий* 'одевай', *горъ-уьн* 'показывайся' от *гоър* 'видь'.

После гласных основ в значении возвратного и страдательного залога (см. выше) одновременно употребляется аффикс *-н*.

Примеры: *къашы-н* 'чешись' от *къашы* 'чеши', *тазала-н* 'чисться' от *тазала* 'чисти'.

Таким образом, глаголы на «*л*» и на гласный в возвратном и страдательном залоге имеют по существу один недифференцированный аффикс.

3) $-\frac{ыш}{иш}-\frac{уш}{уьш}$ со значением взаимного залога как категории, предполагающей несколько субъектов или несколько объектов.

Примеры: *ур-уш* 'бейся', 'скандаль' от *ур* 'бей', *яб-уш* 'борись', 'дерись' от *яб* || *яп* 'закрывай', *гоър-уъш* 'видайся' от *гоър* 'видь', *суь-юш* (вм. *суьй-уьш*) 'взаимно люби' от *съуй* 'люби'.

После гласных основ употребляется вариант того же аффикса в виде *-ш*, например: *тала-ш* 'возись', 'шуми', 'борись' от *тала* 'шуми', *соъйле-ш* 'говори друг с другом' от *соъйле* 'говори'.

4) $-\frac{дыр}{дир}-\frac{дур}{дуьр}$ со значением понудительного залога, т. е. залога, который указывает на вмешательство одного субъекта в действия другого, причем это вмешательство выражается различно, начиная от прямого приказания и кончая пассивным попустительством.

Примеры: *яз-дыр* 'заставь писать' от *яз* 'пиши', *сал-дыр* 'вели положить' от *сал* 'клади', *сав-дур* 'заставь доить' от *сав* 'дои', *билъ-дир* 'дай знать', т. е. 'осведоми', 'сообщи' от *билъ* 'знай', *бер-дир* 'вели дать' от *бер* 'дай', *ал-дыр* 'вели взять' от *ал* 'бери', *къал-дыр* 'вели остаться', т. е. 'оставь' от *къал* 'оставайся'.

Глухой вариант аффикса $-\frac{тыр}{тир}-\frac{тур}{туьр}$ встречается обыкновенно (в произношении, но не на письме!) после глухих согласных.

Например: *тут-тур* 'вели схватить' от *тут* 'держи', 'хватай', *бакъ-тыр* 'вели смотреть', 'лечи' от *бакъ* 'смотри', *чек-тир* 'вели взвесить' от *чек* 'тяни', 'взвешивай', *яп-тыр* 'вели закрыть' от *яп* 'закрывай', *тап-тыр* 'заставь найти' от *тап* 'находи', *эшит-тир* 'заставь слушать', т. е. 'передай', 'сообщи' от *эшит* 'слушай'.

Приведенные нами примеры на аффикс *-тыр* даны в фонетическом начертании, в орфографии же проводится морфологический принцип, т. е. всегда пишется *-дыр* (и после звонких, и после глухих), причем после глухих, естественно, произносится *-тыр*. Таким образом, приведенные выше примеры на письме изображаются так: *тутдур*, *бакъдыр*, *чекдир*, *япдыр*, *тапдыр*, *эшитдир* и т. д.

После основ на *н* фонетически встречаем новый вариант аффикса $-\frac{ныр}{нир}-\frac{нур}{нуьр}$ (в силу ассимиляции).

Примеры: *инан-ныр* 'заставь верить', 'внуши', от *инан* 'верь', *уьйрен-нир* 'обучи' от *уьйрен* 'учись', *куьлен-нир*, 'рассмеши' от *куьлен* 'смейся', *суьюн-нуьр* 'обрадуй' от *суьюн* 'радуйся', *соьн-нуьр* 'потуши', 'погаси' от *соьн* 'тухни', 'гасни', *ачывлан-ныр* 'рассерди' от *ачывлан* 'сердись'. Графически имеем: *куьлендир*, *суьюндуьр*, *соьндуьр*, *ачывландыр*.

5) *-т* со значением понудительного залога; употребляется после гласных основ.

Примеры: *оху-т* 'учи' от *оху* 'учись', 'читай', *соьйле-т* 'заставь говорить' от *соьйле* 'говори', *ишле-т* 'заставь работать' от *ишле* 'работай', *ухла-т* 'усыпи' от *ухла* 'спи', *башла-т* 'вели начать' от *башла* 'начинай', *изле-т* 'вели искать' от *изле* 'ищи', *аша-т* 'корми' от *аша* 'ешь', *яша-т* 'оживи' от *яша* 'живи'.

Тот же аффикс встречается после двусложных основ на *р* (неразложимых или уже имеющих аффикс *-дыр* понудительности 1-й степени; в последнем случае получается понудительность 2-й степени).

Примеры: *агъар-т* 'заставь белеть', т. е. 'бели' от *агъар* 'белей', *яздыр-т* 'вели велеть писать' от *яздыр* 'вели писать', *бердир-т* 'вели велеть дать' от *бердир* 'вели дать'.

6) Повидимому, родственный этому аффикс $-\frac{ыт}{ит}-\frac{ут}{уьт}$ с тем же значением понудительного залога встречается при согласных основах в немногих изолированных словах: *къоркъ-ут* 'пугай' от *къоркъ* 'бойся', *сарс-ыт* 'тряси'; 'заставь надоесть' от *сарс* 'тряси', 'надоедай' и т. д.

Интересно, что от основы *акъ* 'теки' понудительный залог по-турецки звучит *акъ-ыт* 'заставь течь', а по-кумыкски *акъ-тыр* (пишется *акъдыр*) и даже *агъ-гъыз* с регрессивной ассимиляцией конечного согласного звука корня начальному согласному аффикса.

7) Аффикс $-\frac{ыр}{ир}-\frac{ур}{уьр}$, который употребляется для образования понудительного залога от основ на шипящие, следует, вероятно, рассматривать, как производный от $-\frac{тыр}{тир}-\frac{тур}{туьр}$ с диссимилятивным выпадением звука *т*.

Примеры: *ич-ир* 'дай пить', 'напои' от *ич* 'пей', *къач-ыр* 'дай бежать', 'упусти' при параллельном *къач-тыр* (пишется: *къач-дыр*) от простого *къач* 'беги', *биш-ир* 'заставь вариться', т. е. 'вари' от *биш* 'варись', *туьш-уьр* 'заставь падать', т. е. 'урони' от *туьш* 'падай', 'сходи вниз', 'слезай', *геч-*

ир 'дай пройти', т. е. 'проведи' от *геч* 'проходи', *гоъч-уър* 'заставь кочевать' от *гоъч* 'кочуй'.

В турецком языке распространение этого аффикса (за счет нормальных *-тыр* и *-дыр*) значительно шире, чем в кумыкском, что видно из следующих примеров: *ят-тыр* (пишется: *ят-дыр*) 'уложи', 'заставь лечь' || тур. *ят-ыр* от простого *ят* 'лежи', *тув-дур* 'заставь родиться', т. е. 'рождай' || тур. *догъ-ур* (произносится: *до'ур*) от простого кумыкского *тув* || тур. *догъ* (произносится *до'*) 'родись', *той-дур* 'заставь насытиться', т. е. 'насыть' || тур. *дой-ур* от простого кумыкского *той* || тур. *дой* 'насыщайся', 'будь сытым'.

8) $-\frac{ар}{ер}$ со значением понудительного залога в отдельных словах, как например: *къайт-ар* 'верни' от простого *къайт* 'вернись', *чыгъ-ар* 'вытащи', 'выведи' от простого *чыкъ* 'выйди' с озвончением первоначального *къ* между гласными.

9) Архаичный аффикс - $\frac{гъыз}{гиз}$ - $\frac{гъуз}{гуъз}$ в значении понудительного залога.

Примеры: *агъ-гъыз* 'заставь течь', 'наточи', *гир-гиз* 'дай войти, т. е. введи' от *гир* 'войди', *гоър-гуъз* 'покажи' с параллельной формой *гоър-сет* (архаичный аффикс - *сет*) от *гоър* 'видь'.

Производная форма того же аффикса с утратой начального согласного $\frac{ыз}{из}$ $\frac{уз}{уъз}$, например: *эм-из* 'корми грудью' от простого *эм* 'соси', *там-ыз* 'заставь капать' от простого *там* 'капай'.

Сложные глаголы

Их обычная форма — соединение глагола *эт-мек* 'делать' с неопределенным падежом какого-либо имени (чаще всего иностранного происхождения: арабского, персидского и др.), например: *къабул эт-мек* 'принимать', 'соглашаться'. В страдательном залоге вместо *эт-мек* ставится *бол-макъ* 'делаться': *къабул бол-макъ* 'быть принятым'. Как и во всех тюркских языках, в кумыкском языке много таких образований. В наше время та же глагольная конструкция применялась в связи с именами русского и интернационального происхождения, как например: *приказ этмек* 'приказывать' (дословно: «приказ делать»).

В первой части таких комбинаций употребляется и русский инфинитив: *регистровать этмек* 'регистрировать' (собственно: «регистрировать делать»).

Отметим также случаи, когда оба вспомогательные глагола сочетаются с собственно кумыкскими словами. Это бывает прежде всего при образованиях на *-лыкъ* или *-чы-лыкъ*.

Примеры: *къул-лукъ этмек* 'служить' (дословно: «службу делать»), *балыкъ-чылыкъ этмек* 'заниматься рыболовством' (дословно: «рыболовство делать»), *арба-чылыкъ этмек* 'заниматься извозом' (дословно: «извозничество делать»), *савдуъгер-чилик этмек* 'торговать' (дословно: «торговничество» (!) делать»). Реже встречаются комбинации, не связанные с этими аффиксами, как например: *тас этмек* 'терять' (собственно: «потерю делать»), *тас бол-*

макъ 'потеряться', 'быть потерянным' (собственно: «потерей» или «предметом потери» стать), *сав болмакъ* 'быть здоровым', 'выздоравливать' и другие.

Понудительный и остальные залоги от сложных глаголов образуются по общей схеме: *къабул эт-тир-мек* (пишется: *этдирмек*) 'заставить принять', *тас эт-тир-мек* (пишется: *этдирмек*) 'заставить потерять', *тас бол-ун-макъ* 'стать потерянным'.

Значение залогов

Что касается категории залога, то общеизвестное деление глаголов на переходные и непереходные для кумыкского языка является чисто теоретическим. Различие между двумя этими классами глаголов в кумыкском языке проводится исключительно на основании семантики, т. е. смыслового содержания конкретных глаголов; в плане же морфологии это различие провести невозможно, поскольку в кумыкском языке нет специфических аффиксов для той или иной глагольной категории. Так, например, *ат-макъ* 'бросать' и *ят-макъ* 'лежать' со своими корнями *ат-* и *ят-* морфологически абсолютно не отличаются одно от другого, и принадлежность первого к категории переходных, а второго — непереходных глаголов определяется исключительно содержанием глагола. С этой точки зрения кумыкские грамматики ничего не говорят[1]) о переходных и непереходных глаголах или же — в несколько ином плане — о глаголах действительного и среднего залога. Перечисляя залоги, кумыкские грамматики останавливаются только на тех, которые определяются специальными морфологическими показателями, т. е. принимают особые залоговые аффиксы. В этом плане выделяются залоги: страдательный, возвратный, взаимный и понудительный. Из них страдательный, возвратный и взаимный по своему значению будут относиться к категории непереходных глаголов, а понудительный — к переходным. Но и в этом случае непереходность и переходность конкретных глаголов будет определяться только значением того или иного залога, а не тем, что эти залоги составляют какую-то особую морфологическую серию глаголов, внутренне между собой связанную. Характерно, что, например, страдательный залог (имеющий морфологическую форму) по значению противополагается действительному, который в кумыкском языке не имеет морфологической формы и как грамматическая категория, строго говоря, не существует.

Из отдельных залоговых категорий кумыкского глагола некоторых разъяснений заслуживает понудительный залог. Традиционный грамматический термин «понудительный» (по-латыни causativus или factitivus), по-кумыкски *юклетуъв даражасы* — представляет собой типичную особенность кумыкского языка, как, впрочем, и всех тюркских. Основное содержание этой категории сводится к специфическому оттенку значения, который

[1]) В морфологии Батырмурзаева (1935 г., стр. 63—64), правда, говорится о непереходных глаголах и переходных глаголах, как о чем-то равносильном страдательному, возвратному, взаимному и понудительному залогам, но это — искусственная концепция, возможно, навеянная русскими учебниками.

можно охарактеризовать так: вмешательство одного субъекта в действие другого. Вмешательство это понимается весьма широко, начиная от приказания до молчаливого попустительства совершить что-либо. Как общее правило, формы понудительного залога переводятся по-русски основным глаголом с добавлением вспомогательных: «велеть — заставить — дать — позволить (смотря по контексту) + сделать то-то и то-то». Ср. французские глаголы типа *faire passer* и немецкие глагольные комбинации с *lassen*. В некоторых случаях и по-русски существуют пары глаголов, из которых второй по существу тоже выражает идею понудительного залога.

Примеры:

есть — кормить (т. е. дать есть)
пить — поить (т. е. дать пить)
видеть — показывать (т. е. дать видеть)
знать — осведомить (т. е. дать знать) и т. д.

В этих случаях и по-русски, конечно, можно переводить кумыкский глагол одним словом (кормить, поить и т. д.), тогда как в других приходится подбирать специфическую комбинацию глаголов по контексту (заставить читать, дать читать и т. д.).

Превращение ординарного глагола в понудительный залог можно сопоставить с возведением в степень (в алгебре) или с так наз. второй породой арабского глагола (в языковедении). С этой точки зрения *ич-ир-мек* 'заставить пить', 'поить' имеет совершенно то же значение, что и арабское *шáрраба* (от *шáриба* 'он пил'), образованное совершенно иным способом в духе системы своего языка. Интересно отметить, что исходный тип глагола, который подвергается количественному изменению (т. е. «возводится» в понудительный залог), может быть совершенно различным в кумыкском и в русском языках. Так, слово «убить» (< «бить») для русского языка можно считать глаголом, выражающим «простое понятие», тогда как по-кумыкски (и во всех тюркских языках вообще) слово и понятие «убить» есть производная величина от «умереть»: убить = заставить умереть (*оль-туър-мек*—со старой фонетикой, ср. турецкое *ольдуър-мек*). С другой стороны, слово и понятие «вариться» для русского языка являются производными от «варить»; в кумыкском (и во всех тюркских языках) имеем обратное соотношение: 'варить' *биш-ир-мек* есть производная величина (в данном случае понудительный залог) от *биш-мек* 'вариться'. Слова́ «знать» и «осведомлять», равно как и обозначаемые ими понятия, по-русски непосредственно не связаны между собой; между тем по-кумыкски (как и во всех тюркских языках) слово «осведомлять» есть понудительный залог (т. е. «вторая степень») глагола «знать».

Совершенно необходимо заметить, что число этих «степеней» для кумыкского глагола (как и во всех тюркских языках) теоретически не ограничено: кроме «второй» степени, может быть «третья степень» (в математике она была бы «четвертой», так как по существу она представляет собою «квадрат второй степени»), «четвертая степень» и т. д. Возьмем примеры: при глаголе «знать» (*билъ-мек*) допустим понудительный глагол *билъ-дир-мек* (заставить

знать), предполагающий участие двух лиц (А заставляет В знать); от этого глагола *билъдир-мек* (заставить знать) в свою очередь допустим понудительный глагол *билъдир-т-мек* («заставить заставить знать» или алгебраически: заставить + [заставить знать]), предполагающий участие уже трех лиц (А заставляет В, чтобы он заставил С знать — иными словами, А заставляет С что-то такое знать при посредстве третьего лица В); от глагола *билъдирт-мек* 'заставить заставить знать' в свою очередь допустим понудительный глагол *билъдирт-тир-мек* — графически *билъдирт-дирмек* (заставить заставить заставить знать или алгебраически: заставить + [заставить заставить знать]), предполагающий участие уже четырех лиц (А заставляет В, чтобы тот заставил С, чтобы тот заставил D знать что-то такое) и т. д. Как видно из примеров, аффиксы понудительности чередуются в зависимости от того, какой тип принимает основа предыдущей глагольной степени: после *билъ* возможно *-дир*, а после *билъдир* (многосложная основа на *-р*) допустимо только *-т*, после *билъдирт* опять возможно *-дир* (произносимое, разумеется, как *-тир*) и т. д. Таким образом, теоретически употребление категории понудительного залога в геометрической прогрессии от одного и того же глагольного корня вполне допустимо, и акад. Ф. Е. Корш справедливо считал эту категорию понудительности одним из типичнейших явлений для тюркских языков вообще (устное сообщение также покойного ныне С. Г. Церуниана).

Данные факты поучительны еще в одном теоретическом отношении. Как известно из сравнительного изучения тюркских языков, при одном и том же корне (именном или глагольном) не может быть одновременно двух и более аффиксов, относящихся к одной категории. Так, при одном и том же слове не может быть аффиксов 2-го и 3-го лица одновременно, один и тот же глагол не может одновременно стоять в положительной и отрицательной форме и т. д. Исключения из этого тезиса редки и относятся, главным образом, к отделу словообразования имен (корень *балыкъ* + аффиксы 1) *-чы* и 2) *-лыкъ*) и глаголов (*ангъ-ла-т-ыл-макъ* быть объясненным или рассказанным). Но в том, и в другом примере один и тот же корень принимает семантически разные аффиксы (*-чы* и *-лыкъ*; *-т* и *-ыл*) так же, как и в остатках «двойного склонения», установленного для некоторых тюркских языков (здесь бывают показатели двух р а з н ы х падежей одновременно, а не два показателя о д н о г о и т о г о ж е падежа). Между тем в области понудительного залога мы встречаем многократное наращение с е м а н т и ч е с к и е д и н о г о аффикса: мы вправе выражаться именно так, поскольку никто и нигде не установил, чем отличается в смысловом отношении функция аффикса *-дыр* от функции аффикса *-т*, от функции аффикса *-гъыз* и т. д. Для современной стадии языка они, несомненно, имеют одну и ту же функцию и дифференцированы только формально (в зависимости от типа глагольных основ). Тем не менее, учитывая, что аффиксов понудительности очень много и что сфера употребления каждого из них в отдельных тюркских языках неодинакова (ср. выше наши замечания о *-л* и *-н* при гласных основах), — можно предположить, что исторически эти аффиксы были связаны с разными категориями и только впоследствии совпали в одной,

как это случилось, например, с категорией Будущего I, происхождение которого нам известно (см. на стр. 100—101). И если это положение будет доказано, тогда будет аннулирован тезис об исключительном характере аффиксов понудительности. Пока же этот тезис сохраняет полную силу.

Управление глаголов в связи с учением о залогах

Хотя, как сказано выше, переходные глаголы не имеют в кумыкском языке формальных признаков, исключая того сектора, когда переходный глагол одновременно является и понудительным, — однако в синтаксическом плане кумыкские переходные глаголы характеризуются специальным управлением. Как и следовало ожидать, кумыкские переходные глаголы управляют винительным падежом прямого дополнения, которое, по общему правилу кумыкского синтаксиса, ставится перед управляющим глаголом.

Примеры: *китапны охумакъ* 'читать книгу' (дословно: «книгу читать»), *кагъызны язмакъ* 'писать письмо' (дословно: «письмо писать»).

Однако в кумыкском, как и во всех тюркских языках, эта схема осложняется особыми синтаксическими отношениями, которые выражаются в категориях определенности и неопределенности (см. стр. 172). Поэтому: *китапны охумакъ* и *кагъызны язмакъ* обозначает «читать данную (известную) книгу» (франц. *lire le livre*, нем. *das Buch lesen*), «писать это (известное) письмо» (франц.: *écrire la lettre*, нем. *den Brief schreiben*). Когда же речь идет о предмете неизвестном, впервые упоминаемом (т. е. «читать какую-нибудь книгу», «писать какое-нибудь письмо» = франц. *lire un livre*, *écrire une lettre*, нем. *ein Buch lesen*, *einen Brief schreiben*), то по-кумыкски, как и вообще в тюркских языках, ставится неопределенный падеж прямого дополнения в предшествии слова *бир*, которое играет здесь роль неопределенного члена западных языков: *бир китап охумакъ*, *бир кагъыз язмакъ*. Если же мы встречаем такие сочетания, как *китап охумакъ*, *кагъыз язмакъ* (т. е. без слова *бир*), то это понимается так: «читать (всякие вообще и безразлично какие) книги» (= франц. *lire des livres*, нем. *Bücher lesen*), «писать (всякие вообще и безразлично какие) письма» (= франц. *écrire des lettres*, нем. *Briefe schreiben*). Иначе говоря, в этом последнем случае мы имеем так наз. «коллективную неопределенность», о которой будет сказано на стр. 172.

Что же касается управления понудительных глаголов, то здесь надо заметить следующее. Если понудительный глагол образован от непереходного глагола и образует, таким образом, первую степень переходности, то к нему относится все только что сказанное о переходном глаголе.

Примеры: *бишмек* 'вариться'— *биширмек* 'варить'; *этни биширмек* 'варить это (данное) мясо', *эт биширмек* 'варить всякое вообще мясо'.

Такого рода глаголы обладают по меньшей мере одним объектом (прямым). Если же понудительный залог образован от понудительного же или вообще от переходного глагола, то он образует переходный глагол второй степени и обладает по меньшей мере двумя объектами. Из этих двух объектов один, непосредственно связанный со второй степенью переход-

ности, будет косвенным, а второй, который был прямым при первой степени переходности, остается и здесь прямым. Косвенный объект ставится в дательном падеже, а прямой — в винительном или неопределенном падеже с тем различием этих двух возможностей, о котором говорилось выше.

Таким образом, если по-русски говорят: «заставить старика прочитать письмо», то по-кумыкски скажут: «заставить старику (косвенный объект!) прочитать письмо» (прямой объект), т. е. *къартгъа кагъыз охутмакъ* (вм. *кагъыз* в другом случае будет *кагъызны*, если речь пойдет об известном, определенном письме). Если по-русски говорят: «заставить свою дочь сварить мясо», то по-кумыкски говорят: «заставить своей дочери (или: «велеть своей дочери», как и по-русски) сварить мясо», т. е. *къызына эт* (или *этни* — в зависимости от контекста) *биширтмек*.

Причастия

Причастием настоящего времени служит форма на *-агъан* (см. стр. 156) без аффиксов падежей и принадлежности, например: *ал-агъан* 'берущий', 'тот, который (кто) берет', *бер-еген* 'дающий', 'тот, который (кто) дает'; *ишле-й-ген* 'работающий', 'тот, который (кто) работает'.

Причастием прошедшего времени служит форма на *-гъан* (см. стр. 146) без аффиксов падежей и принадлежности, например: *ал-гъан* 'взявший', 'тот, который (кто) взял', *гель-ген* 'пришедший', 'тот, который (кто) пришел', *къач-гъан* 'убежавший', 'тот, который (кто) убежал', *гет-ген* 'ушедший'; 'тот, который ушел'. В последних двух примерах аффиксы *-гъан* и *-ген* произносятся фонетически, т. е. *къач-къан* и *гет-кен*.

В редких случаях эта форма, исторически обозначавшая и прошедшее, и настоящее время, указывает на последнее и стоит вместо *-агъан* (архаичное употребление в старых текстах).

Причастием будущего времени служит форма на *-ажакъ* (см. стр. 158) без аффиксов падежей и принадлежности, например: *ал-ажакъ* 'тот, который (кто) возьмет' || 'будет брать' (или канцелярский оборот: «имеющий взять»), *гел-ежек* 'тот, который (кто) придет' || 'будет приходить' (= 'имеющий придти'), *ишле-жек* 'тот, который (кто) будет работать' (= 'имеющий работать'), *ангъла-жакъ* 'тот, который (кто) поймет' || 'будет понимать' (= 'имеющий понять || понимать').

От всех причастий употребительны, кроме положительной формы, также формы отрицания, возможности и невозможности.

В 3-м лице ед. числа причастные формы, как определения (*алагъан, алгъан, алажакъ*) совпадают с теми же формами в функции сказуемого; дифференциация производится здесь за счет порядка слов: *алгъан гиши* 'взявший человек', но *гиши алгъан* 'человек (кто-то) взял'; *язажакъ ата* 'отец, который напишет' (|| 'должен написать'), *ата язажакъ* 'отец напишет' (|| 'должен написать').

К причастиям относят обыкновенно форму на $-\frac{чы}{чи}$, образованную от инфинитива на $-\frac{макъ}{мек}$ и означающую: «намеревающийся, должный что-либо сделать».

Примеры: *бармакъ-чы* 'тот, который (кто) намеревается, должен пойти', *гельмек-чи* 'тот, который (кто) намеревается, должен придти'. Форма эта употребляется при глаголе без последующего существительного, например: *гельмекчи бола эди* 'он намеревался придти'. При существительном же в значении будущего времени ставится или форма на *-ажакъ* или ее производные: *гележек болгъан адам* 'человек, который намеревался придти'.

В безличном употреблении форма типа *бармакъ-чы* переводится так: «нужно (следует) пойти». Из основных четырех категорий форма на $-\frac{макъчы}{мекчи}$ употребляется только в положительном и отрицательном обороте.

Сложные причастия образуются от сочетания простых с формою *болгъан*. Отметим их наиболее употребительные типы:

1-й тип: *барагъан болгъан* 'тот, который хаживал', *гелеген болгъан* 'тот, который захаживал'.

2-й тип: *баргъан болгъан* 'тот, который, как оказывается, ходил', *гельген болгъан* 'тот, который, как оказывается, приходил'.

3-й тип: *баражакъ болгъан* 'обещавшийся пойти', 'тот, который должен был пойти', *гележек болгъан* 'обещавшийся придти', 'тот, который должен был придти'.

Деепричастия

1) Деепричастие на *-ып*. Звуковые варианты аффикса $-\frac{ып}{ип}\ \frac{уп}{уьп}\ |-п$ (после гласных).

Нормально форма означает однократное прошедшее действие, которое или предшествует действию главного глагола или происходит одновременно и параллельно с ним; в последнем случае она передает одно из сказуемых слитного предложения. Таким образом, *ал-ып* от корня *ал-макъ* 'брать', 'взять' воспринимается, как русское: 1) взяв, 2) взял и. . . Первый вариант («взяв») по существу заменяет собою русское обстоятельственное придаточное (времени, условия или причины), и в развернутом виде его можно представить так: «когда взял», «если взял», «так как взял». При переходе главного глагола из плоскости прошедшего в плоскость настоящего и будущего соответственно перемещается и временнàя плоскость формы *ал-ып*; таким образом, ее специфической чертой является обозначение всякого действия, чаще предшествующего, а иногда и параллельного другому. Это относительное значение деепричастия на *-ып* легче иллюстрировать на примерах связного текста, что нами и будет сделано несколько ниже.

Равным образом форма *бер-ип* от *бер-мек* 'давать', 'дать' означает: 1) дав = когда дал, если дал, так как дал и 2) дал и. . . Форма *башла-п* от *башла-макъ* 'начинать': 1) начав = когда начал, если начал, так как начал и 2) начал и. . . Форма *оху-п* от *оху-макъ* 'читать': 1) прочитав = когда прочитал, если прочитал, так как прочитал и 2) прочитал и. . .

Кроме разобранной положительной формы, деепричастие на *-ып* образует еще форму возможности: *алып бол-уп* 1) будучи (точнее: «быв») в состоянии брать (взять) = когда (если, так как) мог брать (взять) и 2) мог брать (взять) и. . . *берип бол-уп* 1) будучи (быв) в состоянии давать (дать) = когда (если, так как) мог давать (дать) и 2) мог давать (дать) и. . .

Примеры на употребление деепричастия в связном тексте: *чай ичдим шекер тишлеп* (нар. песня) 'я пил чай с сахаром в прикуску' (дословно: «я пил чай, прикусывая сахар»), *муну гьорупъ анп этдим* 'увидев это (= при виде этого), я поклялся', *шулай соьйлеп ол батырым аргъумагъын тербетди* 'сказав так, мой батыр тронул своего аргамака', *къатынлар артели къурулуп ишге башлады* 'организовавшись, женская артель приступила к работе'.

Данное деепричастие часто употребляется в тесном смысловом сочетании с другими глаголами. В кумыкском языке (как и во всех тюркских) таких сочетаний очень много. Второй частью этих сочетаний являются так называемые глаголы модальности или глаголы служебного значения, которые придают действию главного глагола совершенно особые оттенки. Эти оттенки относятся к явлениям количественного порядка: они указывают, как распределяется процесс действия глагола (по времени, длительности, началу и концу действия), пространственную направленность действия, переход действия в состояние и т. д. В силу этого данные оттенки глагольного значения могут быть названы видовыми, хотя понятие глагольного вида в русском с одной стороны и в кумыкском (и во всех тюркских) с другой — совпадает далеко не во всем. Тюркские виды более разнообразны по значению, но зато менее сформированы: так, от одних глаголов употребляются одни виды, от других — другие. Такого положения, как в русском, когда видовое понятие проходит сквозь все содержание глагола (по всем наклонениям и временам) кумыкский язык не знает. Кроме деепричастных конструкций, идея вида проходит только в прошедших временах изъявительного наклонения: *алды* (совершенный вид) и *ала эди* и *алар эди* (несовершенный). Остальные времена и наклонения нейтральны в отношении вида (если, конечно, они не стоят в деепричастной конструкции); поэтому каждый кумыкский глагол потенциально соответствует обоим русским видам: совершенному и несовершенному:

Пример: *алмакъ* 1) 'взять', 2) 'брать', *бермек* 1) 'дать', 2) 'давать'.

Разберем основные деепричастные конструкции кумыкского языка, связанные с различиями вида (в грамматиках этот разбор обычно производится в связи с тем или иным глаголом модальности):

1) Глагол *къал* 'оставайся', в соединении с предшествующим деепричастием на *ып*, указывает на прекращение действия и переход его в состояние: *олтур-уп къал* 'оставайся сидеть', 'посиди-ка' (дословно: 1) сев + 2) останься), *яшын-ып къал* 'спрячься-ка' (дословно: 1) спрятавшись + 2) останься).

2) Глагол *йибер* 'пускай', 'отпусти', 'посылай' в подобном же сочетании указывает на начало действия или его внезапный характер: *оху-п йибер* 'начни-ка читать', 'ну-ка прочти' (дословно: 1) прочитав + 2) отпусти, пошли), *яз-ып йибер* 'начни писать', 'ну-ка, напиши' (дословно: 1) написав + 2) пошли), *йырла-п йибер* 'ну-ка, спой', 'начни петь' (дословно: 1) запев + 2) отпусти).

3) Глагол *къара* 'смотри' в тех же сочетаниях указывает на испробование или попытку к действию: *ал-ып къара* 'попробуй взять' (дословно: 1) взяв + 2) посмотри), *гел-ип къара* 'попробуй придти', 'ну-ка, приди' (дословно: 1) придя + 2) посмотри), *сат-ып къара* 'попробуй продать' (дословно: 1) продав + 2) посмотри).

4) Глагол *къой* 'поставь', 'положи' с деепричастием указывает на прекращение действия с точки зрения активной; пассивное самопрекращение действия выражается глаголом *къал* (см. выше).

Примеры: *яз-ып къойду* 'так и написал' (дословно: 1) написав + 2) положил), *айт-ып къойду* 'да и сказал' (дословно: 1) сказав + 2) положил), *оху-п къойма* 'не переставай читать' (дословно: 1) прочитав + 2) не клади).

5) Глагол *тур* 'стой' указывает на длительность действия или состояния: *яз-ып тура* 'он все время пишет' (дословно: написав || пиша стоит), *ят-ып тура* 'он постоянно лежит' (дословно: лежа стоит). Так как с глаголом *тура* связывается не только понятие «он стоит», но и «он пребывает», то подобные формы часто обозначают настоящее время данного момента типа английского Present continuous tense, для чего в кумыкском специальной морфологической категории нет.

Примеры: *ухла-п тура* 'он спит в данный момент'(в отличие от фразы: *къуп-къуру* 'сплошь' (дословно: «насухо» от *къуру* сухой) *ухлап тура* 'он спит постоянно').

Чаще здесь имеем деепричастие на $\frac{a}{e}$. См. стр. 94 и 144.

Связь любого глагола реального значения с движением выражают глаголы: 6) *гель* 'приди' и 7) *гет* 'уйди': первый указывает на движение в нашу сторону, второй — на движение от нас.

Примеры: *ал-ып гель* 'принеси' (дословно: «взяв, приди»), *ал-ып гет* 'отнеси' (дословно: «взяв, уйди»). Есть еще одна 8) форма *ал-ып бар* 'унеси' (дословно: «взяв, ступай») с глаголом *бар* 'иди', нейтральная в смысле направления движения.

Если речь идет о переведении действия в другое русло или о перемене действующих лиц (субъектов), то употребляется 9) глагол *ал-* 'возьми' в смысле второго элемента сочетания: *яз-ып ал* 'перепиши' (дословно: «написав, возьми»), *сат-ып ал* 'купи', 'перекупи' (дословно: «возьми, когда продают (sic!), с продажи возьми»). При *сатып* здесь, очевидно, подразумевается не то подлежащее, какое имеем при *ал-*.

10) Глагол *башла-* 'начинай' с деепричастием указывает на начало действия: *оху-п башлады* 'он начал читать' (дословно: 1) прочитав = читая + 2) начал), *ишле-п башлады* 'он начал работать'.

Примечание. Глаголы *эт-* 'делай' и *бол-* 'делайся', 'становись', 'будь', которые грамматики относят к этой же категории, по существу являются простыми вспомогательными глаголами (см. стр. 133).

Морфологически рассмотренные группы слов изменяются только в своей второй части (видовой глагол), семантически же носителем реального значения являются окаменевшие в своей форме деепричастия: видовой глагол сообщает им только дополнительный оттенок количественного свойства.

Одно из разобранных выше синтаксических сочетаний приобрело в кумыкском языке чисто морфологическое значение. Это — формы возможности и невозможности, входящие, на ряду с положительной и отрицательной формой, в число основных категорий кумыкского глагола. Вхождение этих двух форм в строгую схему четырех категорий, а также возможность образования этих двух форм от любого глагола отличает их от родственных, разобранных выше, конструкций, которые ограничены рамками фразеологии и стиля. Форма возможности образуется из спрягаемого глагола *бол-макъ* 'быть', 'делаться' и предшествующего ему деепричастия на *-ып* от любого глагола, например: *ал-ып болмакъ* 'мочь, взять' (собственно: «взяв, делаться»). Ср. еще: *гел-ип боламан* 'я могу придти', *яз-ып болдукъ* 'мы могли написать'. Форма невозможности по своему образованию является отрицательным оборотом к форме возможности, т. е. вместо *бол-макъ* имеем спряжение *бол-ма-макъ*. См. стр. 95.

Примеры: *берип болмайман* 'я не могу дать', *гелип болмадыкъ* 'мы не могли придти', *язып болмайбыз* 'мы не можем писать'.

Довольно широкое распространение имеет деепричастие *де-п* 'сказав' от *де-мек* 'сказать', которое обыкновенно замыкает собой вносные предложения. В нелатинизированных текстах языков тюркской системы (на арабском шрифте) слово *деп* заменяло кавычки европейской пунктуации.

Пример: *Ол юртлагъа гельди яман бир хабар, оны уьстуьне гуьчлуь душман геле деп* 'в те аулы пришла дурная весть: на них-де идет сильный враг'.

Образование *башлап* (начав) превратилось в послелог (начиная от) с исходным падежом имени: *бу дарсдан башлап* 'начиная с этого урока'.

В разговорном языке и фольклоре данное деепричастие употребляется иногда в двойном виде: *къарайман бойлап - бойлап, йиларман ойлап - ойлап* 'я смотрю, наклонившись, я плачу, задумавщись' (из народной песни).

2. Деепричастие на *-а*. Варианты аффикса: $-\frac{а}{е}$ (после согласных) и *-й* (после гласных). Деепричастие выражает обстоятельство образа действия и употребляется обычно в повторном виде, что указывает на длительность и многократность.

Примеры: *ал-а ал-а* 'беря - беря', 'беря много раз (неоднократно)'; *гел-е гел-е* 'приходя - приходя', 'неоднократно (часто) приходя', *ишле - й ишле - й* 'работая-работая', 'часто (много) работая'.

Эта же форма лежит в основе кумыкского настоящего времени (см. выше, стр. 93).

Отрицательная форма этого деепричастия оканчивается на $\frac{май}{мей}$ (после всех типов основы): *ал-май* 'не беря', *гель-мей* 'не приходя'. Она заменяет отсутствующую отрицательную форму деепричастия на *-ып*: *акъча алмай гельди* 'он пришел, не получив денег'.

Иногда же отрицательная форма данного деепричастия сохраняет свои специфические черты, резко отграничиваясь от деепричастия на *-ып* и от аналитических форм деепричастия. Тогда это: а) отчетливо выступает в контексте.

Пример: *къатын алмай къарт болдум* 'я дожил до старости (дословно: «стал стариком»), не женясь' (дословно: «не беря жены»), где *алмай* указывает на действие, параллельное главному глаголу, а не предшествующее ему, как было при форме на *-ып*, или б) внешне выражается в повторенной форме деепричастия, например: *ашамай ашамай ач болду* 'он изголодался от долгого недоедания' (дословно: «не едя - не едя, он сделался голодным»).

Иногда сюда прибавляется — *лы*: *алмай-лы* 'не беря'.

Формы возможности и невозможности от деепричастия на $-\frac{а}{е}$ чаще употребляются в случае аналитических конструкций деепричастия: *барып бола туруп бармады* 'имея возможность пойти, он не пошел' (по смыслу — форма возможности от сочетания *бара турмакъ*); *барып болмай къойдум* 'я не мог пойти' (дословно: «не имея возможности пойти, оставил»); по смыслу — форма невозможности от *бара къоймакъ*.

Приведенные примеры позволяют нам ввести некоторые дополнения к данной выше на стр. 142 общей характеристике аналитических конструкций, где сказано, что в типе *язып турмакъ* и др. морфологически изменяется только вторая часть. Это положение верно только при сохранении единой семантики словосочетания (*язып турмакъ* 'постоянно писать' и др. примеры), но, однако, форма *язып* и другие элементы подобных комбинаций сохранили еще способность самостоятельного семантического развития по линии отрицания, возможности и невозможности.

Примеры: *язып турмай эди* 'он не все время писал тогда' (отрицательный имперфект от *язып турмакъ* 'все время писать') и *язмай турады* 'он все время не писал' (положительный имперфект от [*язмай* < *язып*] + *турмакъ* (не пиша + пребывать).

Ясно, что во 2-м примере реальный глагол *язмакъ* пользуется большей семантической (и, следовательно, морфологической) самостоятельностью, чем в 1-м.

В известных случаях положительная форма деепричастия на $-\frac{а}{е}$ употребляется параллельно с деепричастием на *-ып*. Это бывает, прежде всего, в отдельных глаголах, например: вместо *айтып* 'сказав' (от *айтмакъ* 'говорить') можно поставить *айта* 'говоря', т. е. можно сказать одинаково: *булай да айтып толгъайды* 'говоря так, он плакал' и *булай да айта тол-*

-гъайды. Кроме того, в аналитических деепричастных формах первый элемент может принимать аффикс $-\frac{a}{e}$ вместо аффикса *-ып*. Особое употребление имеет форма типа *куьле-й турмакъ* 'постоянно смеяться'; в деепричастии на *-ып* от вспомогательного глагола, т. е. *куьлей тур-уп* эта форма соответствует турецкому деепричастию *gülerek*, отсутствующему в кумыкском, со значением: «смеясь; причем смеялся».

Отметим аналитические конструкции в связи с деепричастием на $-\frac{a}{e}$:

1) Глагол *башла* 'начинай': *ишле-й башлады* 'он начал работать' (дословно: «он начал, работая»), *ал-а башладыкъ* 'мы начали брать' (дословно: «мы начали, беря»).

2) Глагол *гоьр* (собственно: «видь» — *гоьрмек* видеть) в соединении с деепричастием на $-\frac{a}{e}$ передает оттенок пробы, начала действия и старательного его продолжения.

Примеры: *айт-а гоьр* 'попробуй поговорить', 'ну-ка, поговори', *ишле-й гоьр* 'ну-ка, поработай'.

3) Глагол *тур* 'стой' с деепричастием на $-\frac{a}{e}$ выражает непрерывную продолжительность действия: *яз-а тур* 'пиши непрерывно', 'продолжай писать', *юруь-й тура* 'он еще ходит'. См. также стр. 94.

Примеры на употребление деепричастия на $-\frac{a}{e}$ в связном тексте: *гьеч бир жавап тапмай къалдыкъ* 'мы не нашлись ничего ответить' (дословно: «мы остались, не находя никакого ответа»); *айт чы магъа сен, къазагъым, яшырмай* 'скажи-ка мне, казак, не скрывая'; *йолдашлар гетди къарай йоллагъа* 'товарищи поехали осмотреть дорогу' (дословно: «поехали, осматривая дороги»).

3. Деепричастие на *-гъанлы*. Звуковые варианты аффикса: $-\frac{гъанлы}{генли}$ (после звонких) и $-\frac{къанлы}{кенли}$ после глухих, а так как группа *н* + *л* в кумыкском произношении обычно ассимилируется в *лл*, то фактически имеем: $-\frac{гъаллы}{гелли}$ и $-\frac{къаллы}{келли}$. На письме отмечаются только два варианта в форме $-\frac{гъанлы}{генли}$.

По значению это деепричастие указывает на обстоятельство времени с указанием его исходного пункта и по-русски может быть переведено только полным предложением со специфическим союзным речением: «с тех пор, как. . .», «с того момента, как. . .». Употребляется это деепричастие, главным образом, только в положительной форме.

Примеры: *бар-гъанлы* (произносится: *баргъаллы*) 'с тех пор, как пошел', *гель-генли* (произносится: *гельгелли*) 'с тех пор, как пришел', *къач-гъанлы* (произносится: *къач-къаллы*) 'с тех пор, как убежал', *гет-генли* (произносится: *гет-келли*) 'с тех пор, как ушел'.

Исторически нашему деепричастию в других языках тюркской системы соответствует форма на $-\frac{гъалы}{гели}$ $\left(>\text{турецкое } -\frac{алы}{ели}\right)$, которая имела зна-

чение исходного пункта во времени для другого действия, а также имела смысл латинского супина с обозначением цели. Выводить кумыкское деепричастие из этой исторической формы нельзя, так как весьма трудно объяснить, почему из аффикса $-\frac{гъалы}{гели}$ по-кумыкски получилось целых 4 варианта: $-\frac{гъанлы\ (гъаллы)}{генли\ (гелли)}$ и $-\frac{къанлы\ (къаллы)}{кенли\ (келли)}$. Остается думать, что кумыкское деепричастие образовалось от лежащей в основе всего кумыкского синтаксиса формы на *-гъан* через прибавление аффикса $-\frac{лы}{ли}$; в результате вторичного фонетического процесса группа *н + л* дала *лл*.

Примеры из связных текстов: *сагъа гъашыкъ болгъанлы, къалмады къаным къашыкъ* (нар. песня) 'с тех пор, как я влюбился в тебя, не осталось во мне и ложки крови'; *буътуън дунья давы битгенли* 'с тех пор, как закончилась мировая война'; *докладны тынгълагъанлы* 'с тех пор, как (он) прослушал доклад'.

4) Деепричастие на *-гъанча*. Звуковые варианты аффикса: $-\frac{гъанча}{генче}$ || $-\frac{къанча}{кенче}$ (после глухих). На письме изображаются только первые два. Форма указывает или на сравнение или на обстоятельство времени, которое следует после совершения главного действия. Переводится обычно полным предложением с союзными речениями: «чем» и «прежде чем».

Примеры: *ал-гъанча* 'чем брать', 'прежде чем брать', *гель-генче* 'чем приходить', 'прежде чем приходить', *тап-гъанча* (произносится *тап-къанча*), 'чем находить', 'прежде чем находить', *ич-генче* (произносится *ич-кенче*) 'чем пить', 'прежде чем пить'; *мен анда баргъанча муны этермен* 'прежде чем идти туда, я сделаю это'.

Других форм, кроме положительной, от этого деепричастия не употребляется. В более старом (особенно письменном) языке вместо этой формы употребляется более архаичная с тем же аффиксом в отношении согласных, но с иными (узкими) гласными, т. е. форма на $-\frac{гъынча}{гинче}$ $-\frac{гъунча}{гуьнче}$ и $-\frac{къынча}{кинче}$ $-\frac{къунча}{куьнче}$ (после глухих). По существу эти формы одинаковы. Первая восходит к форме на $-\frac{гъан}{ген}$ $-\frac{къан}{кен}$, о которой см. в следующем отделе, а вторая восходит к форме на $-\frac{гъын}{гин}$ $-\frac{къын}{кин}$ и $-\frac{гъун}{гуьн}$ $-\frac{къун}{куьн}$. Формы на *-гъан* и т. д. и на *-гъын* и т. д. родственны по значению и по происхождению: последняя лишь указывает на более статическое понятие и подходит ближе к прилагательному типа русских «беглый, лежачий, стоячий», а первая содержит в себе больше динамичности и может быть отнесена к разделу причастий типа русских «бегущий, лежащий, стоящий». В большинстве языков тюркской системы вторая форма сведена к категории рудиментарных образований.

То же имеем и в кумыкском.

Форма на - гъан

Полный перечень звуковых вариантов аффикса: - *гъан* / *ген* (после звонких) || - *къан* / *кен* (после глухих) || - *нгъан* / *нген* (после носовых). На письме отмечаются только первые два варианта. Таким образом от *ал-макъ* 'брать' имеем *ал-гъан*, от *бер-мек* 'давать' — *бер-ген*, от *бат-макъ* 'тонуть' — *бат-къан* (пишется: *бат-гъан*), от *ич-мек* 'пить' — *ич-кен* (пишется: *ич-ген*), от *ян-макъ* 'гореть' — *янгъ-гъан* (пишется: *ян-гъан*). В таком первоначальном виде форма эта, исторически имевшая значение 1) имени действия и 2) причастия (взятие — взявший || взятый, давание — давший || данный, погружение на дно — утонувший, вышивание — пивший || питый, горение — горевший) уже не употребляется. Она дифференцируется при посредстве аффиксов принадлежности и склонения. В основе всей дифференциации лежит ныне сохраняющееся двоякое значение формы: 1) имя действия (иначе: форма, имеющая функцию существительного) и 2) причастие прошедшего времени (иначе: форма, имеющая функцию прилагательного). Сложность значения увеличивается, поскольку во втором случае форма может указывать как на причастие действительного залога (взявший), так и страдательного (взятый). Это формальное неразличение в причастии залогов (действительного и страдательного) восходит к древнейшим памятникам языков тюркской системы, которые до известной степени сохраняют это свойство и теперь. С другой стороны, возможность для одного и того же морфологического образования выступать в синтаксически различной роли существительных и прилагательных также относится к основным особенностям языков тюркской системы, в которых понятия «старик» и «старый», «малыш» и «маленький», «красавец» и «красивый» и т. д. — передаются одним и тем же словом, одной и той же морфологической категорией. Необычайно широкое применение двух изложенных принципов и сделало возможным то исключительно широкое распространение формы на *-гъан*, которое мы имеем в языках тюркской системы. Только в немногих из них (турецкий, азербайджанский, туркменский, гагаузский, южнобережнокрымский) форма на *- гъан* как живое явление не сохранилась и вытеснена формой на *-дыкъ* и на *-мыш*. Тем не менее остатки формы на *- гъан* сохранились и в этих языках в виде окаменевших образований со значением скорее отглагольных прилагательных, чем причастий (ср. русские б е г л ы й — б е ж а в ш и й).

Само собой разумеется, что форма на *- гъан*, стоящая на правах существительного, может склоняться и вообще проходить все фазы изменения существительных; форма на *- гъан*, стоящая на правах прилагательного, синтаксически — величина несамостоятельная и потому формально не изменяется. Единственно, в каком направлении может она варьировать — это по части четырех главных аспектов кумыкского глагола: формы положительной, отрицательной, формы возможности и формы невозможности. Эти же четыре аспекта приложимы, естественно, и к форме на *- гъан*, стоящей на правах существительного. Различные же оттенки в смысле интерпретации формы определяются контекстом и словарем.

Рассмотрим сначала более простой случай употребления формы на *-гъан*, именно ее функцию в качестве прилагательного. Этой своей стороной форма на *- гъан* входит в категорию кумыкских причастий (см. стр. 138) в виде причастия настоящего времени. Общие сведения об этом причастии даны в отделе причастий, конкретные же примеры на употребление этого причастия даются здесь для того, чтобы представление о форме на *- гъан* во всей широте ее функций было возможно более цельным.

Прежде чем непосредственно переходить к примерам, отметим один уже известный нам из предыдущего изложения факт. Именно: причастие прошедшего времени (или, другими словами, форма на *- гъан* в функции прилагательного) принимает аффиксы сказуемости и образует особое время изъявительного наклонения — перфект (см. в отделе спряжения): *алгъанман, алгъан-сан, алгъан* и т. д. Комбинация же этого причастия с формой *эдим* и т. д. дает другое время изъявительного наклонения: давнопрошедшее или плюсквамперфект (см. там же): *алгъан эдим, алгъан эдинг, алгъан эди* и т. д.

А. Форма на - гъан, стоящая в качестве прилагательного

Примеры: *озуп ярыш алгъан ат* 'лошадь, которая взяла верх на скачках' (дословно: «опередив, скачки взявшая лошадь»); *гуьйген юрт* 'сгоревшая деревня' (= деревня, которая сгорела); *тас болгъан ат* 'потерявшаяся лошадь' (= лошадь, которая потерялась); *сувгъа батгъан яш* 'утонувший ребенок' (= ребенок, который утонул) (дословно: «утонул в воду»); *сынгъан окъ* 'сломанная (точнее: сломавшаяся) стрела' (= стрела, которая сломалась); *дым болгъан туьбек от* 'отсыревший порох' (= порох, который отсырел); *къачгъан душман* 'бежавший враг' (= враг, который бежал); *оьльген ат* 'подохшая лошадь' (= лошадь, которая подохла) (дословно: «умерла»); *айтылгъан йыр* 'спетая песня' (= песня, которая спета); *ашалгъан этмек* 'съеденный хлеб' (= хлеб, который съеден); *йолда къалгъан йолавчу* 'путник, оставшийся в пути' (= путник, который остался в пути, т. е. отстал); *давда яралангъан йигит* 'герой, израненный в бою' (= герой, который был изранен в бою); *аврувдан азгъан - тозгъан гиши* 'человек, похудевший и истощенный от болезни' (= человек, который похудел и стал истощенным от болезни); *къалгъан ишге къар явар* (посл.) 'на оставленную (= забытую) работу выпадет снег'; *аврумагъан башны явлукъ булан байламас* (посл.) 'голову, которая не болит, платком не повязывают'; *бавгъа битген гуьль эдик* (из нар. песни) 'мы были розами, выросшими в саду' (досл. «в саде»); *авузунгъдан чыкъгъан соъзуьнг* 'твои слова, вылетевшие (дословно: «вышедшие») у тебя изо рта'; *тавушгъа чыкъгъан ат* 'лошадь, вышедшая на крик'; *тамурлангъан терекдей* 'подобно дереву, пустившему корни'; *сенсиз гетген оъмуьр* 'жизнь, прошедшая без тебя'; *айланып акъгъан ана Терик* 'кружась, протекающая мать Терек'; *аталардан батыр тувгъан уланлар* 'сыновья, родившиеся от отцов богатырями'; *«Йолдаш» газетада язылгъан кемчиликлер* 'недостатки, описанные в газете *Ёлдаш*'; *кооперативлендирильген балыкъчылар* 'кооперированные рыбаки'; *кооперативни малы булан базар этгенлени членликден чыгъарайык* 'тех,

которые разбазаривали кооперативный товар, давайте исключим из (числа) членов'; *чачылгъан картофель* 'посеянный (посаженный) картофель'; *Хасав-юртгъа йиберильген бригада* 'бригада, посланная в Хасав-юрт'; *оътген йылны сентябрь айны ичинде* 'в сентябре месяце прошлого (дословно: «прошедшего») года'; *марказдан берильген тапшурув* 'задание, данное из центра'; *тамам этильген ишлер* 'законченные работы'.

Во всех приведенных примерах форма на *- гъан* (= отглагольное прилагательное - причастие) синтаксически соответствует или 1) русским придаточным определительным (если форма на *- гъан* переводится личным глаголом с относительными местоимениями «который», «кто» и т. д.), или 2) так наз. причастным оборотам (если форму на *-гъан* переводить русским причастием). При этом подлежащее придаточного определительного и главного (хотя бы в отдельных примерах фактически и не доведенного до конца) — одно и то же.

Рассмотрим теперь случаи, когда подлежащие главного и придаточного — разные. Здесь надо различать две категории фраз.

а) Подлежащее придаточного предложения — одно из личных местоимений.

Это осуществляется или путем прибавления к форме на *- гъан* аффиксов принадлежности или путем постановки перед формой на *- гъан* отдельных форм личных местоимений.

Примеры: *сен тутгъан чабакъ* 'рыба, которую ты поймал'; *сен тапгъан ат* 'лошадь, которую ты нашел'; *биз ольтуърген къуш* 'птица, которую мы убили'; *мен айтгъан соъз* 'слово, которое я сказал'; *олар сатгъан ат* 'лошадь, которую они продали'; *сиз охугъан китап* 'книга, которую вы читали'; *о алгъан китап* 'книга, которую он получил'; *сен язгъан китап* 'книга, которую ты написал'; *сиз йиберген салам* 'привет, который вы послали'.

Необходимо отметить, что в русском языке подобные обороты возможны лишь тогда, когда глагол придаточного предложения переходный (например, «деньги, которые я даю»). В кумыкском языке данный оборот распространяется и на известные непереходные глаголы движения и статики, например, «дом, в котором я живу», что по-кумыкски будет: «дом, который я живу || обживаю». При переводе подобных случаев на русский язык необходимо вносить стилистические поправки и вставлять предлоги («в», «из» и т. д.), которые по-кумыкски не выражаются отдельным словом.

Примеры на подобные случаи «косвенной переходности»: *сен гече ятгъан юрт* 'аул, в котором (= где) ты ночевал' (дословно: «аул, который ты лежал ночью»); *олар яшап тургъан уьй* 'дом, в котором (= где) они постоянно жили' (дословно: «дом, который они постоянно жили»); *сиз яшынгъан агъачлыкъ* 'лес, в котором (= где) вы спрятались' (дословно: «лес, который вы спрятались»); *биз охугъан школа* 'школа, в которой (= где) мы учились' (дословно: «школа, которую мы учились»); *сен юруьген йол* 'дорога, по которой ты шел (дословно: «дорога, которую ты шел»); *паланча батгъан сув* 'река, в которой такой-то утонул' (дословно: «река, которую

такой-то утонул»); *ону оьлтуърген тав* 'гора, на которой его убили' (дословно: «гора, которую его убили»); если бы смысл контекста допускал, то эту же фразу можно было бы перевести: «гора, которая его убила»; *олар гелъген якъ* 'сторона, в которую (или: «из которой») они пришли' (дословно: «сторона, которую они пришли»); *мен туъшген гъал* 'положение, в которое я попал' (дословно: «положение, которое я попал»); *сиз о заман къыдыргъан бав* 'сад, в котором (= где) вы тогда гуляли' (дословно: «сад, который вы тогда гуляли»); *о минген батгъыч* 'лестница, по которой он поднялся' (дословно: «лестница, которую он поднялся»); *сен болмагъан ерлерде* 'в тех местах, в которых (= где) ты не бываешь' (дословно: «в тех местах, которые ты не бываешь»).

В подобных оборотах мы с точки зрения кумыкского языка имеем: 1) придаточное предложение — определение, в котором сказуемое поставлено в форме на *-гъан* (т. е. причастии) для связи с определяемым словом главного, 2) главное или его часть. Таким образом *сен гелъген | ер* означает: 1) ты — пришедший + 2) место = место, $\frac{\text{в которое}}{\text{из которого}}$ ты пришел. *Биз ятгъан уьй* = 1) мы — лежавшие + 2) дом = дом, в котором мы лежали. Вместо *мен сатгъан ат* 'лошадь, которую я продал' можно сказать: *мени* (род. п. от *мен*) *сатгъан атым* (форма принадлежности 1-го лица единственного числа). Вторая фраза будет означать: «моя собственная (*мени* — родительный падеж принадлежности) лошадь, которую я продал», а первая: «лошадь (собственная или нет — неизвестно), которую я продал».

b) Подлежащее придаточного предложения — не личное местоимение.

В этом случае название подлежащего обычно ставится в неопределенном падеже, а сказуемое придаточного — в форме на *-гъан*.

Примеры: *сени агъангъ оьлъген дав* 'война, на которой погиб твой брат' (дословно: «твой брат — умерший | война»); *боьруъ алгъан къой* 'баран, которого съел волк' (дословно: «волк — евший | баран»); *итлер къапгъан яш* 'мальчик, которого укусили собаки' (дословно: «собаки — укусившие | мальчик»); *йылан тийген йигит* 'храбрец, которого ужалила змея' (дословно: «змея—ужалившая | храбрец»); *атасы уланына савгъат этип берген сагъат* 'часы, которые отец подарил сыну' (дословно: «его отец своему сыну подарок сделав, подаривший | часы»); *анасы яшына гоърсетген китап* 'книга, которую мать показала ребенку' (дословно: «его мать своему ребенку — показавшая | книга»); *къарт оьзуьнуъ оьмруъ бар чагъы дав этген савут* 'оружие, которым старик сражался всю жизнь' (дословно: «старик в течение своей жизни сражавшийся | оружие»); *мени агъам язып берген арза* 'заявление, которое подал мой старший брат' (дословно: «мой старший брат — написав, подавший | заявление»); *ат авнагъан ерде туък къалыр* (посл.) 'там, где валялась лошадь, остается шерсть' (дословно: «лошадь — валявшаяся | на месте шерсть остается»); *сен аривсен авул толгъан къызлардан* 'ты прекраснее (всех) девушек, которыми полон аул' (дословно: «ты прекраснее | аул — наполнившийся | девушек»); *къара сувлар*

къатгъан гуън 'день, в который замерзли черные воды' (дословно: «черные воды — замерзшие | день»); *тар оъзенлер акъгъан гуън* 'день, в который потекли узкие реки' (дословно: «узкие реки — потекшие | день»); *бурчакъдай гуълле явгъан гуън* 'день, в который пули сыпались дождем, как горох' (дословно «как горох | пули — дождившие | день»).

Употребление формы на *-гъан* в качестве определения при некоторых служебных именах специфического значения создает новые синтаксические обороты:

а) При слове *куъй* 'образ', 'способ'.

Примеры: *мен эшитген куъйде иш яхшы* 'насколько я слышал, дело (обстоит) хорошо' (дословно: «я — слышавший | в образе | дело — хорошо», т. е. «таким образом, которым | = как | я слышал, дело — хорошо»); *мен сагъа айтгъан куъйде* 'так, как я тебе сказал' (дословно: «я тебе — сказавший | в образе»).

Таким образом этот оборот близок к русским придаточным обстоятельствам образа действия (сравнительным).

b) При слове *заман* 'время' (или в местном падеже *заманда*), что создает оборот, близкий к русским придаточным обстоятельствам времени с союзом «когда».

Примеры: *Магъачкъалада болгъан заманда* 'когда был в Махачкале' (лицо не выражено: для этого следует добавить особое существительное или местоимение (дословно: «в Махачкале бывший | во время»); *мен гельген заман* 'когда я пришел' (дословно: «я — пришедший | в [это] время»); *биз агъач гесеген заманда* 'когда мы рубили дрова' (дословно: «мы — дрова рубившие [в] это | время»). Вместо служебного слова *заман* (из арабск.) часто употребляется кумыкский синоним *чакъ*: *сув алгъан чакъда* 'в то время как (когда) (он) набрал воды'; *уянгъан чакъда* 'в то время как (когда) [он] проснулся'.

В. Форма на -гъан, стоящая в качестве существительного

В этой своей функции форма на *-гъан* обычно принимает аффиксы принадлежности. Образование и семантика ее подчиняются следующей схеме.

Единственное число

1-е лицо: *ал-гъан-ым* 'мое взятие' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что я брал (взял), 2) то, что́ я брал (взял).

билъ-ген-им 'мое знание' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что я знал (узнал), 2) то, что́ я знал (узнал).

2-е лицо: *ал-гъан-ынгъ* 'твое взятие' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что ты брал (взял), 2) то, что́ ты брал (взял).

билъ-ген-инг 'твое знание' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что ты знал (узнал), 2) то, что́ ты знал (узнал).

3-е лицо: *ал-гъан-ы* 'его взятие' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что он брал (взял), 2) то, что́ он брал (взял).

биль-ген-и 'его знание' = $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что он знал узнал), 2) то, что́ он знал (узнал).

Множественное число

1-е лицо: *ал-гъан-ыбыз* 'наше взятие' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что мы брали (взяли), 2) то, что́ мы брали (взяли).

биль-ген-ибиз 'наше знание' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что мы знали (узнали), 2) то, что́ мы знали (узнали).

2-е лицо: *ал-гъан-ыгъыз* 'ваше взятие' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что вы брали (взяли), 2) то, что́ вы брали (взяли).

биль-ген-игиз 'ваше знание' = 1) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что вы знали (узнали), 2) то, что́ вы знали (узнали).

3-е лицо: по форме сходно с 3-м лицом единственного числа.

Перед каждой из форм факультативно может стоять родительный падеж соответствующего личного местоимения.

Как видно из схемы, значение формы на *-гъан*, употребленной в качестве существительного, сводится к двум моментам: 1) процесс действия (акт моего взятия, твоего взятия. . . = то, что я брал, ты брал. . .) и 2) результат действия или его объект (предмет моего взятия, твоего взятия. . . = все то, что я брал, ты брал и т. д.). Совершенно ясно, что второй момент (параллельно первому) возможен только при переходных глаголах и что, например, *гель-ген-им* может означать только процесс действия («тот факт, что я пришел»), а не его объект («все то, что́ я пришел»).

Названные формы, помимо приведенного нами положительного оборота, могут, как и всякие глагольные образования, принимать аффиксы отрицания, возможности и невозможности. Кроме аффиксов принадлежности, названные формы могут принимать также и падежные аффиксы, т. е. склоняться. При этом склонение их не должно связываться обязательно с формой принадлежности: оба эти типа словоизменения формы на *-гъан* могут существовать и параллельно, и независимо друг от друга. При этом аффиксы принадлежности позволяют различать лицо и число субъекта, а аффиксы склонения указывают на разные модификации сказуемого придаточного предложения, которое стоит в форме на *-гъан*. Тут намечается следующая синтаксическая закономерность: неопределенный падеж формы на *-гъан* соответствует русским придаточным подлежащим («то, что ты говорил, известно»); винительный падеж — придаточным дополнительным (= «я знаю то, что ты говорил») и косвенным вопросам («я знаю, откуда ты приехал»), а дательный или исходный падеж или конструкция

с послелогом — придаточным обстоятельственным. К последней группе иногда имеются дублеты в виде деепричастий.

Выше мы употребляли термин «придаточное предложение». Совершенно необходимо добавить, что он имеет смысл только для русского текста той или иной фразы. Что же касается соответствующего кумыкского текста, то он, по общему правилу, представляет собой не отдельное придаточное, а то, что русские грамматики называют «причастным оборотом». При этом только небольшой процент кумыкских причастных оборотов удовлетворяет необходимым условиям придаточного предложения (см. о них в отделе синтаксиса, стр. 191). Это дает нам основание, выделив последний тип причастных оборотов в отдел синтаксиса сложного предложения, все остальные типы рассматривать тут же при общем анализе формы на *- гъан*.

Примеры на употребление формы на *- гъан*.

Неопределенный падеж. *Урушбат алгъаны белъгили* 'известно, что он брал взятки' (дословно: «факт получения им взяток известен»). *Гоьргенинг недир?* 'что ты видел?' (дословно: «то, что́ ты видел, что есть?»). *Сени язгъанынгъ къайда?* 'где то, что́ ты написал?' (дословно: «то, что́ ты написал, где есть?»).

Частный случай формы на *- гъан* в передаче русского придаточного подлежащего составляют сочетания формы со словами *бар* (имеется, есть = нем. *es gibt*, франц. *il y a*) и *йокъ* (не имеется, нет = нем. *es gibt nicht*, франц. *il n'y a pas*).

Примеры: *баргъаным йокъ* 'мне не приходилось ходить' (дословно: «тот факт, что я ходил, не имеется = не существует»); *аювну тутгъаным йокъ* 'мне не приходилось ловить медведя'; *ялгъан айтгъаны йокъ* 'ему не случалось лгать'; *гьеч бир зат айтганым йокъ* 'мне не пришлось (случилось) ничего сказать' = 'я ничего не говорил' (дословно: «тот факт, что я что-то сказал, не существует»); *сорагъаным бар* 'мне приходилось спрашивать' = 'я спрашивал'; *адашгъаныгъыз бар* 'вам доводилось заблуждаться' (или: сбиваться с пути).

Винительный падеж. *Сен окъ атганынгъны гоърдуъм* 'я видел, как ты спустил стрелу' (дословно: «я видел тот факт, что ты спустил стрелу»). *Сен гетгенингни билъдим* 'я узнал, что ты уехал'. *Биз атны сатгъаныбызны къайдан билъдинг?* 'откуда ты узнал, что мы продали лошадь?' *Сыйырыбыз къозлагъанны эшитдингми?* 'слышал ли ты, что у нас отелилась корова?' *Ону гельгенин эшитмедим* 'я не слышал, что (= как) он пришел'. *Мен сени къайда болгъанынгъны билъмеймен* 'я не знаю, где ты был'. *Мен сени айтгъанынгъны этермен* 'я сделаю то, что ты сказал'. *Гъар ким билъгенин айтар* 'каждый говорит то, что он знает'.

Дательный падеж. *Сени гельгенингге суъюндуъм* 'я обрадовался тому, что ты пришел'. *Дав башлагъангъа гелип болмады* 'он не мог приехать, так как началась война'. *Сув ташыгъангъа гелип болмадыкъ* 'мы не могли придти, так как река разлилась'. *Арыгъангъа талгъангъа ухлады* 'он заснул от утомления и усталости'. *Йолну танымагъангъа адашып геч гельдим* 'я пришел поздно, так как заблудился, не зная дороги'. *Акъчасын*

барын харчлангъангъа 'так как он истратил все свои деньги'. *Атын тапгъангъа бек суюндуъ* 'он очень обрадовался тому, что нашел свою лошадь'.

Иногда дательный падеж ставится в зависимости от послелога *гоьре* 'согласно, сообразно': *заман геч болгъангъа гоьре* 'в виду того, что было поздно' (= так как время было позднее).

Кроме дательного падежа с оттенком причинности, встречаем обычный дательный лица, например: *чакъыргъангъа бар* 'иди к тому, кто зовет'. *Сыйыр савуп билъмегенге азбар къынгъыр болур* (посл.) 'для того, кто не умеет доить корову, (каждый) хлев будет кривым'.

Местный падеж дает самое общее обозначение времени; по-русски — придаточное предложение с союзом «когда».

Примеры: *Гъар гельгенимде* 'всякий раз, когда я приходил' (дословно: «при каждом факте моего прихождения»). *Окъ атгъанда* 'спустив стрелу' = когда спустил стрелу (лицо не указано) (дословно: «при факте спускания стрелы»). *Явун явгъанда* 'когда (по)шел дождь'. *Ер тербенгенде* 'когда произошло землетрясение' (дословно: «при факте трясения земли»). *Сен айтгъанда* 'когда ты сказал'. *Биз агъачдан гельгенде* 'когда мы пришли из леса'. *Машинден туьшгенде* 'когда он слез с поезда'. *Тангъ атгъанда* 'когда занялась (собственно, «выстрелила») заря'. *Сен эсиме гельгенде* 'когда ты пришла (или: «ты пришел») мне на ум'. *Оьзуь атгъа мингенде* 'когда он (дословно: «он сам») сел на коня'. *Бу адам Дагъыстанда яшагъанда* 'когда этот человек жил в Дагестане'.

Исходный падеж с оттенком причинности (параллельно дательному причины) или в особой конструкции управляющего глагола.

Примеры: *аш ашама болмайман ичимни гуьенимден, тили куьйгуьр адамлар айыра суьйгенимден* (из нар. песни) 'я не могу есть, так как сердце (дослоьно: «нутро») у меня горит: люди — сгори их язык! — разлучают меня с моей возлюбленной'.

Исходный падеж с послелогом *берли* образует оборот, параллельный деепричастию на *-гъанлы* (см. выше).

Примеры: *юртну сув алгъандан берли* 'с тех пор, как вода затопила село'. *Оьзуьнуь шоьшгесин магъа бергенден берли* 'с тех пор, как он отдал мне свою шашку'.

Неопределенный или исходный падеж формы на *-гъан* с послелогом *сонгъ* соответствует русскому придаточному предложению времени с союзным речением «после того как».

Примеры: *мен Дагъыстандан гетген сонгъ* 'после того как я уехал из Дагестана' (дословно: «после факта моего отъезда из Дагестана»). *Охуп битген сонгъ* 'после того, как он кончил учиться'. *Бичен чалып битген сонгъ* 'после того, как кончился сенокос'. *Оракъ оруп битген сонгъ* 'после того, как жатва окончилась'. *Алгъандан сонгъ* 'после того как взял' (я, ты, он и т. д.). *Хоншуму гоьргенден сонгъ юрегими ял этдим* 'после того, как я повидался с соседом, я отдохнул душой'. *Уьйге гирген сонгъ* 'после того

как (я, ты, он и т. д.) вошел (вошли) в дом'. *Школа ачылып ишлемеге башлагъан сонгъ* 'после того как школа открылась и начала функционировать' (собственно, «работать»). *Докладны тынгълагъан сонгъ* 'после того, как (он) выслушал доклад'.

Форма на *-гъан* с безударным аффиксом *-окъ* (|| *-окъ -да*) соответствует русскому придаточному обстоятельства времени с союзным реченпем «как только, лишь только». При этом однако *-гъан* + *окъ* фактически звучит *-гъаннокъ*, а *-ген* + *окъ* — звучит как *-геннокъ*.

Примеры: *Мен гельгеннокъ* 'как только я пришел'. *Биз алгъаннокъ* 'как только мы взяли'.

Происхождение двух *н* в сложном аффиксе *-нокъ* до сих пор грамматиками не объяснялось. Второе *н* не может относиться к аффиксу *-окъ*, так как аффикс *-нокъ* в других тюркских языках неизвестен. Скорее можно предположить, что мы имеем дело с аффиксом *-окъ* (ср. татарское и башкирское *-укъ*), который с некоторой долей вероятия восходит к семантически полному слову *окъ* || *укъ* «стрела» и далее «миг» и «момент». Что же касается формы на *-гъан*, то она, повидимому, стояла в местном падеже: *алгъанда -окъ*, откуда путем элизии получилось сперва *алгъанд'окъ* = *алгъандокъ* и далее в силу обычной для кумыкского языка ассимиляции— *алгъаннокъ*. Этой ассимиляции препятствовал гласный аффикса 3-го лица, и, очевидно, потому после этого аффикса слияния не происходит: *алгъаны окъда* 'как только он взял'.

В процессе формирования конструкции местный падеж, повидимому, мог стоять и при форме на *-гъан*, и при *-окъ*, т. е. могли быть формы и *алгъан -да -окъ* (откуда мы выводим современное *алгъаннокъ*) и *алгъан--окъ -да* (на манер *алгъан чакъда*). Первый тип постановки местного падежа сохранился там, где форма на *-гъан* стояла без аффиксов принадлежности, второй тип — там, где эта форма стояла с аффиксами принадлежности: 1) *алгъаннокъ* и 2) *алгъаны окъда*. Форма *окъда* и фонетическая устойчивость формы *-окъ* указывает на то, что это не сформировавшийся окончательно аффикс, а нечто среднее между служебным именем и аффиксом, еще не завершившее круг своего морфологического развития.

Другие примеры на ту же конструкцию с *-окъ*: *Бергеннокъ* 'как только дал'. *Сатгъаннокъ* 'как только продал'. *Мен муну айтгъаннокъ атылып турду* 'как только я это сказал, он бросился (вперед)'. *Гоьргеннокъ болдум гъашыкъ* 'как только увидел, я (тут же) влюбился'. *Бу акъчалар къолуна гиргеннокъ* 'как только эти средства (деньги) перешли в его руки'. *Тоьлеп битиргеннокъ* 'лишь только он перестал платить'. *Мен ондан гельгеннокъ Маджалисге барырбыз* 'как только я приду оттуда, мы отправимся в Маджалис'. *Къыз уланны суьйдуь гоьзуь гоьргеннокъ* 'девица полюбила молодца, лишь только ее глаза увидели его' (т. е. с первого взгляда).

Неопределенный падеж формы на *-гъан* с послелогом *учун* (из-за, ради, для) соответствует русскому придаточному обстоятельства причины.

Примеры: *Уланым авругъан учун гельмедим* 'я не пришел, так как у меня заболел сын'. *Сув ташыгъан учун гелип болмадыкъ* 'мы не могли придти, так как река разлилась'. *Заман геч болгъан учун* 'так как было поздно'.

Неопределенный падеж формы на *-гъан* с послелогом *йимик* (подобно) соответствует русским придаточным обстоятельства образа действия (сравнительным).

Примеры: *Мен айтгъаным йимик болду* 'случилось так, как я сказал'. *Къыркъ йылдан сонгъ алдын гоъргеним йимик* 'он такой же, как я его видел сорок лет тому назад' (дословно: «он такой же через сорок лет, как я его видел прежде»). *Биз язгъан йимик этмеген* 'он не сделал так, как мы писали'.

То же значение, что *йимик*, имеет аффикс *-дай* 'подобно' и все его фонетические варианты, о которых см. в отделе наречия. Например: *бир анадан тувгъандай* 'словно (они) родились от одной матери'.

Неопределенный падеж формы на *-гъан* с послелогом *сайын* и с факультативным местоимением *гъар* 'каждый', 'всякий' близок к русскому придаточному обстоятельства времени с союзным речением: «всякий раз, когда. . .».

Примеры: *Гъар алгъан сайын* 'всякий раз, когда брал'. *Гъар гоъргген сайын икрам этемен* 'всякий раз, как я (его) вижу, я (ему) кланяюсь'. *Гъар заман мен сорагъан сайын жавап бере* 'всякий раз, когда я спрашиваю, он дает ответ (отвечает)'. *Сорамагъан сайын* 'всякий раз, когда не спрашивал' (я, ты, он и т. д.).

Необычайно сильно развито сочетание формы на *-гъан* с существительным *чакъ* 'момент', 'время', причем оба элемента рассматриваются здесь, как два существительных, и соединяются по особой схеме сочетания существительных (так наз. *изафет*). Любопытно, что служебное имя *чакъ* получает фонетический вариант *чек* в окружении гласных переднего ряда. Весь оборот близок русским придаточным обстоятельственным с союзными речениями: «вместо того, чтобы; чем; пока не; столько, сколько. . .».

Примеры: *Алгъан чагъ-ы* 'вместо того, чтобы брать' (мне, тебе, ему и т. д.). *Этген чег-и* 'вместо того, чтобы делать'. *Муну алгъан чагъы шону алмасмусан?* 'вместо того, чтобы брать это, не возьмешь ли ты вот это?' *Мен гельген чеги олтуруп тур* 'сиди, пока я не приду' (дословно: «прежде чем приду»). *Гуън батгъан чагъы гъав къыдырып турарбыз* 'пока не зайдет солнце, будем охотиться' (дословно: «прежде чем зайдет солнце. . .»). *Ону этген чеги* 'прежде чем это сделать'. *Янгъур явгъан чагъы чабакъ тутарбыз* 'будем ловить рыбу, пока не пошел дождь' (дословно: «прежде чем пойдет дождь»). *Тарыкъ болгъан чагъы* 'сколько понадобится' (дословно: «в [степени *чагъы*] 'бытия' [*болгъан*] 'должным' [*тарыкъ*]»). *Язып болгъан чагъы яз* 'пиши, сколько можешь написать'. *Суъйген чеги оху* 'читай, сколько нравится'. *Мен сени янынгъа баргъан чагъы сен мени яныма гель*

'вместо того, чтобы мне идти к тебе, ты приходи ко мне'. *Бир зат да этмей тургъан чагъы китапны алып охусангъ* 'вместо того, чтобы сидеть без дела, читал бы ты книги'.

Форма на -агъан

По существу эта форма представляет собой настоящее время к форме на *-гъан*, обладая всеми семантическими и синтаксическими свойствами последней. Варианты аффиксов: $-\frac{агъан}{еген}$ (после согласных) и $-\frac{йгъан}{йген}$ (после гласных). По мнению некоторых, этот аффикс разлагается на: 1) показатель настоящего времени изъявительного наклонения (или, вернее, деепричастия): $-\frac{а}{е}$ (после согласных) и *-й* (после гласных) и 2) аффиксы $-\frac{гъан}{ген}$ (варианты $-\frac{къан}{кен}$ фонетически отпадают после $-\frac{а}{е}$ или *-й*).

Например: *ал -агъан* 'берущий' || «беромый» теперь; процесс или результат взятия теперь. Последняя часть формулы поддается более обстоятельной расшифровке, как мы это делали относительно формы на *-гъан*, а именно: *ал -агъан -ым* 'процесс моего взятия теперь' $= \frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что я беру теперь, и результат моего взятия теперь = то, что́ я беру теперь. Ср. еще *бер-еген* 'дающий теперь'; процесс или результат давания теперь (в противоположность *берг-ен* 'давший тогда'; процесс или результат давания тогда). *Къал-агъан* 'остающийся'; процесс «оставания» теперь. *Гел-еген* 'приходящий', 'приход теперь'. *Ят-агъан* 'лежащий', 'лежачий'; 'лежание теперь'. *Тур-агъан* 'стоящий', 'стоячий'; 'стояние теперь'. *Гелип тур-агъан* 'непрерывно ходящий'; 'непрерывное хождение'. *Башла-йгъан* 'начинающий'; 'начинание теперь'. *Оху-йгъан* 'читающий'; процесс или результат чтения теперь. *Юруъ-йген* 'идущий'; 'хождение теперь'.

В отличие от других тюркских языков, где форма на *-гъан* (или соответствующая ей форма на *-дыкъ*) относится к двум временам: настоящему и прошедшему, кумыкский язык отличает настоящее (форма на *-агъан*) от прошедшего (форма на *-гъан*). Здесь можно привести аналогию из туркменского языка, где имеем аффикс $-\frac{ан}{зн}$ (прошедшее время) и $-\frac{йāн}{йēн}$ (настоящее), т. е. *ал - ан* 'взявший' и *ал - йāн* 'берущий', *гел - ен* 'пришедший' и *гель - йēн* 'приходящий'.

Наличие и чрезвычайно сильное распространение в кумыкском языке формы на *-агъан* было известно еще давно. П. М. Мелиоранский в своей работе «Араб-филолог о турецком языке» (СПб. 1900) посвящает этой форме (которую приводит и его арабский источник) целую главу под названием «Действительное интенсивное причастие» (стр. LIX—LXIV).

Из названных им старых работ грамматика «кавказско-татарского» языка Макарова (стр. 58) уверяет, что «в кумыкском наречии эта форма есть просто причастие настоящего времени и может быть образована от любого глагола наравне с другими формами спряжения». К этому, совер-

шенно несомненному теперь тезису Мелиоранский отнесся скептически и стал проверять продуктивность формы на *-агъан* по материалам других языков тюркской системы. Здесь (как и следовало ожидать) оказались только остатки (рудименты) формы и притом с некоторым сдвигом значения — в смысле прилагательных, означающих постоянное качество или склонность к чему-либо. При этом число корней, от которых сохранились такие формы, ограничено и повторяется во многих языках системы. Гласный $-\frac{a}{e}$ перед $-\frac{гъан}{ген}$ Мелиоранский объясняет (гипотетически) свойством разных языков системы образовывать особого рода «интенсивные» формы путем вставки широких (или узких) гласных перед основным аффиксом. В отрицательной форме элемент *-а* || *-у* + *-ма* дает «форму невозможности действия». Но здесь надо внести существенную поправку: «формы невозможности» такого типа имеют очень небольшое распространение среди языков тюркской системы и не могут выдвигаться в качестве общего явления. Это, кажется, предвидел и сам Мелиоранский, судя по его формулировке на стр. LXIV. Другой пункт, который не может быть принят, это аргументация на стр. LXII по поводу того, что в данной системе языков существуют «распространенные» и нормальные типы корня, причем первые образуются от вторых, принимая вставной гласный: *сора* и *сор* (спрашивать) и т. д. Между тем, как можно полагать теперь, первые формы не образуются от вторых, а представляют собой более старую пережиточную фазу, сохранившуюся и ныне в монгольском языке: ср. известные примеры типа *коъке* 'синий' → орхонское *коък* и т. д. Общую же мысль Мелиоранского, что гласный *а* в форме *-агъан* является элементом со специальной функцией, можно принять без особых возражений. В этом отношении аффикс *-агъан* любопытно сопоставить с аффиксом причастия будущего времени *-ажакъ*. Последний, как подтверждают другие тюркские языки, разлагается на *а* + *жакъ*: ср. кумыкскую же форму после гласных основ $-\frac{жакъ}{жек}$ (*ангъла-жакъ*) и туркменскую $-\frac{джакъ}{джек}$ для всех основ (*ал-джакъ, гель-джек*).

В виду того, что изменение формы на *-агъан* по категориям склонения и принадлежности, а также ее синтаксические функции одинаковы с формой на *-гъан*, мы ограничимся в дальнейшем отдельными примерами. Повторим только, что форма на *-агъан*, функционируя на правах прилагательного, этим самым входит в систему причастий, как причастие настоящего времени (см. в отделе причастий).

Примеры: *Сиз охуйгъан китап* 'книга, которую вы сейчас читаете'. *Мен сатагъан ат* 'лошадь, которую я (вообще) продаю'. *Мен сата турагъан ат* 'лошадь, которую я продаю сейчас'. *Сен тута турагъан балык* 'рыба, которую ты теперь ловишь'. *Мен турагъан ер* 'место, в котором я нахожусь'. *Олар яшайгъан ер* 'место, где они живут'. *Сиз гъар заман къыдырагъан бав* 'сад, в котором (где) вы всегда гуляете'. *Мен сатып алагъан* (или: *ала турагъан*) *китап* 'книга, которую я покупаю'. *Мен сатып алагъаным* = *сатып алагъан затым* 'то, что́ я теперь покупаю'. *Сен ашай-*

гъан зат адам ашайгъан затгъа ошамай 'то, что ты ешь (собственно: «вещь, которую ты ешь») непохоже на то, что едят люди'. *Сен гече къыдырагъанны (= къыдырагъан затны) биз гуьндуьз табыҥ болмайбыз* 'мы и днем не можем найти того, что ты теперь ищешь ночью' (ответ хозяина вору — из анекдота). *Агъач гесегенде* 'когда рубят дрова' (лицо не указано). *Ухлайгъан болуп алдатды* 'он притворился спящим' (дословно: «он обманул, сделавшись таким, который спит»). *Мени айтагъан болсангъ* (= *айта бусангъ*) 'что касается меня' (дословно: «если будешь говорить обо мне»). *Бир нече соъз айтагъаным бар сагъа* 'мне нужно сказать тебе несколько слов'. *Сокъур суъеген бир гоъз: эки болса, не соъз* 'мечта слепого — один глаз: два глаза было бы для него слишком много'. *Мени суъегенингни билъсем* 'если бы я знал, что ты меня любишь'. *Сув алагъан булакъда* 'на ручье, где берут воду'. *Алда юруъйген район* 'район, идущий впереди'. *Машин береген ерлер* 'места (= пункты), где (собственно: «которые») выдают машины'. *Герекли болагъан мамукъ* 'хлопок, который является необходимым'. *Кампания юруълеген заманда* 'в то время, когда проводится кампания'. *Ерлерден гелеген налог* 'налог, поступающий с мест'. *Тоъбенде гоърсетилеген куъйде* 'ниже указываемым способом'. *Шу къарарны бузмакъда такъсырланагъан адамлар* 'лица (собственно: «люди») виновные в нарушении настоящего постановления'. *Ишленеген элеваторлар* 'сооружаемые элеваторы'. *Къумач ишлеп чыгъарагъан заводлар* 'фабрики (собственно: «заводы»), вырабатывающие мануфактуру'. *Ашлыкъ басагъан машин* 'молотильная машина'. *Агроном урлукъланы не булан дарманлашдырагъанны билъмей болгъан* 'агроном не знал, чем протравлять семена'.

Форма на -ажакъ

Если форма на *-агъан* передает специфическое содержание (отглагольного имени + причастия) для настоящего времени, а форма на *-гъан* — для прошедшего, то для будущего имеется форма на *-ажакъ*. По существу — это причастие будущего времени с присущими ему аффиксами: $-\frac{ажакъ}{ежек}$ (после согласных) и $-\frac{жакъ}{жек}$ (после гласных). Из них второй вариант — первоначальный и относится к *-а-жакъ* так же, как *-гъан* относится к *-а-гъан* (см. в отделе формы на *-агъан*) — аналогия для современного кумыкского языка чисто формальная, так как теперь значение аффиксов *-а-жакъ* и *-жакъ* (но не употребление их!) одинаково. Сама по себе форма на *-ажакъ* имеет троякую функцию: 1) причастия будущего времени, если стоит без аффиксов принадлежности и склонения (см. стр. 138), 2) формы на *-гъан*, отнесенной в плоскость будущего времени, если принимает аффиксы принадлежности и склонения, 3) формы будущего II изъявительного наклонения, если принимает аффиксы сказуемости. Сейчас мы рассмотрим форму во 2-й ее функции. Общая схема здесь такова:

Единственное число

1-е лицо: (*мени*) *ал-ажагъ-ым* = А) 'мое будущее взятие' = а) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что я буду брать (возьму) и b) то, что́

я буду брать (возьму), B) тот, которого (который) я буду брать (возьму). (*Мени*) *бил-ежег-им* = A) 'мое будущее знание' = a) $\frac{\text{тот факт}}{\text{то обстоятельство}}$, что я буду знать (узна́ю) и b) то, что́ я буду знать (узна́ю), B) тот, которого (который) я буду знать (узна́ю).

2-е лицо: (*сени*) *ал-ажагъ-ынгъ*
(*сени*) *бил-ежег-инг*
перевод тот же, но применительно ко 2-му лицу.

3-е лицо: (*ону*) *ал-ажагъ-ы*, (*ону*) *бил-ежег-и*.

Множественное число

1-е лицо: (*бизин*) *ал-ажагъ-ыбыз*, (*бизин*) *бил-ежег-ибиз*.

2-е лицо: (*сизин*) *ал-ажагъ-ыгъыз*, (*сизин*) *бил-ежег-игиз*.

3-е лицо: (*оланы*) *ал-ажагъ-ы*, (*оланы*) *бил-ежег-и*.

В литературном языке встречается более последовательная форма: (*оланы*) *ал-ажакъ-лары* и (*оланы*) *бил-ежек-лери*.

Кроме приведенной положительной формы, образование на *-ажакъ* может принимать аффиксы отрицания, возможности, невозможности.

Примеры употребление формы: *мен сатажакъ ат* = *сатажакъ атым* 'лошадь, которую я продам' (буду продавать). *Мени сатажакъ атым* 'моя (собственная) лошадь, которую я продам' (буду продавать). *Онда баргъанча не айтажагъынгъы ойла* 'прежде чем туда пойти, подумай, что ты (там) будешь говорить'. *Оланы баражагъына инанма* 'не верь тому, что они пойдут'. *Мени гележегим бош болуп къалар* 'мой будущий приход останется без последствий'. *Базарда алажагъым бар* 'мне нужно кое-что купить на базаре' (дословно: «моя будущая покупка на базаре существует»). *Бережегинг бармы?* 'есть ли у тебя долг?' (дословно: «существует ли твое будущее давание?»). *Сени гележегинг бельгили* 'известно, что ты приедешь'. *Мени гележегимни билемисиз?* 'знаете ли вы, что я приеду?' *Не охужагъымны билемисен?* 'знаешь ли ты, что я буду читать?' *Мени охуп не заман битирежегими сорады* 'он спросил, когда я кончу читать' (дословно: «спросил, когда мое будущее окончание, прочитав»).

Если во фразе есть ясное указание на лицо (путем местоимения и т. д.), то аффиксы принадлежности при форме на *-ажакъ* могут факультативно опускаться или переноситься на другие имена: *сатажакъ ат-ым* 'лошадь, которую я продам' вместо *сатажагъ-ым ат*. То же положение в туркменском и во многих тюркских языках. Другие примеры: *Мен сатып алажакъ китап* 'книга, которую я куплю' (вместо более правильного: *мени сатып алажагъым китап*). *Мен бережек акъча* 'деньги, которые я заплачу' (иначе: *бережек акъча-м*; если же во фразе есть *мен*, то *акъча-м* сказать нельзя). *Мен яз ишден сонгъ атымны сатажакъны* (или: *сатажагъымны*) *неден билесен?* 'откуда ты знаешь, что я после летних работ буду

продавать свою лошадь?' *Биз баражакъ заманда къар явар* 'когда мы поедем, выпадет снег'. *Бизин гележек гуьнуьбуьзнуь айт* 'передай о дне нашего приезда' (иначе: *биз гележек гуьннуь айт*). *Оьзуь суьежек гуьнуьнде гельсин* 'пусть он придет в тот день, когда захочет'. *Биз яшажакъ уьй дым* 'дом, в котором мы будем жить, сырой'. *Сиз баражакъ арба бузукъ* 'телега, на которой вы поедете, сломана'.

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В повествовательном предложении существует определенный порядок слов, нарушение которого всегда должно быть мотивировано. В силу некоторых особенностей кумыкского языка (категория неопределенности и др.) порядок слов приобретает в нем и чисто морфологическое значение. Так, например, в предложении *ата кагъыз яза* 'отец пишет письмо' (дословно: «отец письмо пишет») только определенный порядок слов (подлежащее — дополнение — сказуемое) позволяет нам определить падежную функцию слова *кагъыз*, которое формально ничем не отличается от слова *ата*: единственным дифференцирующим фактором является здесь порядок слов. Таким образом, признаком подлежащего в этой фразе является: 1) первое место в предложении + 2) неопределенный падеж, а признаком дополнения: 1) среднее место в предложении + 2) неопределенный падеж. И если бы мы переставили слово *кагъыз* на 1-е место, то оно неизбежно стало бы подлежащим; правда в данной фразе пришлось бы менять падежную форму сло́ва *ата* и залог глагола *яза*, но можно подобрать такие фразы, где всё изменение сведется к перемене мест подлежащего и дополнения. Наличие в кумыкском языке категории определенности, а также категорий склонения и принадлежности иногда освобождает порядок слов от его морфологической функции. Так, если мы скажем: *атам кагъызны яза* 'мой отец пишет данное письмо', то характер подлежащего (*атам*) и дополнения (*кагъызны*) здесь определяется и без обращения к порядку слов. Мало того: если даже мы переставили подлежащее и дополнение, то полученная нами фраза *кагъызны атам яза* выразит в основном ту же мысль, что и предыдущая (*атам кагъызны яза*) и будет отличаться от нее только в отношении фразового акцента, о чем будет сказано ниже. Таким образом, если кумыкский язык не допускает такого свободного порядка слов, как русский (отец пишет письмо — пишет отец письмо — письмо пишет отец — пишет письмо отец — отец письмо пишет — письмо отец пишет), то он и не стоит на точке зрения, например, французского языка с его связанным порядком слов. Как известно, во французском языке в виду отсутствия склонения обязателен твердый порядок слов: *Pierre aime Paule* (Петр любит Павла), так как при перестановке *Paule aime Pierre* мы получили бы иное соотношение: Павел любит Петра.[1]) Заметим, с другой стороны, что отмеченная нами обязательность твердого порядка слов в кумыкском простом предложении за последнее время начинает нарушаться особенно в разговорной

[1]) Ср. тоже в кумыкском: *улан къыз суье* и *къыз улан суье* 'парень любит девицу' и 'девица любит парня'. Пример приведен т. М. Гафуровым.

речи, в поэзии и в переводной литературе; об этом явлении, которое связано с современным развитием языка, мы также будем говорить особо.

Выше мы видели (на кумыкском и на русских примерах), что если мы сдвинем со своего места один член предложения (например, подлежащее), то этим самым мы меняем место другого члена предложения (например, дополнения или сказуемого): ведь это то же самое, как если бы мы стали пересаживать людей, сидящих рядом на трех стульях — пересадив одного на другое место, мы, очевидно, должны были бы дать место первого этому другому. Таким образом порядок слов простого предложения покоится на принципе соотносительности: место одного члена предложения обусловливается местом другого члена и обратно — место первого обусловливает место этого другого члена. Таким образом подлежащее стоит на 1-м месте потому, что дополнение стоит не на 1-м, а дополнение стоит не на 1-м месте потому, что подлежащее стоит на 1-м. Отсюда совершенно ясно, что рассматривать вопрос о порядке членов предложения можно только тогда, если мы будем рассматривать порядок этих членов в их взаимной связи. Нельзя говорить о месте подлежащего, игнорируя те члены предложения, с которыми в этом отношении связано подлежащее, и т. д. Теперь надлежит определить, в какой ближайшей связи находятся члены предложения между собой с точки зрения порядка слов. Вопрос этот определяется составом предложения. В простом нераспространенном предложении, состоящем из одного подлежащего и сказуемого, подлежащее, естественно, и в этом отношении связано со сказуемым. В предложении *ата яза* 'отец пишет' место сло́ва *ата* зависит от места слова *яза* и обратно. Таким образом намечается линия: п о д л е ж а щ е е — с к а з у е м о е.[1]) В распространенном предложении, хотя бы в таком трехчленном, какое у нас было (*ата кагъыз яза*), подлежащее *ата*, помимо связи со сказуемым *яза*, имеет еще особые отношения с дополнением *кагъыз*, а сказуемое *яза*, помимо отношений к подлежащему *ата*, имеет еще особые отношения с дополнением *кагъыз*. Таким образом намечаются линии: п о д л е ж а щ е е — д о п о л н е н и е и с к а з у е м о е — д о п о л не́ н и е. Ниже мы увидим, что некоторые из этих линий (п о д л е ж а щ е е — с к а з у е м о е, с к а з у е м о е — д о п о л н е н и е) имеют узко-грамматическое (точнее: узко-синтаксическое) значение, а некоторые (п о д л е ж а щ е е — д о п о л н е н и е) относятся к области акцентуации предложения и лежат не только в сфере синтаксиса, но и стиля.

Рассмотрим сперва основные линии чисто синтаксического свойства.

1) П о д л е ж а щ е е — с к а з у е м о е. В простом нераспространенном повествовательном предложении подлежащее ставится на 1-м месте, сказуемое — на 2-м.

---

[1]) Ее, если угодно, можно формулировать и так: с к а з у е м о е — п о д л е ж а щ е е. Закономерность процесса от этого не изменится, подобно тому как не изменится движение поездов на линии Махачкала—Баку, если мы эту линию будем называть Баку—Махачкала.

Примеры: *Мен гирдим* 'я вошел'. *Гуън батды* 'солнце зашло'. *Биз токътадыкъ* 'мы остановились'. *Къыз куълемсиреди* 'девица улыбнулась'. *Чай йокъ* 'чаю нет' (с точки зрения кумыкского языка, подлежащее — *чай*: «чай не имеется»). *Сен билесен* 'ты знаешь'. *Сен де ант эт* 'и ты поклянись' (дословно: «ты тоже — *сен де* — поклянись»). *Азамат соъйлемей эди* 'Азамат не говорил'. *Йол тар* 'дорога узкая' (или: дорога узка). *Иш яман* 'дело плохо'. *Агъмат къайдадыр?* 'где Ахмат?' (дословно: Ахмат — где?). *Яшлар ял алалар* 'молодежь отдыхает' (точнее: молодые отдыхают). *Яшав яхшы* 'жизнь хороша'. *Душман юхламай* 'враг не спит'. *Ол яш туъгуълъ* 'он не мальчик'. *Къатын ишлей* 'женщина работает'. *Мухбир коъмек эте* 'корреспондент помогает'. *Ишлер аз туъгуълъ* 'работы не мало' (точнее: «работы [им. пад. мн. ч.] — немалые»). *Тили бир* 'язык у них один' (точнее: «его язык [по-кумыкски одно слово!] — один»).

Таким образом любое подлежащее (стоит ли оно в форме принадлежности или нет) должно занимать в предложении 1-е место, а любое сказуемое (будет ли оно простым или составным) — 2-е место.

В вопросительных предложениях аффикс вопроса теоретически ставится при том члене предложения, который нуждается в подтверждении. Чаще всего это бывает при сказуемом, реже — при подлежащем, и на порядке слов, вообще говоря, не отражается.

Примеры: *Чай йокъму* 'нет ли чаю' (точнее: «чай не имеется ли?»). *Абакар гельгенми?* 'пришел ли Абакар?' *Китабым яхшымы?* 'хороша ли моя книга?' *Атынгъ бармы?* 'есть ли у тебя конь?' (точнее: «твой конь (по-кумыкски одно слово!) имеется ли?»). *Атым яхшы туъгуълъмуъ?* 'разве мой конь не хорош?'

Сказуемое вопросительного предложения как бы притягивает к себе аффикс вопроса, и только в случае сильного логического оттенения подлежащего аффикс вопроса ставится при нем: *атымму яхшы туъгуълъ?* 'как, мой конь не хорош?' *Чаймы йокъ?* 'как, чаю нет?'

Если вопросительный характер предложения выражается не аффиксом, а вопросительными местоимениями или наречиями, то этот тип по своей структуре ничем не отличается от обычного повествовательного предложения. Ср. приведенное выше: *Агъмат къайдадыр?* 'где Ахмат?'

То же соотношение между подлежащим и сказуемым выдерживается и в простом распространенном предложении. Подлежащее с предшествующими ему и подчиненными ему элементами фразы — иначе: зона подлежащего — предшествует зоне сказуемого. Таким образом зона подлежащего состоит из: a) подчиненных подлежащему слов и b) самого подлежащего, а зона сказуемого состоит из: a) подчиненных сказуемому слов и b) самого сказуемого. При том расположении зон, которое было обрисовано выше, собственно подлежащее всегда будет предшествовать собственно сказуемому.

Примеры: *Мен* (подлежащее) *линейка булан къаладан бара эдим* (сказуемое) 'я ехал на линейке из города' (точная схема: «я | на линейке из города | ехал»). *Мен* (подлежащее) *чемоданымдан эки сапарлыкъ иста-*

къанчиклени чыгъардым (сказуемое) 'я вытащил из моего чемодана два походных стаканчика' (точная схема: «я | из моего чемодана два походных стаканчика | вытащил»). *Баягъанокъ егильген атлар* (подлежащее) *къар сувукъда токътап бузлап тура эдилер* (сказуемое) 'давно запряженные кони продрогли на снегу'. *Бу бир йылны ичинде коъп агълуълуъ ожакълагъа гъукумат ягъындан коъмек гьисапда 2793 минг манат акъча берильген* 'в течение одного этого года правительством в счет помощи многосемейным отпущено 2793 тысячи рублей' (точная схема: «этого одного года в течение многосемейным правительства со стороны помощи в счет 2793 тысячи рублей деньги | даны»).

Если подлежащее в нераспространенном предложении переставить на место сказуемого, то мы будем иметь то, что в грамматиках называется латинским термином и н в е р с и я (*inversio* — перемещение). Как мы отметили выше, передвижение подлежащего вызывает одновременное передвижение сказуемого и обратно: поэтому говорить, например, об инверсии сказуемого, как обычно делают грамматики, нецелесообразно: отдельной инверсии сказуемого (без инверсии подлежащего) не существует, и можно говорить только об инверсии по линии п о д л е ж а щ е е — с к а з у е м о е.

Причины инверсии лежат вне грамматики как таковой. Инверсия является отображением особых логических или психологических условий, под впечатлением которых говорящий высказывает свою мысль. Прежде всего инверсия является средством усиления так наз. фразового ударения или логического акцента. В кумыкском синтаксисе (как и в синтаксисе других тюркских языков) существует такое положение: для того, чтобы логически оттенить какой-нибудь член предложения в целом предложении, необходимо изменить место этого члена. Это, как мы уже знаем, неизбежно вызовет перемещение другого члена предложения, с которым 1-й член находится в соотносительной связи; тем не менее «движение» можно начать с какого-нибудь одного члена предложения. Таким образом, если необходимо логически акцентуировать подлежащее (больше, чем это делается в обычном повествовательном предложении), то мы должны поставить его на место сказуемого; если необходимо выдвинуть сказуемое, мы ставим его на место подлежащего. Так при *ол гетди* 'он ушел' возможно предложение *гетди ол* или *гетди чи ол* 'ушел ведь он!' (Другой способ — постановка энклитики $\frac{да}{де}$: *мен де гельдим* 'и я тоже пришел'.)

Кроме того, перестановка подлежащего и сказуемого производится тогда, когда говорящий произносит свои слова с подъемом, энтузиазмом, влагает в них призыв к слушателям. Эта инверсия по психологическим основаниям получила свое законченное выражение в форме лозунгов, в которых сказуемое всегда ставится в начале предложения (нераспространенного или распространенного — безразлично).

П р и м е р ы: *Яшасын ватаныбыз!* 'да здравствует наша родина!' *Яшасын уллу ватаныбыз!* 'да здравствует наша великая родина!' *Йокъ болсун летунлар ва прогульщиклер* 'долой (дословно: «пусть будут несуществующими!») летунов и прогульщиков!'.

В распространенном предложении также встречается инверсия подлежащего (реже: инверсия сказуемого), но там она может производиться за счет второстепенных членов; таким образом при инверсии подлежащего сказуемое может и сохранять свое прежнее место.

Примеры: *Университет городокда 18 мартда сав гуьннуь узагъына дав болгъан* 'в Университетском городке в течение всего 18-го марта шел бой'.

В этом предложении логический акцент падает на слово *бой*, которое по-русски отодвинуто на самый конец предложения, а по-кумыкски снято со своего обычного места и поставлено перед сказуемым (дословно по-кумыкски сказано: «в Университетском городке 18-го марта всего дня в течение *бой* был»).

Ср. еще: «*Мени тутуп байлагъыз*», *деди*: «*рельсни-мен тайдыргъанман* — «вяжите меня», сказал он: «рельс-то я отворотил!» Здесь при обычном характере повествования было бы сказано: *мен рельсни тайдыргъанман* (я отворотил рельс). Но так как по условиям контекста здесь предполагается логическое ударение на *мен* (я) — в этом ведь весь смысл фразы! — то слово *мен* сдвинуто со своего места вправо и поставлено перед сказуемым.

Особый случай инверсии подлежащего и сказуемого наблюдается в литературной (особенно переводной) речи. Если в главное предложение вставлена прямая речь, то в замыкающей ее части главного предложения мы имеем обратный порядок слов: сперва сказуемое, а потом подлежащее. Такой порядок стал теперь своего рода правилом стиля. Поскольку же это правило особенно сильно практикуется при переводах с русского и полностью отражает русский порядок, — можно предполагать здесь известное влияние русского строя речи.

Пример: «*Оъз оъмуъруъмде*» — *дей Семен* — «*мен аз къайгъы гоърмедим*». — «В своей жизни», говорит Семен, «видел я не мало горя». Формально следовало бы ожидать: *Семен дей*, но чужая речь (= слова Семена) логически теснее связана со сказуемым *дей*, чем с подлежащим *Семен*, и, очевидно, поэтому сказуемое выдвинуто вперед. По старой письменной традиции следовало бы сказать: *Семен: «Оъз оъмуъруъмде аз къайгъы гоърмедим» деп айтды*, но такой тип построения в настоящее время вытесняется предыдущим. Процесс этот отмечен не только в кумыкском, но и в целом ряде других тюркских языков (башкирский, поволжско-татарский, крымско-татарский и др.).

Ср. еще пример: «*Муна чергеслер» деп давам этди ол* — «Вот черкесы», продолжал он. Здесь порядок слов в главном предложении: *давам этди* (сказуемое) — *ол* (подлежащее). Традиционный порядок: *Ол: «Муна чергеслер» деп давам этди* звучал бы слишком искусственно даже для старой письменной речи. Ср. еще пример: *нечик болду дагъы шо иш* 'как же это (дело) произошло?' Здесь ударение на слове *нечик* (как) неизбежно влечет за собой сказуемое, к которому примыкает слово *нечик*. Получается несколько приподнятый, эмоционально выраженный вопрос; обычный поря-

док (допустимый): *бу иш нечик болду?* звучал бы канцелярски - бесстрастно. Ср. еще: *ону аты ким эди? деп сорадым мен Максим Максимовичге* — «Как его звали?» спросил я Максима Максимовича. Старый традиционный тип — *мен Максим Максимовичге: «Ону аты ким эди?» деп сорадым* (= Я спросил Максима Максимовича: «Как его звали?») здесь исключается по следующим соображениям. Слова «Как его звали?» ближайшим образом связаны с контекстом: они намекают на того, о ком только что была речь. И вот для того, чтобы наше предложение теснее связать с предыдущим, в нашем предложении и выдвинуты вперед те части, которые могут обеспечить эту связь наиболее тесно. Таким образом, эта инверсия вызвана, если можно так выразиться, стилистическими соображениями.

2) Дополнение — управляющий глагол. В обычной повествовательной речи всякое дополнение (прямое или косвенное) предшествует управляющему глаголу. В случае инверсии — дополнение должно ставиться после управляющего глагола. Под «управляющим глаголом» мы подразумеваем не только сказуемое, как это фактически чаще всего и бывает, но и любой член предложения, выраженный глаголом, при котором есть дополнение. Линия «сказуемое — дополнение» явится, таким образом, частным случаем более общей линии, которая вскрывается в сочетании «дополнение — управляющий глагол».[1])

Примеры: *Ол китап охуй* 'он читает книги'. *Ол китапны охуй* 'он читает (эту) книгу'. В обоих случаях мы имеем такой порядок: «он книги (всякие вообще) читает» и «он книгу (эту) читает». *Ол юллесин тарта* 'он тянет свою трубку'. *Арекде бир завод ачгъанлар* 'вдалеке завод открыли'. *Ол гъар гуън олагъа къайнар самовар ва туъш аш алып геле эди* 'он каждый день приносил им кипящий самовар и обед' (дословно: «. . .самовар и обед приносил»). *Янгъы ерлеге насип къыдыра гетдилер* 'они ушли в новые места искать счастья' (кумыкский порядок: «счастья искать»). *Сыйыр, ат сатып алажакълыгъын ойлашмагъа башлады* 'он начал думать о том, что купит корову, лошадь'. (В этом предложении дополнения *сыйыр* и *ат* стоят перед своим управляющим глаголом *алажакълыгъын*, а само *алажакълыгъын*, как дополнение, в свою очередь поставлено перед своим управляющим глаголом — *ойлашмагъа*.) *Огъар бърыда тарыкълы затланы бердилер* 'ему дали все необходимые вещи' (точная схема: «. . .вещи дали»). *Винтлени бегетмеге ачгъыч* 'ключ для укрепления винтов' = 'ключ, чтобы укреплять винты' (здесь дополнение *винтлени* поставлено перед своим управляющим глаголом *бегетмеге*; какую бы роль в целом предложении ни играл приведенный отрывок, взаимное расположение обеих его частей должно быть именно такое). *Эки китап да бердилер* 'дали и две книги'. *Оъзуънуъ участкасын айлана* 'он обходит свой участок' (точная схема: «. . .свой участок обходит»). *Инструкцияланы да уъйренди* 'он выучил и инструкции'. *Оъзуъ йолну мастерине барды* 'сам он пошел к дорожному мастеру' (точная схема:

[1]) Разбирая вопрос о «дополнении — управляющем глаголе», мы не будем повторять то, что говорится в своем месте о категориях определенности и неопределенности и об употреблении неопределенного и винительного падежей.

«. . .к мастеру пошел»). *Ону тайдырып башгъасын салмагъа суъе эдилер* 'они хотели устранить его и назначить другого'. (В этом предложении 3 дополнения: его = *ону*, другого = *башгъасын* и назначить = *салмагъа*; каждое из них стоит перед своим управляющим глаголом: *тайдырып*, *салмагъа* и *суъе эдилер*). *Анасына бакъ, къызын ал* (посл.) 'смотри на мать, бери дочь'. *Атасын оълтуъргенни уланы унутмас, къуйругъун гесгенни йылан унутмас* (посл.) 'сын не забудет того, кто убил его отца; змея не забудет того, кто отрубил ей хвост'. (В этом предложении дополнение *атасын* стоит перед своим управляющим глаголом *оълтуъргенни*, а само *оълтуъргенни* — перед своим управляющим глаголом *унутмас*; таково же соотношение между *къуйругъун — гесгенни* и *гесгенни — унутмас*.) *Бал тутгъан бармагъын ялар* (посл.) 'кто мед держит, тот и пальцы облизывает' (дополнения *бал* и *бармагъын* стоят перед управляющими глаголами). *Бийге инанма, сувгъа таянма* (посл.) 'на бия не полагайся, на воду не опирайся'.

Примечание. На том же соотношении «дополнение — управляющий глагол» основан распорядок в сложных глаголах, составленных из именной части и вспомогательного *этмек* (делáть) и других.

Примеры: *Коъмек этмек* 'помогать' (дословно: «помощь делать»), а не *этмек коъмек*; *жавап бермек* 'отвечать' (дословно: «ответ давать»), а не *бермек жавап*; *къабул этмек* 'принимать' а не *этмек къабул*; *икрам этмек* 'кланяться, уважать', а не *этмек икрам*; *къуллукъ этмек* 'служить', а не *этмек къуллукъ* и т. д.

Если в предложении имеется несколько дополнений, то возможны два случая: 1) несколько прямых или несколько косвенных — иначе говоря, однородные дополнения и 2) прямое и косвенное или прямые и косвенные — иначе говоря, разнородные дополнения. Однородные дополнения ставятся одно перед другим в порядке их смысловой значимости с точки зрения говорящего, причем все они, разумеется, предшествуют своему управляющему глаголу. Разнородные дополнения в обычном повествовательном предложении (без инверсии) располагаются следующим образом: косвенное дополнение предшествует прямому. Таким образом, здесь намечается побочная линия: косвенное дополнение — прямое дополнение.

Примеры: *Итге чарыкъ этсенг, оъзуъ ашар* (посл.) 'если ты сделаешь собаке *чарык* (= лапоть), она его съест' (точная схема: «собаке *чарык* если сделаешь. . .»). *Йиламагъан яшгъа эмчек бермес* (посл.) 'неплачущему ребенку груди не дают'. *Мен огъар оъзуъмнуъ танытдым* 'я назвал ему себя' (собственно: «я познакомил меня с ним»). *Ол магъа бийик бир тав гоърсетди* 'он показал мне (одну) высокую гору'. *Огъар квартира бердилер* 'ему дали квартиру'. *Ол бизге кёйлар гелътире ва учуз сата* 'он приводит нам овец и дешево продает (их)'. *Бизге булай эки юз манатны ким белгилеген?* 'кто назначил нам эти двести рублей?' *Сагъа гертисин айтаман* 'я тебе правду говорю!' *Мен чыдамадым, огъар бир соъз айтдым* 'я не вытерпел,

сказал ему одно слово'. *Игелип олардан бирин ала* 'нагнувшись, он берет одно из них'. *Магьаммат огъар ишни айтды* 'Махаммат изложил ему дело'.

Примеры на инверсию дополнения: *Сакъла саманны — гелир заманы* (посл.) 'береги солому, придет и ее время'. *Мен билемен: къарт кавказлылар суьлемер соьйлемеге, хабарламагъа* 'я знаю: старые кавказцы любят говорить, беседовать'. *Огъ, не коьп аваралар берди дагъы ол магъа!* 'ох, и сколько же он мне доставил хлопот!' *Не буюрасыз этмеге?* 'что прикажете делать?' *Не этмеге герек эди магъа шону булан?* 'что мне с ним нужно было делать?' *Ер ютсун оланы будкасын!* 'чтоб земля проглотила их будку!' *Беригиз сизин шоьшгегизни!* 'отдайте вашу шашку!'

В приведенных выше примерах инверсия дополнения сопряжена с инверсией сказуемого (= управляющего глагола). Но как мы говорили выше, при инверсии дополнения сказуемое может оставаться на месте, взамен чего производится инверсия подлежащего. Так как подлежащее не связано непосредственно с дополнением, то этот тип инверсии можно назвать неграмматическим.

Примеры: *Буьтуьн шу ишни къазакълар гоьрдуь* 'все это (дело) видели казаки' (вм. обычного: *къазакълар буьтуьн шу ишни гоьрдуь*). *Рельсни мен тайдыргъанман* 'рельс-то я отворотил' (вм. обычного: *мен рельсни тайдыргъанман*).

3) Обстоятельство — управляющий глагол. По общему правилу и здесь обстоятельство (времени, места, причины, цели и образа действия) должно стоять перед управляющим глаголом — чаще всего перед сказуемым. Однако нужно заметить, что обстоятельства (особенно обстоятельства времени и места) гораздо слабее связаны со своим управляющим глаголом, чем, например, дополнение: обстоятельства могут относиться не столько к одному члену предложения, сколько ко всему предложению, и в этом случае они могут стоять в самом начале предложения, левее зоны подлежащего. Такое употребление обстоятельств для связи с предыдущей фразой осуществляется в целях стиля и основывается на том, что обстоятельства представляют собой, конечно, менее ценные элементы мысли, чем другие члены предложения, и потому легче могут быть использованы для побочных целей. Если же обстоятельства «логически прикреплены» к управляющему глаголу и, следовательно, стоят перед ним, — они непременно должны находиться под логическим акцентом.

Приведем примеры сперва на тот случай, когда обстоятельства тесно связаны с управляющим глаголом: *Сен мунда нечик чыкъгъансан?* 'ты сюда как попал?' *Сен нечик мунда чыкъгъансан?* 'как ты попал сюда?' *Гьали къайда барасан?* 'теперь куда идешь?' *Абакар къатыны булан Хасав-юртгъа барды* 'Абакар вместе с женой отправился в Хасав-юрт'. *Мен линейка булан къаладан гетип бара эдим* 'я возвращался на линейке из города'. *Шолай атны буьтуьн Къабартыда тапмассан* 'такой лошади ты не найдешь во всей Кабарде'. (В последнем примере акцентуация слов = *буьтуьн Къабартыда* связана с инверсией дополнения; обратный случай: *буьтуьн Къабар-*

тыда шолай атны тапмассан 'во всей Кабарде такой лошади не найдешь!'). *Булай яв нечик баражакъсан?* 'так вот пешком как же ты пойдешь?' *Барыда затларын куьйуь булан онгъаргъан* 'все дела (или: всё) он сделал как следует' (= *куьйуь булан*). *Башында Зайнал сав гечелени узагъына ухламай эди* 'первое время Зайнал целые ночи (дословно: «вдоль целых ночей» = *сав гечелени узагъына*) не спал'. *Ихтияр неге алмадынгъ?* 'а разрешения ты почему не взял?' *Бу иш неден болду?* 'все это (дословно: «это дело» = *бу иш*) из-за чего произошло?'

В противном случае обстоятельства для связи с предыдущей фразой выдвигаются в самое начало предложения, левее зоны подлежащего. Этот «описательный» порядок слов одинаково свойственен и кумыкскому, и русскому языкам.

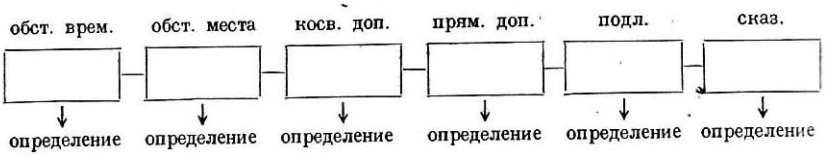
Примеры: *Мундан доърт чакъырым арекде гетген йыл йип ийиреген бир уллу завод ачгъан эдилер* 'в четырех верстах отсюда в прошлом году открыли большой прядильный завод'. *Онгъ якъда ва сол якъда къоркъунчлу учурумлар гьоруьне эди* 'справа и слева виднелись страшные пропасти'. *Алдын йимик баягъы лакъырланы соьйлемеге башладылар* 'как и прежде, они принялись за те же самые беседы' (*алдын йимик* как и прежде — обстоятельство). *Мундан тогъуз йыл алдын о давда болгъан* 'девять лет тому назад он был на войне'. *Ондан сонгъ о Магьачкъалагъа гельди* 'после этого он приехал в Махачкалу'. *Бу арада чайыбыз гьазир болду* 'за это время нам был приготовлен чай' (дословно: «был приготовлен наш чай»). *Шондан сонгъ биз бир-бирибизден айрылмадыкъ* 'после этого мы не расставались друг с другом'. *Ону учун йолну айланып къатыны къарай эди* 'поэтому-то обход путей производила его жена' (т. е. по болезни стрелочника железной дороги дежурила его жена).

Если в предложении имеется одновременно несколько однородных обстоятельств (например, несколько обстоятельств времени, несколько обстоятельств места и т. д.), то они располагаются в таком порядке: впереди идет обстоятельство более общего характера, а за ним — обстоятельства, последовательно конкретизирующие время, место и т. д.

Примеры: *Бир керен полк давда алдагъы сатырда болгъан* 'один раз полк был в сражении, на передовой линии' (здесь из двух обстоятельств места первое *давда* носит более общий характер, а второе — *алдагъы сатырда* — более конкретный). *Арекде йол уьстуьнде чангъ гоьтериле эди* 'вдали (1-е обстоятельство места), на дороге (2-е более конкретное обстоятельство места), поднималась пыль'. *1937-нчи йылда 15-нчи январьда Вагина комсомолдан чыгъарыла* '15-го января 1937-го года (по-кумыкски обратный порядок: 1937-го года, 15-го января) Вагина исключается из комсомола'. *РД-25 самолёту 1937-нчи йыл 12-нчи июльде Москва вакътысы булан 3 сагъат 21 минута заманда Щелковский аэродромдан учду* 'самолет РД-25 вылетел со Щелковского аэродрома 12-го июля 1937-го года, в 3 часа 21 минуту по московскому времени'. (В кумыкском оригинале имеем такое расположение обстоятельств времени: 1937-го года, 12-го июля, в 3 ч. 21 м. по московскому времени, т. е. переход к постепенной конкретизации времени).

Примеры на инверсию обстоятельства в связи с инверсией сказуемого: *Гет мундан!* 'уходи отсюда!' (вм. лишенного всякой эмоциональности и грамматически правильного оборота: *мундан гет!*). *Гетдик онда* 'пошли мы туда' (обычный порядок *онда гетдик* означал бы: «мы пошли туда»).

4) Определение — определяемое. Здесь необходимо с самого начала подчеркнуть, что линия определение — определяемое не входит в структурные рамки предложения. Эта линия является независимой от общего порядка предложения; она является как бы параллельной к линиям: 1) подлежащее — сказуемое, 2) дополнение — сказуемое, 3) обстоятельство — сказуемое. И если, как мы видели раньше, линия дополнение — сказуемое склонна расшириться в линию дополнение — управляющий глагол, т. е. из линии предложения превратиться в линию словосочетания, то линия определение — определяемое всегда является линией словосочетания. В самом деле: определение может быть при любом члене предложения: подлежащем, сказуемом, дополнении, обстоятельстве — и потому место определения во фразе будет зависеть от того, где стоит его определяемое. Следовательно, говорить о месте определения во фразе, не учитывая места определяемого, — нельзя. Можно говорить только о месте определения и определяемого сообща. В какой же связи находятся место определения и место определяемого? Определение (всякого типа) должно стоять перед своим определяемым, каким бы членом предложения это определяемое ни являлось. Таким образом определение относится к порядку слов в предложении так, как это показано на следующей схеме:

Примеры на определение и определяемое: *Къумукъ тиль* 'кумыкский язык' (определение — существительное). *Гуъмуъш сагъат* 'серебряные часы' (определение — существительное). *Магъаммагны сыйыры* 'корова Махаммата' (определение — существительное). *Къарт гиши* 'старый человек' (определение — прилагательное). *Уъч китап* 'три книги' (определение — числительное). *Уъчуънчуъ китап* 'третья книга' (определение — числительное). *Бу китап* 'эта книга' (определение — местоимение). *Язгъан гиши* 'написавший человек' (определение — причастие). *Налат болгъур тав* 'проклятая гора' (дословно: «проклятой чтобей быть | гора»; определение — глагольная форма).

По общему правилу определение, стоя перед определяемым, не изменяется ни по каким морфологическим категориям.

Так же конструируются и сложные определения, по существу придаточные определительные с опущенным сказуемым: *сиз чи (бир) юреги ягшы*

гишисиз 'вы ведь человек с добрым сердцем'. В этой фразе сложный эпитет *юреги яхшы гиши* (вместо *юреги яхшы болагъан гиши*) (дословно означает: «человек, сердце которого хорошее»).

Обратный порядок (определяемое — определение) в кумыкском разговорном и литературном языке (исключая поэзии) не встречается. Исключения — крайне редки и всегда говорят о заимствованных конструкциях. Здесь можно отметить такие примеры, как *Хасболат мескин* 'бедный Хасболат', где ясно видно влияние арабских сакральных формул, стоявших после определяемого. С другой стороны, отметим современные термины из двух слов, заимствованные из русского языка, как единое целое: *член колхоз* 'член колхоза' (по-кумыкски мы бы ожидали *колхоз член*), *ден урожай* 'день урожая' и т. д. Подобные конструкции часто встречаются в разговорной речи и в газетах. Вообще же порядок постановки определения и определяемого стандартен, поскольку нарушение его превращает словосочетание (определение + определяемое) в целое предложение (подлежащее + сказуемое). Ср. *къарт Абакар* 'старый Абакар' и *Абакар къарт* 'Абакар—старик'.

Инверсия определения. Мы только что видели, что определение не может изменить своего места без радикального нарушения смысла. Поэтому инверсия определения не может выражаться в перемене места определения, как мы это видели относительно других членов предложения. Инверсия определения может выражаться или в интонации (как и по-русски), или в использовании слова *бир* (один, какой-то), которое в этом случае ставится между определением и определяемым. Строго говоря, эти два способа не противоречат один другому, а, наоборот, укрепляют друг друга. *Гъажиев авруйгъан ва янчылгъан бир адам эди* 'Хаджиев был человек болезненный и искалеченный'. *Бийик бир тав* 'высокая гора' (по-русски надлежит произнести: «вы-ысо-о-окая гора» в отличие от *бир бийик тав* 'какая-то высокая гора' или *бийик тав* 'высокие горы || высокая гора').

Инверсия аффикса -$\frac{да}{де}$. Безударный аффикс -$\frac{да}{де}$, выполняющий функции союза «а, же, но», сопровождает любые члены предложения (кроме определения), находящиеся в состоянии инверсии, и, таким образом, формально подчеркивает инверсию.

Примеры: *Эки жумадан къатыны да гельди* 'через две недели и жена его приехала'. *Инструкцияланы да уьйренди* 'он выучил и инструкции'. *Бу йолдан поездлер де аз юруьй эди* 'по этому пути и поездов-то мало ходило'. *Олар гьали барыда бир зат да бильмей олтуралар* 'они и теперь ничего-то не знают' (дословно: «...сидят, ничего-то не зная»). *Мен де гельдим* 'и я пришел'.

СОГЛАСОВАНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО СО СКАЗУЕМЫМ

Как и во всех тюркских языках, подлежащее и сказуемое по-кумыкски могут согласовываться только в лице и в числе: согласование в роде отсутствует, поскольку отсутствует и сама грамматическая категория рода.

Поэтому, «я стар» и «я стара» по-кумыкски будет одинаково: *мен къартман*, а «я кумык» и «я кумычка» также будут звучать одинаково: *мен къумукълуман*. В новом языке грамматическая категория женского рода выступает прежде всего юридическим путем — через фамилии (Гафуров — Гафурова = *Гъафуров — Гъафурова*) и советизмы типа: рабочий — работница, ударник — ударница и т. д.

Что касается согласования в числе, то тут можно наметить следующие основные моменты:

1) Если подлежащее стоит во множественном числе и выражает предмет одушевленный, то сказуемое м о ж е т стоять во множественном числе.

П р и м е р ы: *Адамлар гельдилер* (и *адамлар гельди*) 'люди пришли'. *Яшлар авруйлар* (и *яшлар авруй*) 'дети хворают'. *Яшлар школагъа баралар* (и *яшлар школагъа бара*) 'дети идут в школу'. *Къумукълар Дагъыстанда яшайлар* и *къумукълар Дагъыстанда яшай*) 'кумыки живут в Дагестане'.

Между двумя параллельными формами существует некая теоретическая разница, примерно такая же, какая отмечается между двумя русскими выражениями: п р и ш л о д е с я т ь ч е л о в е к и д е с я т ь ч е л о в е к п р и ш л и. В выражении *адамлар гельди* 'люди пришли' понятие *адамлар* понимается коллективно, суммарно; единственное число сказуемого подчеркивает единство действия, т. е. все эти люди пришли как один, все вместе. Другими словами, логический акцент в этом случае должен лежать на слове *адамлар* (в русском 'пришло десять человек' акцент лежит на 'десять человек'). В случае же *адамлар гельдилер* 'люди пришли' логический акцент переходит на слово *гельдилер*; это понятие находится в центре внимания и воспринимается как дифференцированное: люди приходили не все вместе, а поодиночке, один за другим (ср. русское 'десять человек пришли'. . . и сделали еще что-то). Само собой разумеется, что не во всяком контексте подобное соотношение строго выдерживается: иногда оно превращается в своего рода стилистические дублеты, которые говорящий или пишущий (особенно: в поэзии) употребляет более или менее произвольно. Это замечание мы склонны применить к последнему из приведенных нами выше примеров: *къумукълар Дагъыстанда яшайлар* (или: *яшай*).

2) Если подлежащее стоит во множественном числе и обозначает предмет неодушевленный или животных, то сказуемое обыкновенно ставится в единственном числе.

П р и м е р ы: *Китаплар столда тура* 'книги лежат на столе', *яз башда тереклер япракъ ала* 'весной деревья покрываются листьями', *татавуллар агъа* 'канавы наполняются водой' (собственно: текут), *сувлар бузлагъан* 'реки (собственно: «воды») замерзли' (собственно: «покрылись льдом»), *къушлар уча* 'птицы улетают', *тереклер чечек ачгъан* 'деревья покрылись цветами' (= начали цвести), *трамвайлар бара* 'трамваи идут', *арбалар бара* 'арбы катятся' (собственно: «едут < идут»), *заманлар гете* 'времена проходят', *туварлар къайтып гете* 'стада идут обратно' (возвращаются).

Если подлежащее — составное из разных лиц (грамматических), то сказуемое ставится во множественном числе; грамматическое же лицо сказуемого определяется следующими положениями:

1) Если в числе других лиц имеется 1-е лицо, то сказуемое ставится в 1-м лице.

Примеры: *Сен де, мен де бир орамда яшайбыз* 'ты и я живем на одной улице'. *Мен де, олар да станцияда олтуруп турамыз* 'я и они сидим на станции'. *Мен де, сиз де мунда къаламыз* 'я и вы остаемся здесь'. *Мен де, сен де бир эдик,* | *Бавгъа битген гуьлъ эдик* (народная песня) 'я и ты были — одно, мы были розой, выросшей в саду'.

2) Если подлежащее включает в себя 2-е и 3-е лица (обоих чисел), сказуемое ставится во 2-м лице.

Примеры: *Сен де, о да бир зат да билъмейсиз* 'и ты, и он ничего не знаете'. *Сиз де, олар да орамда турасыз* 'и вы, и они стоите на улице'.

КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В кумыкском языке (как и во всех тюркских) существительные разделяются на такие, которые уже были предметом нашего опыта и потому теперь являются для нас известными и определенными, и на такие, которые вводятся рассказчиком впервые и потому являются для нас неизвестными, еще не бывшими предметом нашего опыта. Как та, так и другая категория может измеряться с точки зрения единичности и множественности (коллективности). Не трудно заметить, что эти две категории до известной степени соответствуют европейским категориям с определенным и неопределенным членом. Последовательное употребление определенного и неопределенного члена в европейских языках оформляет эти две категории, как морфологические; в кумыкском же языке, где оба члена (артикля) не имеют такого развития, категории определенности и неопределенности принадлежат к чисто синтаксическим явлениям. Особенностью их является то, что они не связаны ни с какими специфическими аффиксами (и это мешает нам относить их к морфологии), но зато сопутствуют категории склонения или точнее: стоят в связи с употреблением тех или иных падежей в чисто синтаксическом плане.

Прежде чем перейти к этому употреблению падежей, остановимся на том, какие существуют в кумыкском языке типы определенности и неопределенности и как они выражаются. Существует определенность единичная и коллективная. В начальном падеже (который мы назвали неопределенным для всех категорий) единичная определенность выражается формой *бу ат* (ср. франц. *le cheval*, нем. *das Pferd*), а коллективная *бу атлар* (франц. *les chevaux*, нем. *die Pferde*). И в том, и в другом случае речь идет о строго известном нам коне или конях, причем в последнем случае (кони) мы предполагаем, что это множество состоит из отдельных единиц, каждая из которых нам конкретно известна и могла бы быть названа *бу ат*. Показатель множественности *-лар* в этом случае необходим, так как он позво-

ляет нам отличить единичную определенность от коллективной определенности. Ср. еще: *бу китап* 'эта книга' и *бу китаплар* 'эти книги'. При склонении слов, стоящих в категории определенности, к ним прибавляются по порядку все падежные аффиксы; при этом в грамматических падежах (родительном, дательном [1]) и винительном) определитель *бу* может отпасть и передать свои функции одним падежным аффиксам. Таким образом схема склонения будет следующая:

Н.	*бу ат*	*бу атлар*
Р. - В.	(*бу*) *ат - ны*	(*бу*) *атла - ны*
Д.	(*бу*) *ат - гъа*	(*бу*) *атла - гъа*
М.	*бу ат - да*	*бу атлар - да*
И.	*бу ат - дан*	*бу атлар - дан*

Что касается категории неопределенности, то здесь тоже различаются два случая: 1) неопределенность единичная и 2) неопределенность коллективная. В первом случае мы имеем такие формы, как *бир ат* (франц. *un cheval*, нем. *ein Pferd*) и *бир китап* (франц. *un livre*, нем. *ein Buch*), а во втором случае *ат* (франц. *des chevaux*, нем. *Pferde*) и *китап* (франц. *des livres*, нем. *Bücher*). Необходимо подчеркнуть, что формы *ат*, *китап* и т. д. в кумыкском (и во всех тюркских) обозначают вовсе не одного какого-нибудь коня или одну какую-нибудь книгу (в этом случае перед существительным должны быть фактически поставленные или подразумеваемые *бу* или *бир*): *ат* и *китап* означают всю вообще категорию коней и всю вообще категорию книг. При этом внутри данной категории коней и книг мы не производим какой-либо дифференциации: мы знаем, что в *ат* заключается не один конь, а несколько, в *китап* — не одна книга, а несколько, но разбить это количество на отдельные единицы и квалифицировать каждую из них в отдельности мы не можем, так как это для нас не важно или так как мы еще не ознакомились с предметом. Таким образом *ат* представляется для нас какой-то неопределенной группой коней, а *китап* какой-то неопределенной группой книг. В количественном отношении мы знаем только, что коней и книг несколько, а в качественном отношении условно принимаем, что они однородны, что они принадлежат к одной и той же качественной категории. С этой точки зрения понятно, что при числительных количественных ставится формально единственное число: *отуз ат* 'тридцать коней'. На самом деле это не единственное число, а неопределенная множественность однородной категории: тридцать (одинаковых) коней; если бы говорящий был уверен в разнородности категории *ат*, то он теоретически должен был бы сказать: *отуз атлар*, каковые выражения иногда встречаются в тюркских языках. Аффикс - $\frac{лар}{лер}$ вообще указывает на подсчет по единицам и, следовательно, лучше всего может передать разнородность категории: *къыркъ* сорок (одинаковых предметов), *къыркъ-лар* (в новом языке) комиссия сорока (отдельных представителей). Ср. еще:

[1]) Дательный падеж здесь берется только в функции грамматического падежа, а не пространственного.

не гоърдуьм! 'что только я видел!' (это «что» более или менее однотипно) и *нелер гоърдуьм!* 'что за вещи такие я видел!' (*нелер* обязательно означает «вещи» разного типа, явления различного порядка). И, наконец, ср. *олар гельди* 'они пришли' (все вместе, как один, как одна категория) и *олар гельдилер* 'они пришли' (поодиночке, каждый в отдельности, один за другим и т. д.). В последнем примере имеется аналогия из русского синтаксиса: «пришло (*гельди*) 10 человек» и «пришли (*гельдилер*) 10 человек».

При склонении категории неопределенности в грамматических падежах (кроме дательного) падежные аффиксы не ставятся, т. е., иначе говоря, сохраняется форма неопределенного падежа; при этом слово *бир* единственного числа может в этом случае факультативно отпадать. Приведем общую схему склонения:

И.	*бир ат*	*ат*
Р. - В.	(*бир*) *ат*	*ат*
Д.	*бир ат - гьа*	*ат - гьа*
М.	*бир ат - да*	*ат - да*
И.	*бир ат - дан*	*ат - дан*

Формы единичной и коллективной неопределенности различаются словом *бир* и в некоторых случаях совпадают. Употребление этих форм связано с синтаксисом падежей. Мы знаем, что русской фразе: «я видел коня» соответствуют, в зависимости от контекста, две кумыкских фразы: 1) *мен атны гоърдуьм* 'я видел (этого) коня' — единичная определенность, 2) *мен бир ат гоърдуьм* 'я видел какого-то коня' — единичная неопределенность. Русской фразе «я видел коней» соответствует целых 3 кумыкских фразы: 1) *мен атланы гоърдуьм* 'я видел (этих) коней', 2) *мен ат гоърдуьм* 'я видел каких-то коней' (одного типа) — коллективная неопределенность и 3) *мен атлар гоърдуьм* 'я видел каких-то коней' (разного типа) — тоже коллективная неопределенность. Второй и третий случаи, исходя из того, что было сказано выше, можно различать, как а) коллективную неопределенность однородной категории и b) коллективную неопределенность разнородных категорий. Из сопоставления таких фраз, как *мен ат гоърдуьм* с такими, как *мен атны гоърдуьм* видно, что в данном случае неопределенный падеж функционирует параллельно винительному. Иными словами: прямой объект при переходном глаголе ставится в винительном падеже только тогда, когда данное слово удовлетворяет условиям категории определенности; в противном случае ставится неопределенный падеж.

Если взять далее такие примеры, как *китап багьасы* 'книжная цена', *китап -ны багьасы* 'цена этой книги', *китапла - ны багьасы* 'цена этих книг', *китаплар багьасы* 'цена каких-то (разного типа) книг', — то мы установим, что неопределенный падеж функционирует параллельно родительному. Это бывает в конструкции изафета или определительной группы существительных. В этой конструкции определение — существительное ставится в родительном падеже только тогда, когда оно подходит под категорию определенности; в противном случае употребляется неопределенный падеж.

Неопределенный падеж вместо родительного употребляется еще в конструкции с послелогами, что становится очевидным, если сопоставить такие примеры: *китап учун* 'для книги' и *мени учун* 'для меня'.

Таким образом, категория определенности всегда связана с полным грамматическим оформлением (падежные аффиксы), а категория неопределенности — наоборот: с заменой оформленных падежей неоформленным (т. е. неопределенным). Между тем существуют такие грамматические категории, которые по своему смысловому содержанию могут относиться только к категории определенности. Сюда относятся некоторые местоимения (личные и указательные) и собственные имена существительные. Местоимения перечисленного типа всегда употребляются в оформленном виде: *ону йимик* 'как он' (а не: *о йимик*), *мени учун* 'ради меня' (а не: *мен учун*), *сени гьордуьм* 'я видел тебя' (а не: *сен гьордуьм*), *муну себеби* 'причина этого' (а не: *бу себеби*, что имело бы совершенно другой смысл). Что касается собственных имен, то в положении прямого объекта они ставятся в оформленном падеже: ср. *Магьаммат-ны гьордуьм* 'я видел Махаммата', а не *Магьаммат гьордуьм*. В конструкции изафета, как об этом говорится в своем месте, собственные имена могут и не оформляться падежным аффиксом, если это не вызывает явной двусмысленности. Так, можно сказать *Магьаммат-ны сыйыры* 'корова Махаммата' и *Магьаммат сыйыры*; однако форма *Магьаммат аты* уже двусмысленна, поскольку ее можно понять, как: а) *Магьамматны аты* 'конь Махаммата' и б) *Магьаммат деген ат* 'имя «Махаммат»' (причина двусмысленности лежит, очевидно, в том, что слово *ат* имеет два значения: а) конь и б) имя). При послелогах собственные имена не оформляются: *Магьаммат йимик* 'как Махаммат', 'подобно Махаммату' и *Магьаммат учун* 'для Махаммата'. Эта непоследовательность в обработке собственных имен связана, очевидно, с тем, что они по содержанию всегда определенны, и потому нет надобности подчеркивать эту определенность формально путем аффиксов.

Из всего изложенного следует, что неопределенный падеж с внутренней стороны характеризуется тем, что выражает так наз. категорию неопределенности, а с внешней стороны тем, что не оформляется или не определяется специальным аффиксом. Кроме этих функций, неопределенный падеж представляет падеж подлежащего, т. е. соответствует русскому именительному падежу. С этой точки зрения мы называем «неопределенным» всякий подлежащный падеж, хотя бы и связанный с категорией определенности (*бу ат*, *бу атлар*), так как для кумыкского языка (и всех тюркских) это по существу один падеж.

Кроме синтаксических функций, неопределенный падеж имеет и стилистическую: он может употребляться вместо любого пространственного падежа во избежание повторяющихся одинаковых окончаний. Вместо того, чтобы сказать *мен Дербентде*, *Хасав-юртда ва Магьачкъалада болдум* 'я был в Дербенте, Хасав-юрте и Махачкале' (3 местных падежа!), чаще скажут: *мен Дербент*, *Хасав-юрт ва Магьачкъалада болдум*.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ ГРУППА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В кумыкском языке одно существительное довольно часто связывается с другим по принципу определяемости. Сравнительно с русским языком кумыкский гораздо чаще пользуется определениями - существительными, чем определениями-прилагательными. Эта особенность кумыкского языка (как и всех вообще тюркских) стоит в тесной связи с известной морфологической особенностью этого языка, а именно с тем, что категория прилагательных в нем недостаточно четко отделена от категории существительных. Таким образом, если по-русски говорят «школьная библиотека», то по-кумыкски можно сказать только «библиотека школы»: другого способа в кумыкском языке нет, и стилистическая разница между русскими вариантами «школьная библиотека» и «библиотека школы» в плане кумыкского языка не ощущается. Зато в кумыкском языке ощущается определенность и неопределенность категории: дверь школы (этой) и дверь школы (вообще всякой) иначе «школьная дверь» или своего рода «школ-дверь», что, в свою очередь, не ощущается в синтаксисе русского языка и нуждается в специальном разъясняющем контексте.

В основе определительной группы существительных лежит категория принадлежности. Возьмем форму *ону аты* 'его конь'. Если вместо факультативного и необязательного для употребления *ону* (от *о*) подставим существительное *Магьаммат*, которое пропустить нельзя, и которое должно стоять в том же падеже, что и слово *ону*, то получим *Магьаммат - ны аты* 'лошадь Махаммата'. Это и будет пример на определительную группу существительных (по арабской терминологии «изафет»). Ср. еще примеры: *Америка - ны Бирлешген Штатлар - ы* 'Соединенные Штаты Америки' (дословно: «Америки Соединенные Штаты ее»). В этом примере характерно, что прилагательное - определение «Соединенные», относящееся только к слову «Штаты» и не связанное со словом «Америки», ставится между словами «Америки» и «Штаты». Таким образом, прилагательное не входит в структуру определительной группы существительных («изафета») и ставится перед тем из ее членов, к которому оно логически относится: *Бирлешген Американы Штатлары* означало бы «Штаты Соединенной Америки». Ср. еще *халкъ - ны душманлар-ы* 'враги народа' (дословно: «народа враги его»). *Лагер-ни начальниг-и* 'начальник лагеря' (данного, известного). *«Янгы яшав» колхоз-ну мамугъ-у* 'хлопок колхоза «Янгы яшав»' [Новая жизнь] (дословно: «Янгы яшав» колхоза — хлопок его»). *Июль-нуь уьчуьнчуь гуьн-уь* 'день 3-го июля' (дословно: «третьего июля — день его»). *Колхоз-ну правление-си* 'правление колхоза' (данного, известного). *Бу бичен-ни ярты-сы* 'половина этого сена'. *Шо колхоз-ну гоъзетчи-си* 'сторож того колхоза'; *колхоз-ну шо гоъзетчи-си* означало бы: «тот сторож данного колхоза». *Учув-ну заман-ы* 'время полета'. *Авиация-ны тарих-и* 'история авиации'. *Столица-ны ишчилер-и* 'рабочие столицы'. *Трактористле-ни митинг-и* 'митинг трактористов'. *Канал-ны къурувчулар-ы* 'строители канала'. *Испания-ны центральный фронт-у* 'центральный фронт Испании'. *Республикачыла-ны самолетлар-ы* 'самолеты республиканцев'. *Гуьн-нуь*

экинчи ярты-сын-да 'во вторую половину дня'. *Франция булан Испания-ны дазу-су* 'граница Испании с Францией'. *Англия-ны ва Франция-ны флот-у* 'флот Англии и Франции'. *Облигацияла-ны ва купонла-ны еслер-и* 'держатели облигаций и купонов'. *Башгъа районланы загъматчылар-ы* 'трудящиеся других районов'. *Дазучула-ны кагъыз-ы* 'письмо пограничников'. *Северная экспедиция-ны къайтыв-у* 'возвращение северной экспедиции'. *Массала-ны сигналлар-ы* 'сигналы масс'. *Гиши-ни ат-ы* 'чужой конь' (дословно: «конь [другого] человека»).

Если прилагательные, числительные и местоимения выступают как существительные, то они тоже могут стоять в этой конструкции: *Була-ны гъунагъсыз-ы* 'невиновный (среди) них' (дословно: «невиновный их»). *Атла-ны уьч-уъ* 'трое из коней' (дословно: «коней — трое их», нечто синтаксически отличное от обыкновенного русского выражения «трое коней»). *Гиши-ни оъз-уъ* 'сам человек' (дословно: «человек — самость его»). *Алма-ны ал-ы* 'румянец яблока', 'краснота яблока' (дословно: «яблока — красное его»). *Къашларынгъ-ны къара-сы* 'мрак твоих бровей', 'чернота твоих бровей' (дословно: «бровей твоих — чернота их»).

Примеры на сложный изафет, по существу состоящий из нескольких изафетов: *Северный денгиз йолларыны Баш Управлениесини Политуправлениесини начальнигини заместители* 'заместитель начальника Политуправления Главного Управления северных морских путей'. Здесь мы имеем цепь определительных групп существительного, включенных одна в другую: 1) северное море + пути его (*Северный денгиз йоллары*), 2) северных морских путей + Главное управление его (*Северный денгиз йолларыны Баш управлениеси*), 3) Главного управления северных морских путей + Политуправление его (*Северный денгиз йолларыны Баш управлениесини Политуправлениеси*, 4) Политуправления Главного управления северных морских путей + начальник его (*Северный денгиз йолларыны Баш управлениесини Политуправлениесини начальниги*, 5) начальника Политуправления Главного управления северных морских путей + заместитель его (*Северный денгиз йолларыны Баш управлениесини Политуправлениесини начальнигини заместители*). Включаясь в общую цепь, определяемое каждой группы ставится в родительном падеже. Ср. еще: *полярная авиация-ны начальниги-ни помощниг-и* 'помощник начальника полярной авиации'. *ДАССР-ни Главсуду-ну Спецколлегия-сы* 'Спецколлегия Главсуда ДАССР'.

В разобранном типе определительной группы (изафете) мы можем установить следующие специфические признаки:

1) Порядок слов. Определение — существительное всегда предшествует определяемому — существительному (т. е., например, *Испания-ны фронт-у*, а не наоборот). В кумыкском синтаксисе (в значительной степени и теперь) проводится тот принцип, что всякий синтаксически подчиненный элемент (обстоятельство, дополнение, определение) должен стоять перед тем элементом, которому подчинен. Таким образом, порядок слов определительной группы существительного является только частным случаем этого более широкого положения.

2) Появление аффикса 3-го лица у определяемого (т. е. *Испания-ны фронт-у*, а не *Испания-ны фронт*). Роль этого приема в частности сводится к тому, чтобы подчеркивать формальную связь между 1-м и 2-м элементами сочетания, между которыми часто стоят прилагательные: простейший пример — *Испания-ны центральный фронт-у* (т. е. «Испания + центральный фронт ее»). Без аффикса 3-го лица разрыв двух элементов конструкции целым рядом прилагательных сильно затруднял бы процесс чтения, нарушая связь между двумя элементами.

3) Родительный падеж определяемого. Эта особенность, на ряду с предыдущей, также подчеркивает грамматическую связь между двумя элементами. С другой стороны, эта особенность сближает нашу конструкцию с категорией принадлежности.

Три перечисленные признака (один синтаксический и два морфологических) изложены нами в порядке широты их применения: первый встречается чаще всего, и без него, строго говоря, нет определительной группы существительных (изафета); второй встречается реже первого и, следовательно, не во всех тех случаях, которые мы относим к определительной группе существительных, и, наконец, третий — реже всего. По наличию этих признаков (трех, двух или одного) все случаи определительной группы (изафета) распадаются на три разряда. Внешним отличием 1-го разряда будет наличие всех трех перечисленных грамматических признаков (т. е. первого, второго и третьего); 2-й разряд будет обладать только двумя признаками (т. е. первым и вторым), и, наконец, 3-й будет иметь только один первый признак.

Само собой разумеется, что внешнее различие этих разрядов связано со внутренним (смысловым) различием. Разница между 1-м и 2-м разрядами основана на том, что 1-й (разобранный нами) разряд связан с категорией определенности, а 2-й — с категорией неопределенности. Остановимся несколько подробнее на характеристике этого 1-го разряда, наиболее точного и конкретного по своему грамматическому выражению. В сочетании *ат-ны баш-ы* 'голова коня' определение всегда конкретно. «Коня» здесь равняется «этого коня», и по-кумыкски одинаково можно было бы сказать *атны башы* и *бу атны башы*. Понятие *атны* берется в категории индивидуальной определенности (см. в соответственном отделе) и, таким образом, обозначает одного и притом данного, уже известного слушателям коня. При переводе такого выражения на русский язык слово *атны* обязательно должно передаваться существительным (голова коня), а не прилагательным (конская голова), потому что в последнем случае категория индивидуальной определенности игнорируется. При переводах же на западные языки мы пользуемся определенным членом в связи с родительным падежом имени: французское *la tête du cheval*, немецкое *der Kopf des Pferdes* и т. д. Если в сочетании *атны башы* слово *атны* индивидуально и конкретно (этого коня), то и слово *башы* становится этим самым индивидуально известным и конкретным: голова этого коня может быть только одной строго определенной головой. Отсюда понятно, почему в приведенных немного выше западных переводах этой конструкции опре-

деленный член стоял и при слове «голова» (ср. фр. *la tête*, нем. *der Kopf*). Тем не менее, при всем конкретном восприятии каждого элемента в сочетании *атны башы*, они как бы скованы в одно целое; внешне это выражается в том, что 1-й элемент *атны* (коня) остается без всякого дальнейшего изменения при изменении всей группы, и меняется (например, склоняется) только 2-й элемент, причем, конечно, по типу имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица (т. е. местный падеж будет *атны башында*, исходный *башындан* и т. д.).

2-й разряд изафета или определительной группы существительных можно иллюстрировать примером *ат баш-ы*. Здесь соблюдены 1-й признак изафета (порядок слов: *ат баш-ы*, а не обратно) и 2-й признак (наличие аффикса принадлежности 3-го лица: *ат баш-ы*, а не *ат баш*); 3-й признак отсутствует, и определение стоит в неопределенном падеже вместо родительного (*ат*, а не *ат-ны*). Употребление неопределенного падежа вместо родительного указывает на то, что слово *ат* стоит в категории неопределенности. Как нам известно из анализа этой категории, слова типа *ат* обозначают коллективную неопределенность, а не индивидуальную, которая выражается сочетанием *бир ат*. Таким образом *ат* означает не одного коня, а многих, индивидуально не различаемых. Это то, что по-французски называется *chevaux*, а по-немецки *Pferde*. В результате *ат башы* означает «кони (неизвестно какие) + голова их». Речь идет здесь не о голове какого-нибудь одного, хотя бы и неизвестного, коня, а о голове всех вообще (безразлично каких) коней, как определенной категории. Такого рода соотношение по-русски переводится не существительным, а прилагательным: к о н с к а я голова.

Ср. еще примеры на 2-й разряд изафета: *Дуънъя рекорд-у* 'мировой рекорд' (дословно: «мир — рекорд его»). *Секретарлыкъ къуллугъунда* 'на секретарской службе' (дословно: «секретарство — на службе его»). *Сайлав округлар-ы* 'избирательные округа' (дословно: «выборы — округа их»). *Трактор колонна-сы* 'тракторная колонна'. *Дав гъазирликлер-и* 'военные приготовления'. *Суд органлар-ы* 'судебные органы'. *Район къурум-у* 'районная организация'. *Халкъ суд-у* 'народный суд'. *Дуънъя дав-у* 'мировая война'. *Соъйлев органлар-ы* 'органы произношения'. *Тавуш теллер-и* 'голосовые связки'. *Логика ургъу-су* 'логическое ударение'. *Ер наречие-си* 'наречие места'. *Вакъты наречие-си* 'наречие времени'. *Чычкъан бала-сы* 'мышонок' (дословно: «мышь — дитя ее»). *Ель авурлугъ-у* 'ревматизм' (дословно: «ветер — болезнь его»). *Охув йыл-ы* 'учебный год' (дословно: «ученье — год его»). *Гъукумат нашрият-ы* 'государственное (собственно: «правительственное») издательство'. *Тиль программа-сы* 'программа по языку' (собственно: «языковая программа»). *Орфография лугъат-ы* 'орфографический словарь'. *Токъгав белъги-си* 'знак препинания'. *Драма кружог-у* 'драматический кружок', 'драмкружок'. *Завод ишчилер-и* 'заводские рабочие'.

Если определение — собственное имя, то оно, как индивидуально-конкретное обозначение, всегда должно бы стоять в родительном падеже (т. е. по схеме 1-го разряда); тем не менее, на практике очень часто применяется схема 2-го разряда. Так, на ряду с *Москва-ны заман-ы* чаще

употребляется *Москва заман-ы* 'московское время'. Вместо ожидаемого *Дагъыстан-ны гъукумат нашрият-ы* 'Дагестанское государственное издательство' говорят: *Дагъыстан гъукумат нашрият-ы* и т. д.

Объяснения этому надо искать, очевидно, в том, что собственное имя настолько конкретизировано семантически, что язык находит излишним подчеркивать эту сторону формально. Нечто подобное можно усмотреть в том факте, что при числительных ставится единственное число, и в некоторых других.

3-й разряд определительной группы существительных характеризуется только одним признаком грамматической связи, а именно порядком слов. От 2-го разряда он отличается в кумыкском языке не столько семантически, сколько исторически: 3-го разряд, очевидно, является самым древним из всех разрядов изафета. Прежде чем говорить о разграничении 3-го разряда со 2-м, приведем примеры на 3-й разряд определительной группы существительных.

Примеры: *Къумукъ тилъ* 'кумыкский язык' (собственно: «кумыки язык»). *Бет явлукъ* 'полотенце', собственно: «личной платок» (дословно: «лицо — платок»). *Къол явлукъ* 'носовой платок' (дословно: «рука — платок»). *Баш явлукъ* 'головной платок' (дословно: «голова — платок»). *Май чыракъ* 'старинная керосиновая лампа' (дословно: «масло — свеча»). *Базар гуьн* 'воскресенье' (из старого обозначения дней; точнее, «базарный день», дословно: «базар — день»). *Алма терек* 'яблоня' (дословно: «яблоко — дерево»). *Бузав эт* 'телятина' (дословно: «теленок — мясо»). *Къой эт* 'баранина' (дословно: «баран — мясо»). *Гоъз доктор* 'глазной врач' (дословно: «глаз — доктор»). *Къулакъ доктор* 'ушной врач' (дословно: «ухо — доктор»). *Темир йол* 'железная дорога' (дословно: «железо — дорога»). *Арба йол* 'проселочная дорога' (дословно: «телега — дорога»). *Гъава йол* 'воздушный путь'. *Денгиз йол* 'морской путь'. *Автомобилъ йол* 'автомобильная дорога', 'дорога для автомобилей'. *Къалмукъ чай* 'калмыцкий чай' (дословно: «калмык — чай»). *Туьбек от* 'порох' (дословно: «ружье — огонь»). *Къулакъ ястукъ* 'небольшая подушка', 'думка' (дословно: «ухо — подушка»). *Алтун сагьат* 'золотые часы' (дословно: «золото — часы»). *Бурун бок* 'насморк', 'выделения из носа' (дословно: «нос — навоз»). *Язбаш* 'весна' (собственно: *яз* + *баш* «лето — голова»). *Оъгуъз къуйрукъ* 'бычачий хвост' (растение) (дословно: «бык — хвост»). *Гъикая жумла* 'повествовательное предложение' (дословно: «повествование — предложение»). *Шарт фиълу* 'условное наклонение' — точнее: «условный глагол» (дословно: «условие — глагол»). *Юрт хозяйство* 'сельское хозяйство' (дословно: «село — хозяйство»). *Пушкин колхоз* 'колхоз им. Пушкина' (дословно: «Пушкин — колхоз»). *Къумукъ театр* 'кумыкский театр'. *Емиш бав* 'фруктовый сад'. *Класс сакълыкъ* 'классовая бдительность' (дословно: «класс — бдительность»). *Оборона заем* 'заем обороны' (дословно: «оборона — заем»). *Хумторкъали район* 'Хумторкалийский район' (дословно: «Хумторкали — район»). *Жанып Канада* 'Южная Канада' (дословно: «юг — Канада»). *Совет территория* 'советская территория' («совет — территория»). *Мадрид фронт*

'мадридский фронт' (дословно: «Мадрид — фронт»). *Гуьнбатыш Сибирь край* 'Западно-Сибирский край' (дословно: «Запад — Сибирь — край»). *Трактор парк* 'тракторный парк' (дословно: «трактор — парк»). *Университет городок* 'университетский городок' (дословно: «университет — городок»). *Акъча налог* 'денежный налог' (дословно: «деньги — налог»). *Деллек уьй* 'парикмахерская' (дословно: «парикмахер — дом»). *Коъмек касса* 'касса взаимопомощи' (дословно: «помощь — касса»). *Запас ем* 'запасный корм' (дословно: «запас — корм»).

В то время как в других тюркских языках 3-й (наиболее древний) тип изафета связан с определенной семантикой, [1]) в кумыкском языке смыслового разграничения между 2-м и 3-м разрядами провести нельзя. Сплошь и рядом одно и то же выражение встречается (иногда в одной и той же газете или книге) в двух вариантах: *сайлав участкалары* и *сайлав участкалар* 'избирательные участки', *тавуш теллер* и *тавуш теллери* 'голосовые связки', *соъйлев органлар* и *соъйлев органлары* 'органы речи' и т. д. Повидимому, для кумыкского языка 3-й разряд изафета является наиболее типичным, как это можно видеть из наших примеров, взятых из старого и нового, официального и бытового языка, 2-й разряд изафета употребляется, повидимому, реже всего, и говорящий по-кумыкски охотнее склоняется к 3-му разряду, который он воспринимает в том же значении, что и 2-й. Достаточно указать на то, что во многих тюркских языках совершенно невозможно поставить 3-й тип там, где он по-кумыкски является единственно допустимым: см., например, выражение *къумукъ тиль*, которое в других тюркских языках возможно только в форме *къумукъ тили*. Таким образом, мы приходим к выводам, что 1) в определительной группе существительного кумыкский язык сохранил и широко использует древнейший тип конструкции, который в большинстве тюркских языков осознается, как пережиточный, и ограничен особой семантикой, 2) смысловое разграничение между отдельными типами конструкции в кумыкском языке не такое, как в других тюркских. Отсюда следует, что кумыкские материалы по определительной группе существительных имеют большое значение для изучения этой конструкции на языках всей системы вообще.

Определительная группа существительных (изафет) есть прежде всего явление синтаксическое. Тем не менее иногда оно может приобретать словообразовательное значение; это бывает обычно в 3-м типе и проявляется в разных тюркских языках по-разному. Поэтому мы считаем, что словообразовательная функция изафета есть его производная черта, а не первоначальная, и не находим возможным сводить все многообразие изафета к морфологическому процессу словообразования, как это делают некоторые авторы. Словообразовательное значение изафет может приобретать

[1]) Он употребляется тогда, когда определение указывает на состав, материал и вещество (случаи типа *алтун сагьат* 'золотые часы', *темир йол* 'железная дорога' и др.), а в остальных случаях ставится 2-й тип. Так обстоит дело в большинстве тюркских языков.

только в отдельных конкретных случаях и притом в связи с определенными сдвигами в языковом мышлении. Подобно тому как русский, говоря «паровоз» и «водопровод», имеет в виду одно конкретное понятие, а не два (пар + возить, вода + проводить), так и говорящий по-кумыкски, очевидно, представляет в своих *бет явлукъ, яз баш* одно понятие, а не два (*бет* + *явлукъ, яз* + *баш*). В некоторых случаях это слияние двух понятий в одно отмечается орфографией: *белъбав* 'поясница', 'пояс', *язбаш* [иногда встречается и в раздельном начертании] 'весна', *елътирмен* 'ветряная мельница' и т. д. Такие случаи грамматики относят к разряду сложных слов (*къошма союзлер*). Тем не менее такие случаи, как *темир йол* 'железная дорога', *алтун сагъат* 'золотые часы', *къумукъ тиль* 'кумыкский язык' и т. д., едва ли можно считать сложными словами, выражающими одно понятие. Вполне допустимо, что по-русски «баранина» — одно понятие, а кумыкское *къой эт* осознается, как сочетание двух еще не слившихся в одно понятий (т. е. это нечто вроде русского «баранье мясо»). В этом отношении динамика отдельных языков дает себя чувствовать особенно сильно.

Из особенностей, связанных с разбираемой конструкцией, отметим следующую. Как уже было указано, все аффиксы, вызванные дальнейшим развитием конструкции, могут прибавляться только ко 2-й части изафета, а 1-я остается в окаменевшем состоянии, стоит ли она в родительном (1-й разряд) или в неопределенном (2-й и 3-й разряды) падежах. Если же вся конструкция должна принять еще аффиксы принадлежности, то здесь возможны следующие осложнения: 1) аффикс 3-го лица вторично не ставится, и имя обладателя можно обозначить только путем родительного падежа личного местоимения: *трактор колонна-сы* 'тракторная колонна', *ону* + *трактор колонна-сы* 'его тракторная колонна'. 2) Если сочетание должно принять аффиксы 1-го и 2-го лица, то они как бы вытесняют аффикс 3-го лица, который выпадает и передает им свои функции: *трактор колонна-быз* (или: *бизин трактор колонна-быз*) 'наша тракторная колонна', *трактор колонна-гъыз* (или: *сизин трактор колонна-гъыз*) 'ваша тракторная колонна' и т. д.

В новейшем кумыкском языке, главным образом в советизмах, мы наблюдаем особый порядок слов в определительной группе существительных, например: *член совет* 'член совета' вместо ожидаемого *совет член-и* или *совет член*; *секретар райком* 'секретарь райкома', вместо ожидаемого *райком секретар-ы*, или даже *райком секретар*; *начальник отряд* 'начальник отряда', вместо ожидаемого *отряд начальниг-и*, или даже *отряд начальник* и т. д.

Очевидно, что все эти термины заимствуются с сохранением русского синтаксиса и осознаются, как одно целое. При кумыкских словах такой порядок слов не наблюдается.

В процессе той же динамики языкового развития кумыкский язык усваивает некоторые русские прилагательные с их формальными особенностями, — очевидно, те прилагательные, которые труднее всего перевести средствами изафета.

Примеры: *массовый иш* 'массовая работа', *зажиточный куьйде* 'зажиточно' (дословно: «зажиточным способом» или «в зажиточной форме»), *старший вожатый* 'старший вожатый', *центральная* [1]) *комиссия* 'центральная комиссия', *информационный бильдирив* 'информационное сообщение', *лицевой счет* 'лицевой счет' и т. д.

Как видно из примеров, русское прилагательное обычно берется в полной форме мужского рода.[1])

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА

В процессе переводческой работы встает вопрос о том, как следует передавать на кумыкском языке многочисленные русские конструкции типа «предлог + имя». Соответствия, которые здесь можно установить, оказываются весьма поучительными, поскольку они вскрывают специфические черты кумыкского синтаксиса. Прежде всего часть русских конструкций с предлогами (для, подобно, ради, посредством, вместе с, кроме и т. д.) передается по-кумыкски конструкцией с послелогами. О соотношении между русским предлогом и кумыкским послелогом говорилось в соответственном отделе; здесь важно подчеркнуть, что количественно русские предлоги и кумыкские послелоги несоизмеримы: предлогов в русском языке значительно больше, чем в кумыкском послелогов (например, в кумыкском языке отсутствуют послелоги со значением: «в, за, от, из, на, над, под, перед, около, позади, вне» и другие). Отсюда вывод, что не все предложные конструкции русского языка можно передать по-кумыкски послелогами и что, следовательно, существуют какие-то иные способы, которыми можно передать русские предложные конструкции, для которых в кумыкском языке нет соответствующих послелогов. Какие же это способы? В некоторых случаях кумыкский язык пользуется способом определительной группы существительных (изафетом); это бывает тогда, когда русский предлог с управляемым именем служит определением для другого имени, например: «вопрос о долгах», «плата за работу», «комиссия по приему», «страх перед смертью» и т. д. Эти случаи по-кумыкски трактуются, как «вопрос долгов (= долговой вопрос)», «плата работы (= работная плата)», «комиссия приема (= приемная комиссия)», «страх смерти (= смертный страх)» и т. д.

Таким образом, данную группу русских предложных конструкций кумыкский язык передает средствами изафета, т. е. родительным или неопределенным падежом (о дифференциации их см. в отделе изафета).

Русские конструкции с предлогом, находящимся в зависимости от глаголов (чаще всего глаголов движения, по-латыни *verba movendi*), т. е. такие, например, обороты, как «в деревне, в деревню, из деревни», передаются по-кумыкски формами падежей: местного, дательного и исходного. Семантическое различие между этими падежами излагается в отделе падежей, см. стр. 54.

[1]) В начале 1938 г. в порядке работы терминологических комиссий принято следующее дополнительное положение по данному поводу: если заимствуется термин из двух слов, показатель русского грамматического рода остается.

Третий тип кумыкского соответствия русским предложным конструкциям составляют служебные имена (иначе: имена с ослабленным реальным значением). Кумыкский язык (как и все тюркские) знает целую категорию имен, которые как бы находятся в средней стадии развития между обычным именем с его предметной семантикой и с возможностью нормального для имен морфологического изменения, с одной стороны, и послелогом с его аморфностью, утратой предметной и наличием чисто грамматической семантики — с другой. Служебные имена по своим морфологическим особенностям (склонение, категория принадлежности и т. д.) сходны с обычными существительными, по своей же функции они сходны с послелогами. В силу этого в некоторых грамматиках по тюркским языкам служебные имена обозначаются как послелоги-имена. Грамматическая функция служебных имен в основном сводится к обозначению пространственных отношений между предметами. Разница между служебными именами и пространственными падежами сводится к тому, что служебные имена обозначают пространственные отношения более конкретно и более точно, чем это выполняют пространственные падежи. Местный падеж *уьйде* 'в доме', *къалада* 'в городе' сплошь и рядом кажется для кумыка слишком неопределенным: где это «в городе»: в середине его, сбоку, внутри, снаружи? Конечно, в кумыкской речи употребляется и простой местный падеж, но это бывает тогда, когда контекст не требует большей точности; там же, где эти пространственные отношения предметов должно или, просто, можно определить точнее, кумык непременно поставит служебное имя. Если по-кумыкски нужно сказать «в городе», то чаще всего скажут «во внутренности города», сочетая служебное имя «внутренность» с обычным местным падежом. В этом случае исчезнут всякие сомнения насчет того, в какой (внутренней, внешней, боковой и т. д.) части города находится данный предмет; это будет гораздо точнее, чем простое *къала-да* (местный падеж). В иных случаях падежная форма никак не может передать желаемый оттенок: вместо русского «за деревом» по-кумыкски единственно можно сказать «в спине дерева», так как местный падеж будет означать «в дереве, у дерева, на дереве», но только не «за деревом». Вместо русского «около дома» по-кумыкски единственно можно сказать «в боку дома», поскольку местный падеж *уьй-де* будет означать «в доме, при доме», но никак не «около дома». Таким образом, в первом примере конкретное и предметное слово «спина» используется в чисто грамматической абстрактной функции (обозначение задней плоскости, в которой помещается предмет), а во втором примере так же используется слово «бок» для обозначения боковой плоскости, в которой помещается предмет. Таким образом существует целая серия имен, употребляемых ныне в служебной грамматической функции, тогда как прежде эти имена, надо думать, ничем не отличались от других имен, т. е. выражали именно «спину», как таковую, «бок», как таковой, и т. д. Отголосок этой стадии мы видим в том, что служебные имена и теперь иногда могут употребляться не в качестве служебных. Интересно отметить, что если служебное имя употребляется не в качестве служебного, оно ставится в так называемых грамматических падежах; в противном же

случае оно должно стоять в одном из так называемых пространственных падежей.

Примеры на грамматические падежи служебных имен: *тыш-ы йыртыллай, ич-и къартыллай* «внешняя сторона его блестит, а нутро у него дрожит», т. е. снаружи блестит, а внутри дрожит (= внутренняя пустота не соответствует внешнему виду). [Здесь *тыш* наружная часть и *ич* внутренняя часть — выступают, как подлежащее].

Ср. еще *ич-и къызыл гуьль йимик, уьстуъ яшыл от йимик* «его нутро словно красная роза, его верх — словно зеленая трава», т. е. внутри он как красная роза, а сверху — как зеленая трава» (загадка об арбузе); в этом примере служебные имена *ич* 'нутро' и *уьст* 'верх' выступают, как не служебные, а именно в качестве подлежащего. В выражениях *ал доьгуьрчек* 'переднее колесо' и *арт доьгуьрчек* 'заднее колесо' служебные имена *ал* 'перёд' и *арт* 'зад' употреблены в качестве прилагательных — следовательно, не в функции служебных имен.

Синтаксически служебные имена оформляются по двум путям: 1) определительная группа существительных (изафет), например русское «за деревом» = кум. д е р е в о + в с п и н е е г о, 2) форма принадлежности, например «за нами» = в н а ш е й с п и н е.

Служебное имя, поскольку оно функционирует, как служебное, всегда означает определенную плоскость, находящуюся в отношении какого-либо предмета или в вертикальном плане, или в горизонтальном. При этом данная плоскость чаще всего представляется так, что она полностью совпадает («конгруирует») с соответствующей плоскостью данного реального предмета. Возьмем выражение: к н и г а н а с т о л е, что по-кумыкски будет — к н и г а н а п о в е р х н о с т и с т о л а. Предполагается, что н и з книги должен вплотную примыкать к в е р х у стола: этот н и з и этот в е р х составляют как бы одну плоскость в ее геометрическом понимании. Если расстояние между н и з о м книги и в е р х о м стола значительно увеличится (например, книгу подвесят к потолку, так чтобы она была над столом), то язык теоретически должен употребить здесь другое слово, а не то, которым обозначается соотношение н а. Надо добавить что эта последняя дифференциация проводится в тюркских языках весьма редко.

Для соотношений н а || н а д при 1) отсутствии движения и при наличии его с направлением: 2) от предмета и 3) к предмету, язык пользуется словом *уьст*, которое означает: поверхность, верх. Таким образом, н а д е р е в е будет *агъачны уьстуънде*, т. е. местный падеж от вспомогательного сочетания *агъачны уьст-уъ* 'поверхность дерева'. (Соответственно теории определительной группы существительных [изафета] в известных редких случаях может быть и *агъач уьст-уъ*.)

В дательном падеже имеем *агъачны уьстуъне* 'на дерево' (дословно: «на поверхность дерева»). Наконец, исходный падеж *агъачны уьстуънден* обозначает: «с дерева» (собственно: «с - на поверхности дерева»). Наконец, *уьстуъмде* означало бы: «на мне сверху» (дословно: «на моем верху»), т. е. на

моей одежде и т. д., причем возможны и формы *уъстуъме* «на меня сверху», т. е. на меня, и *уъстуъмден* «с меня сверху», т. е. с меня.

К обозначениям пространственных отношений того же вертикального плана принадлежит существительное *туъп*, которое обозначает: низ, нижняя часть, нижняя плоскость. Таким образом, *тавну туъбуънде* означает «под горой», *тавну туъбуъне* «под гору» и *тавну туъбуънден* «из-под горы» (дословно: «гора + из низу ее»). Выражение *столну туъбуънде* означает: «под столом». При этом теоретически предполагается, что нижняя плоскость стола совпадает с верхней плоскостью предмета, лежащего под столом. На практике же эта геометрическая схема часто не соблюдается, и *столну туъбуънде* можно сказать и в отношении такого предмета, который не соприкасается с нижней плоскостью стола. Нарушению геометрической схемы способствуют всякого рода метафоры и образные выражения, как например: *ону йолбашчылыгъы туъбуънде* 'под его руководством'.

Переходя к пространственным отношениям горизонтального плана, отметим прежде всего слово *ал* (основа *алд-*), что означает: «передняя часть, перёд». Таким образом, *уъйнуъ алдында* обозначает «перед домом»; *уъйнуъ алдына*—«перед дом» (куда?), что по-русски можно перевести только описательно: «к дому спереди» (в отличие от *уъйге* = к дому с любой стороны); *уъй алдындан* «от - перед дома», что по-русски опять-таки переводится описательно: «от дома спереди» (в отличие от *уъйден* = от дома с любой стороны). *Алдыбызда* означает: 'перед нами', *алдыбызгъа* 'к нам спереди', *алдыбыздан* «от нас спереди».

Противоположным по значению словом к *ал* является *арт*, [1]) что дословно значит: «зад, задняя часть». Таким образом, *терекни артында* означает 'за деревом', *терекни артына* «за дерево» и *терекни артындан* «из-за дерева».

Слова́ *якъ* 'сторона' или *ян* 'бок', 'сторона', из которых первое считается кыпчакским, а второе — огузским словом, употребляются в соответствии с русским предлогом «около», «при», «рядом с».

Примеры: *туъкенни ягъында* 'около (этой) лавки' (магазина), *туъкенни ягъына* 'к лавке' (точнее: «к этой лавке с б о к у», так как «к этой лавке с любой стороны» звучало бы просто *туъкенге*); *туъкенни ягъындан* 'от лавки' (точнее опять-таки «от лавки сбоку» в отличие от простого исходного падежа *туъкенден* = «от лавки с любой стороны»).

Ср. еще *янымда* 'около меня' (дословно: «в моем боку»), *янына* «ко мне сбоку», *янымдан* «от меня сбоку».

Служебное имя *орта* (середина или центр о д н о г о предмета) используется в соответствии с русским «посреди» (где?) и двумя несуществующими по-русски сочетаниями «на-средь» (куда?) и «из-средь» (откуда?).

---

[1]) Существует еще слово *аркъа* 'спина', 'опора', которое может употребляться, как *арт*, но оно все же гораздо более конкретно, чем *арт*. Разница между ними видна из следующего примера: *къарлы тав аркъаны артында* 'позади (*артында*) снежного горного хребта' (*аркъаны*).

Примеры: *авлакъны ортасында* 'посреди поля', *авлакъны ортасына* «на-средь поля», т. е. на середину поля, в центр поля, *авлакъны ортасындан* «из-средь поля», т. е. из середины поля, из центра поля. В форме принадлежности *орта* не употребляется.

В противоположность *орта*, слово *ара* означает: среда, промежуток между двумя и более предметами. В качестве служебного имени переводится по-русски: 1) между (чем) (где?), 2) «вмежду» = между (чего) (куда?), 3) «измежду» (откуда?). Иногда в русском переводе падежные формы *ара* переводятся так же, как и падежные формы *орта*, но принципиальная разница между *ара* и *орта* остается всегда. Примеры на употребление *ара*: *эки авлакъны арасында* 'между двумя полями', *эки авлакъны арасына* «вмежду» двух полей, т. е. в промежуток между двумя полями, *эки авлакъны арасындан* «измежду» двух полей, т. е. из промежутка между двумя полями. Пример, который показывает различие между содержанием слова *ара* и содержанием слова *орта*: *будкаланы арасындагъы йолну ортасында* 'посреди пути, проходящего между будками' (более точно: «посреди пути, что между будками»). Здесь имеется в виду один путь, поэтому в связи с ним употреблено слово *орта*; будок же несколько, и, говоря о них, можно употребить слово *ара*.

Ср. еще: *арабызда* 'между нами' (дословно: «в нашем промежутке»), *арагъызда* 'между вами'. Поскольку *ара* всегда предполагает наличие не одного предмета, а нескольких, — форма принадлежности от *ара* возможна только для множественного числа.

Слово *ич* «нутро, внутренняя часть», как служебное имя, дает изафет'ные сочетания, переводимые по-русски группой слов с предлогами: 1) внутри, 2) внутрь, 3) изнутри. Так как русский язык передает пространственные отношения не так тонко, как кумыкский, то в русском переводе слóва *ич* иногда вместо перечисленных выше предлогов ставятся более общие по своему значению: 1) в (где?), 2) в (куда?), 3) из (откуда?).

Примеры: *къаланы ичинде* 'в городе' (точнее: «внутри города»), *къаланы ичине* 'в город' (точнее: «внутрь города»), *къаланы ичинден* 'из города' (точнее: «из внутренней части города»).

Слово *тыш* «наружная часть, внешняя сторона», как служебное имя в трех пространственных падежах, соответствует русским конструкциям с предлогами: 1) вне (где?), 2) во-вне (куда?), 3) извне (откуда?).

Примеры: *къаланы тышында* 'вне города', 'за городом' («за» не в смысле «позади», что будет переводиться через *артында*, а в смысле «за чертой города, вокруг черты города, со всех сторон», а не с одной только задней, как при *артында*); *къаланы тышына* 'во-вне города', 'за город' (в смысле «за рубеж города»), *къаланы тышындан* 'извне города', 'из-за черты города'.

Слово *тыш*, как прилагательное, употребляется в сочетании *тыш ишлер* 'внешние (т. е. иностранные) дела' — в противоположность *ич ишлер* 'внутренние дела'.

Кроме перечисленных служебных слов, в кумыкском языке имеются дублеты к отдельным из них. Так, при слове *уьст* 'верх' имеется дублетное слово *оьр* 'верх', при слове *якъ* 'сторона', кроме упомянутого дублета *ян* 'бок', 'край', существует еще *къырый* 'край', при *арт* 'зад' — *аркъа* 'спина' и т. д. Слово *тоьбен*, являющееся дублетом к *туьп* 'низ', одновременно имеет особое направительное значение: «вниз».

В большинстве тюркских языков служебные имена классифицируются не только с точки зрения плана, к которому они относятся (горизонтального и вертикального), но и в ином отношении. Выше мы отметили, что с геометрической точки зрения соприкасающиеся плоскости двух предметов, названия коих входят в разобранную синтаксическую конструкцию, принципиально должны совпадать в порядке «конгруэнции». Возьмем выражение: «на верху крыши». Здесь «верх» крыши и «низ» предмета, который на ней находится, представляют как бы одну плоскость. Между тем при некоторых служебных именах существуют дублеты, которые указывают на принципиальное несовпадение двух смежных плоскостей. Таким образом, имеется ряд служебных имен, которые указывают на относительно далекое расстояние между конкретным предметом и плоскостью того, что обозначает собою служебное имя. В кумыкском языке из этих параллельных рядов сохранились только отдельные случаи соответствий: *арт* | *аркъа* 'совпадение плоскостей', *гери* 'несовпадение плоскостей' и, кроме того, особое «направительное» значение: 'назад'; *тышгъары* 'наружная часть' (несовпадение плоскостей и, кроме того, особое направительное значение: 'наружу'). Слова *югъары* 'наверх, верх' и *ичгери* 'внутрь, нутро', существующие в других тюркских языках, в кумыкском употребляются только в составе отдельных географических имен: *Югъары Къазаныш* 'Верхние Казанищи', *Ичгери Мычыгъыш* 'Внутренняя Чечня'.

БЕЗЛИЧНЫЕ ОБОРОТЫ

В отношении безличных оборотов кумыкский язык, как и другие тюркские, в известной мере отличается от русского языка. Прежде всего отметим, что столь характерные для русского языка безличные глаголы, выражающие явления природы (стемнело, рассвело, подморозило и т. д.), по-кумыкски обыкновенно передаются личной формой с формально выраженным подлежащим.

Примеры: *къаш къаралгъан*[1] 'стемнело' (дословно: «вечерние сумерки — *къаш* 'почернели' — *къаралгъан*»), *сувукъ бузлатгъан* 'подморозило' (дословно: «холод — *сувукъ*, сковал льдом — *бузлатгъан*»), *тангъ ата* 'рассветает' (дословно: «заря — *тангъ* — стреляет — *ата*») и т. д.

Последнее выражение, имеющееся во многих тюркских языках, связано с архаичными мифологическими представлениями. Кроме того, известная склонность русского языка употреблять безличные выражения там, где другие языки предпочитают личные (об этом см. хотя бы в «Русском синта-

[1]) В словаре Németh'a это выражение приводится, как одно целое *kaš-karal sötétedni, dämmern, dunkeln* (см. s. v.).

ксисе. . .» Пешковского) совершенно не разделяется кумыкским языком. Приведем хотя бы такой пример. Русское «мне хочется» по-кумыкски будет передаваться обязательно личной формой: 'я хочу' *суьемен*, и вместо русского «мне хочется спать» по-кумыкски скажут *ухлама суьемен* 'я хочу спать'; равным образом «ему хочется читать» будет передано, как «он хочет читать» *охума суье* и т. д.

Некоторые несоответствия, естественно, будут и в ряде идиоматических выражений. Например, русское «сглазили» и кумыкское *гоъз тийди* (дословно: «глаз [подразумевается: «дурной»] коснулся») основаны на одном и том же архаичном представлении, но синтаксически выражены по-разному: по-кумыкски мы имеем здесь особое подлежащее (*гоъз*) и сказуемое (*тийди*), тогда как по-русски выражение «дурной глаз» хотя и существует, но в качестве подлежащего звучит искусственно и, можно сказать, не употребляется.

Сказуемое в безличных оборотах выражается по-кумыкски:

1) 3-м лицом единственного числа страдательного залога.

Пример: *Шолай айтылмай* 'так не говорят' (дословно: «не говорится»). При этом данная форма характеризуется еще дополнительным оттенком возможности (resp. невозможности), так что приведенный пример мог бы означать: «так нельзя говорить». Ср. еще: *мени берген арзаларыма неге къаралмай?* 'почему не рассматривают поданные мною заявления?' (дословно: «почему не смотрится на поданные мной заявления?»).

2) 3-м лицом множественного числа действительного залога. Эта форма иногда вполне соответствует предыдущей, но чаще употребляется для переходных глаголов, при которых стоит обозначение прямого объекта.

Примеры: *Шолай айтмайлар* 'так не говорят' (= приведенному выше *шолай айтылмай*). *Бизге гьар гуьн райондан гелелер* 'к нам каждый день приезжают из района'.

Подобного рода обороты, как видно из примеров, весьма напоминают французские выражения типа *on lit*, немецкие типа *man liest* и т. д. Еще ближе подходят к ним следующие кумыкские конструкции, в которых сказуемое выражается 3) 3-м лицом единственного числа не-страдательного залога.

Примеры: *Сизин школада нечик охута?* 'как обучают в вашей школе?' (дословно: как бы «обучает»). *Сизге нечик аш бере?* 'как вас кормят' = «какую вам дают (дословно: «дает») еду?» *Бугьар китап деп айта!* 'и это называют (дословно: «называет») книгой!' *Гьайванны бичакъ булан соя* 'скот режут (дословно: «режет») ножом'. *Гоьзлери булан гоьре, къулакълары булан эшите* 'глазами (дословно: «их || своими глазами») смотрят, ушами (дословно: «их || своими ушами») слышат'. *Арба булан тавшан тутмас* (посл.) 'в телеге зайца не ловят (дословно: «не ловит»)'. *Аврумагьан башны явлукъ булан байламас* (посл.) 'ту голову, которая не болит, не обвязывают' (дословно: «не обвязывает») платком. *Къкде юлдуз санарму?* (нар. песня) 'можно ли сосчитать (дословно: «сосчитает ли») звезды на небе?'.

Что касается происхождения этого 3-го типа, то здесь можно высказать следующие два предположения. Известно, во-первых, что в кумыкском языке множественное число употребляется значительно реже, чем по-русски — особенно в части согласования подлежащего со сказуемым. С этой точки зрения 2-й и 3-й типы выражения сказуемого в безличных оборотах представляют собой одно и то же: исторически между ними могла быть разница количественного порядка, но теперь она ощущается разве только в стилистическом плане. Соотношение между этими двумя типами в разных тюркских языках различное; в кумыкском тип *айта* 'говорят' = *on dit*, *man sagt* и т. д.) употребляется, повидимому, чаще, чем тождественный по значению тип *айталар* (буквально соответствующий русскому «говорят»), тогда как в других тюркских языках мы можем встретить преобладание последнего типа. В языках так наз. кыпчакской формации (ногайский, казахский, киргизский и др.), где в старое время 3-е лицо множественного числа употреблялось крайне редко, мы встретим ту же картину, что и в кумыкском. В такой, например, фразе: «Как это называют по-вашему?» представители данных языков обычно ставят единственное число (*айта* = говорят || называют). Между тем в языках с резко выраженными огузскими чертами (азербайджанский язык, южнокрымский диалект и др.) сказуемое этой фразы необходимо поставить во множественном числе (при этом, конечно, неупотребительное здесь *айтмакъ* придется заменить другой глагольной основой).

Во-вторых, при сказуемом 3-го лица единственного числа исторически можно предполагать пропускаемое ныне слово *гиши* 'человек', *эр* 'муж' и т. д. Из теории и практики тюркских языков достаточно хорошо известно, что такое слово, как *гиши* 'человек' с его широкой семантикой имеет тенденцию превращаться как бы в местоимение, заменяющее всякое другое, более конкретное по своему содержанию имя: *бир гиши йокъ* 'одного человека нет' = русскому 'ни одного человека нет' = 'никого нет'. В конце-концов *гиши* превращается в чисто грамматический элемент, в формальное подлежащее при «своем» глаголе — в такое же подлежащее, каким является местоимение *ол* (он,-а,-о), всегда или присутствующее или, как говорят грамматики, подразумеваемое при глаголе 3-го лица: *бир гиши айтар* 'один человек скажет' = кто-нибудь скажет. Здесь, таким образом, мы имеем тот же семантический процесс, что и во французском *un* (< *homme* человек) или немецком *man* (< *Mann* человек, мужчина — ср. кумыкское *эр*). В том, что кумыкские слова *гиши* 'человек' и *эр* 'муж' употребляются в такой семантически неполноценной роли, можно убедиться по многим примерам из фольклора. Приведем некоторые из них. Ср., например, пословицу *гишини атына минген тез туъшер* 'кто сядет на чужого коня, тот скоро слезет', из которой видно, что *гиши* здесь означает не «человек», а именно «другой (чужой) человек», или, попросту, «другой (чужой)». Ср. еще: *гъар гишини бир дерти, тирменчини сув дерти* (посл.) 'у каждого своя забота, а у мельника о воде забота' (дословно: «у каждого человека. . .»). Пословицу *адам соьйлер къадар гоърер* 'человек видит лишь настолько, насколько говорит' J. Németh так и перево-

дит по-немецки безличным оборотом: «Man kann nur über das sprechen».

4) 2-м лицом единственного числа. Чаще всего в пословицах и поговорках, как это наблюдается и в других языках.

Примеры: *Эшшекге къатын болма, болсангъ чыда* (посл.) 'не становись женой ослу, а коли станешь, так уж терпи'. *Анангъны къады къачырса, кимге соравгъа барырсан?* (посл.) 'если твою мать похитит кадий, то к кому пойдешь жаловаться?' *Бийге инанма, сувгъа таянма* (посл.) 'на бия не полагайся, на воду не опирайся'.

О ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В вопросе о кумыкских придаточных предложениях особенно необходимо учитывать специфику кумыкского синтаксического строя. В некоторых кумыкских учебниках (например, книга А. Батырмурзаева, изд. 1933 г., стр. 26—30), так же как и в учебниках по другим тюркским языкам, не так давно в основу классификации придаточных клалось убеждение, что там, где мы имеем придаточное по-русски, будет придаточное и, скажем, по-кумыкски. А так как система русских придаточных в общем достаточно разработана, то и проблему классификации придаточных в кумыкском языке можно разрешить достаточно легко. Но такая точка зрения, явно недоказанная, совершенно игнорирует специфику кумыкского синтаксиса и пытается заменить его схемой русского синтаксиса. Между тем в области синтаксиса кумыкский и русский языки расходятся особенно значительно. Приведем примеры. В названном уже учебнике Батырмурзаева (стр. 27) дается такой пример на придаточное дополнительное (*толумлукъ жумла*): *оъзуъм билегенни олагъа айтдым* 'я сказал им то, что сам знал'. С точки зрения русского синтаксиса пример — удовлетворительный, но по-кумыкски дело обстоит иначе. По-кумыкски собственно сказано: «я сказал им предмет моего собственного знания» (*билегенни*). Логически это эквивалентно русской фразе, синтаксически — нет. По-кумыкски нет второго особого предложения со своим подлежащим и сказуемым, как по-русски, а имеется одно только дополнение (*билегенни*) с относящимся к нему определением *оъзуъм* (или теоретической формой *оъзуъмнуъ*). Таким образом, в этой приведенной автором фразе можно говорить только о дополнении, как о второстепенном члене простого предложения, а не о придаточном дополнительном. Второй пример, приведенный автором на стр. 29, едва ли может претендовать на название «придаточное предложение» даже и с точки зрения русского языка: *Абакар бара-бара оланы бездирген эди*, т. е. 'ходя-ходя Абакар надоел им' (= своим частым хождением Абакар надоел им). Деепричастие *бара-бара* (ходя-ходя, т. е. много или часто ходя) является обычным обстоятельством образа действия в составе простого предложения, а вовсе не придаточным образа действия (*куъй жумла*). В этих и подобных им примерах авторы ошибочно отождествляют кумыкское дополнение, кумыкское обстоятельство и т. д. с придаточным предложением соответственного типа. Делается это, очевидно, потому, что в русской практике

данная мысль выражается при помощи предложения из двух частей: главного и придаточного. Поэтому для того, чтобы правильно классифицировать кумыкские придаточные, прежде всего необходимо, чтобы это были именно предложения, а не отдельные слова, которым по их логическому весу могут соответствовать придаточные предложения в языках иной системы. Итак, естественно возникает вопрос: что считать придаточным предложением в кумыкской речи или, иначе говоря, каким требованиям должно удовлетворять кумыкское придаточное предложение? Придаточное предложение характеризуется двумя основными признаками: 1) относительной логической самостоятельностью, 2) отдельно выраженным сказуемым (в одной из форм лица, так наз. *verbum finitum*) и подлежащим. Отдельное обозначение подлежащего в кумыкской фразе, правда, может отсутствовать, тем не менее в некоторых случаях (переходного типа) оно из второстепенного признака становится решающим. С этой точки зрения придаточными будут такие, например, части сложного предложения: *не чачсангъ, шону орурсан* 'что посеешь, то и пожнешь' (точнее: «если что посеешь, то и пожнешь»). Здесь слова *не чачсангъ* являются придаточным предложением, потому что а) выражают самостоятельную мысль, которая заключает в себе условие для реализации мысли главного предложения (*шону орурсан*), б) имеют сказуемое *чачсангъ*, стоящее в форме лица (2-е лицо единственного числа). 3) *адам бар ким адамланы нахшыдыр, адам бар ким гьайван ондан яхшыдыр* 'бывает такой человек, что он — украшение людей, (а) бывает и такой человек, что скотина лучше его' (пословица). Здесь все предложение — сложное по способу сочинения; граница между двумя сочиненными проходит после слова *яхшыдыр*, а каждое из них, в свою очередь, составлено по способу подчинения: главное *адам бар* и придаточное *адамланы нахшыдыр*, второе главное — *адам бар* и при нем придаточное *гьайван ондан яхшыдыр*. Помимо двух общих признаков, о которых мы говорили выше, эти два придаточных отличаются еще тем, что они вводятся «союзным словом» *ким* (собственно: «кто», вспомогательные значения: «который; что; так что»). Эта особенность, которая для русского языка имеет решающее значение, в кумыкском встречается эпизодически. Тем не менее наличие ее будет указывать на присутствие придаточного, как такового.

Огромное большинство предложений с причастиями, деепричастиями, формой на *-агъан*, *-гъан* и *-ажакъ* не удовлетворяют основным требованиям придаточных предложений. Эти случаи мы будем рассматривать, как обычные причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты в составе простого предложения. Приведем примеры: 1) *Ашап тоймагъан ялап тоймас* 'тот, кто не насытился едой (собственно: едя), не насытится лизанием (собственно: лижа) (пословица). Здесь мы имеем один причастный и два деепричастных оборота. 2) *Болмагъан агъачны туъбуънде тувмагъан тавшан бола* 'под несуществующим деревом неродившийся заяц бывает' (пословица). Здесь имеем два причастных оборота. 3) *Хасаев командировкагъа гетип бир хыйлы гуънлерден сонгъ къайтып гельди* 'отправившись в командировку, Хасаев через несколько дней вернулся обратно' (дословно: «при-

ехал, вернувшись» — семантически одно понятие). Здесь имеем два деепричастных оборота.

Попробуем наметить конкретно те типы кумыкских предложений, которые всегда образуют придаточное в том его понимании, как мы говорили выше. Сюда относятся:

1) Придаточные условные (*шарт жумла*): *башгъа заман болгъан буса, бир зат да айтмас эди* 'если бы было другое время, он бы ничего не сказал'. Вначале идет придаточное (кончая словом *буса*), дальше главное предложение.

Почтаны ишине тергев берильсе, яман болмас эди 'было бы не плохо, если бы работе почты было уделено внимание'. Вначале идет придаточное предложение (кончая своим сказуемым *берильсе*), далее — главное.

2) Придаточные уступительные, которые для кумыкского языка являются частным случаем условных предложений; поэтому сказуемое в них всегда выражается формой лица. Примеры на стр. 200.

3) Придаточные (следствия, определительные, причинные и т. д.), в начале которых имеются так называемые «союзные слова» (местоимение *ким* и другие). Ср. из фольклора: *ол недир ге юздуър бармагъы* 'что это такое, что у него 100 пальцев?' (загадка), где *ге* есть видоизмененное персидское *ке* || *ки* (что, который, так что).

Адам бар ким [1]) *адамланы нахшыдыр, адам бар ким гьайван ондан яхшыдыр* 'бывает такой человек, что он является украшением людей, а бывает и такой человек, что скотина лучше его' (пословица).

Ол Азаматны юрегинде шо атгъа алайда бир ялынлы гоънгуълъ къопартды чы, гьатта ол сувгъа батып ольмеге хазир эди 'он до такой степени раздул в сердце Азамата пламенное желание (достать) этого коня, что тот готов был (ради него) идти в огонь и воду'. В этом примере придаточное следствия выражено двумя формальными словами: кумыкским *чы* в конце главного предложения и арабским *гьатта* — в начале придаточного.

Из среды причастных и деепричастных оборотов мы склонны выделить такие, в которых при причастии и деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части фразы. Хотя такие обороты не удовлетворяют одному из выставленных выше основных признаков придаточного (сказуемого в форме лица), однако мы склонны считать их тоже придаточными, хотя и переходного типа: в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обозначающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим (и логическим) подлежащим.

4) Причастные обороты, если при причастии имеется особое подлежащее.

Огъар, поездланы расписаниеси язылгъан эки китап бердилер 'ему дали две книги, в которых было напечатано расписание поездов'. Здесь слова *поездланы расписаниеси язылгъан* составляют особое придаточное со сказуе-

[1]) В живой речи книжное *ким* в этой пословице пропускается.

мым в форме причастия (*язылгъан*) и с логически и грамматически тяготеющим к нему подлежащим (*расписаниеси*).

Бу колхозда, ичи малдан толу бир кооператив бар 'в этом колхозе есть кооператив, весь переполненный товаром'. При *толу* пропущено *болгъан*; сказуемое *толу* (*болгъан*) имеет при себе свое особое подлежащее: *ичи*. Слова *ичи малдан толу* поэтому являются придаточным.

Коъмек касса оъзлени къарамагъа гишиси йокъ инвалидлер учун уьй болдургъан 'касса взаимопомощи построила дом для инвалидов, за которыми некому смотреть'. Слова *оъзлени къарамагъа гишиси йокъ* (с пропущенным *болгъан*) являются придаточным.

5) Деепричастные обороты, если при деепричастии имеется особое подлежащее.

Ревизия гельгенче, барыда затланы тартипге салмагъа герек болады 'пока ревизия не приехала, нужно привести все в порядок'. *Ревизия гельгенче* — придаточное предложение, так как здесь при деепричастии *гельгенче* имеется особое подлежащее *ревизия*.

Мен Дагъыстандан гетгенли, уьч ай болду 'прошло три месяца с тех пор, как я уехал из Дагестана'. *Мен Дагъыстандан гетгенли* — придаточное предложение.

В отличие от разобранных конструкций оборот *мен гельгенде* во фразе *мен гельгенде сен уьйде йокъ эдинг* 'когда я пришел, тебя не было дома' мы не склонны считать придаточным. Это — причастный оборот, поскольку *мен гельгенде* неоформленно выражает то же, что и соответствующая ему эквивалентная форма *мени гельгенимде* или просто *гельгенимде*. Здесь, таким образом, *мен* выступает единственный раз, как неопределенный падеж личного местоимения, а формы *мен гельгенде* и *мени гельгенимде* || *гельгенимде* надлежит рассматривать, как стилистические параллели. Оба оборота (и *мен гельгенде*, и *мени гельгенимде*) по существу означают «при моем прихождении».

Оборот *мен гельгенде*, который мы не считаем придаточным, отличается от оборота *мен гельгенче*, 'прежде чем я пришел', который мы считаем придаточным, в силу того, что на современной стадии языка он не может быть заменен никакой именной конструкцией: ведь вместо *мен гельгенче* нельзя сказать *мени гельгенимче* или как-нибудь в этом роде. Таким образом устойчивая глагольность формы *гельгенче* заставляет воспринимать неопределенный падеж *мен* именно как падеж подлежащего, а не определения.

К вопросу о придаточных имеет отношение конструкция с *деп*. Служебное слово *деп* исторически является деепричастием глагола *демек* (говорить) и собственно означает «сказав». В настоящем своем употреблении *деп* замыкает собою грамматически самостоятельные предложения (соответствующие русским придаточным дополнительным, придаточным цели), и потому слово *деп* можно было бы назвать «послелогом предложения» в отличие от обычного послелога, замыкающего отдельное слово и управляющего им. Кроме того, *деп* замыкает собою предложения чужой речи. В нелатинизированных текстах языков тюркской системы (на арабском шрифте) слово *деп* заменяло кавычки европейских орфографий. До некото-

рой степени семантику *деп* в этом его употреблении можно сопоставить с русскими «мол, де, дескать».

Пример: *ол юртлагъа гельди яман бир хабар, оны уьстуьне гуьчлуь душман геле деп* 'в те аулы пришла дурная весть, что, мол, на них идет сильный враг'. В некоторых случаях самый факт говорения, первоначально связанный с *деп*, уже окончательно выветрился, но слово *деп* удержалось: *огъар дослары коьмек этер деп умут эте* 'он надеется, что ему помогут друзья' (дословно: «друзья помогут — говоря, надеется»).

В данном случае мы имеем конструкцию двух независимых предложений, скрепленных служебным словом *деп*, причем 1-е предложение перед словом *деп* явно подчинено 2-му. Первое предложение можно назвать придаточным дополнительным в собственном смысле; только вместо привычного для русского синтаксиса союза «что» в начале предложения, мы имеем в конце кумыкского придаточного замыкающее служебное слово (→ послелог → союз) *деп*. Если бы этот (6-й по нашему перечню — см. выше) тип придаточных получил в кумыкском языке широкое развитие, мы имели бы здесь такие же придаточные предложения, как и в русском, с той только разницей, что формальная связь (по-русски союзы, по-кумыкски *деп*) стояла бы в разных местах предложения. (Другими словами, *деп* находился бы в таком же отношении к русскому союзу «что», как послелог к предлогу.)

Ср. еще пример: *Казбич оьзуьнуь соймагъа суьеди деп къыччыргъан* 'он кричал, что Казбич-де (*деп*) хотел его убить' (дословно: «Казбич его убить хотел — говоря, кричал»). В этом примере (и в подобных ему) *деп* придает всему факту некоторую субъективную окраску. Это — версия кричавшего, а сам автор как бы снимает с себя ответственность за достоверность, чего не было бы, если бы вместо оборота с *деп* был поставлен причастный оборот (*суьегенин* и т. д.).

Пример на *деп* в значении союза цели: *мунда бизде йол будкада иш бар, сени огъар салсын деп дистанцияны начальнигинден тилермен* 'здесь у нас есть работа в дорожной будке; я попрошу начальника дистанции, чтобы он назначил тебя в нее'.

Русскому придаточному («чтобы он назначил тебя в нее») соответствует кумыкское *сени огъар салсын деп*; повелительное наклонение *салсын* подчеркивает целевой характер придаточного; иначе (при форме изъявительного наклонения) было бы придаточное дополнительное. Дословно кумыкское придаточное означает: «тебя в нее пусть назначит — говоря».

Деп в значении русского «ли» при косвенном вопросе, т. е. по существу разновидности придаточного дополнительного: *поездни авазы гельмей-мукен деп тынгълап къарап* 'он прислушивается, не раздается ли гудок поезда' (дословно: «не приходит ли голос поезда — говоря. . .»).

При глаголах со значением «говорить, спрашивать, отвечать» и т. д. (латинское обозначение их — *verba dicendi*) слово *деп* ставится как чисто

формальный элемент, без какой-либо смысловой значимости для современного языка.

Примеры: *Хоншу! деп къыччыра* 'он кричит: «сосед!»' (дословно: «сосед, говоря, кричит»). *Сен мунда ишлейгенинг хыйлы боламу? деп начальник сорады* '«давно ли ты здесь работаешь?» спросил начальник' (дословно: «ты здесь давно ли работаешь — говоря, начальник спросил»). *Эринг къайтгъанмы? деп сорай* '«вернулся ли твой муж?» спрашивает' (дословно: «вернулся ли твой муж — говоря, спрашивает»). *Болмады деп жавап берди* '«не вышло», ответил он' (дословно: «не вышло — говоря, ответ дал»). *Коъп шатман, коъп шатман — деп жават берди* '«очень рад, очень рад» — ответил он' (дословно: «я очень рад, очень рад — говоря ответ дал»).

Употреблением *деп* в кумыкском языке (как и в других тюркских) разрешается вопрос о передаче прямой речи: на ряду с кавычками, которые теперь ставятся в начале и в конце прямой речи, в конце ее, кроме того, полагается *деп*. Характерно заключительное сочетание двух «глаголов говорения» (*verba dicendi*) *деп айтды* («говоря, сказал»), из которых 1-й превратился уже в служебное слово: — *Мени! деп айтды* 'меня, сказал он' (дословно: «меня — говоря, сказал»).

ПОРЯДОК СЛОВ В СЛОЖНО-ПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В сложно-подчиненном предложении в основном наблюдается такое расположение частей: придаточное предложение или стоит в начале главного или в его середине, причем всякий раз предшествует тому члену главного, к которому непосредственно относится.

Примеры: *не чагъы суъйсенг, агъачыбыз бар* 'дров у нас сколько хочешь' (дословно: «сколько бы ты ни захотел — дров у нас есть»). *Поезданы расписаниеси язылгъан эки китап бердилер* 'дали две книги, в которых написано расписание поездов' (дословно: «поездов расписание — написанное | две книги дали»). *Шолай болса, бизге сени булан соъйлешмеге де зат къалмай* 'если так, то нам с тобой и разговаривать не о чем'. *Бизге, арбалар оътеген йоллагъа сари къайыр тоъгуъгуъз деп буюрдулар* 'нам приказали, чтобы мы посыпали (посыпать) желтого песку на дорогу, по которой проедут экипажи' (здесь главное предложение *бизге буюрдулар* служит как бы рамками, внутри которых помещено придаточное, замкнутое словом *деп*). *Гъа, шо гетген йыл сиз оъзуънуъ гъакъында арз этген Алиевму?* — 'а, это тот Алиев, на которого вы в прошлом году подавали жалобу?' *Тоъбенги Жуънгуътейдеги толмагъан орта школаны расписаниесинде Амин Хасаев загъмат ва черчение дарсланы бере деп язылгъан буса да, гъеч ону яшлагъа береген пайдасы йокъ* 'хотя в расписании неполной средней школы (аула) Нижний Джунгутей и значится, что Амин Хасаев дает-де уроки труда и черчения, — однако для детей он не приносит никакой пользы'.

Исключение представляют старые (заимствованные из персидского) конструкции, в которых придаточные предложения вводятся относительными

местоимениями (*ким*) и союзами, заимствованными из персидского и арабского (*ге* < *ке*, *гьатта* и др.).

Примеры: *Адам бар ким адамланы нахшыдыр* 'бывает такой человек, что он является украшением людей'. *Ол недир ге къангъа ошар, къаны йокъ, къатыны йокъ, эри йокъ, яшланы саны йокъ?* 'что это такое, что (само) похоже на кровь, а крови у него нет, жены у него нет, мужа нет, а детям нет числа?' (загадка про арбуз). *Гъава алай да сийрек болмагъа башлагъан эди чи, гьатта тыныш алмагъа къыйын эди* 'воздух становился до того разреженным, что трудно было дышать'.

В новейшем языке (особенно часто при переводах с русского) можно наблюдать тенденцию к постановке придаточных предложений после своего главного. Приведем несколько примеров: *айтыгъыз, неге сизин арбагъызны дөрт оъгуъз масхарагъа йимик тынч тарта?* 'скажите, почему это вашу повозку четыре быка тащат как бы шутя?' *Гөъресиз, нечик халкъдыр булар!* 'видите, какой они народ!' *Къарагъыз, нечик туътуънлене?* 'видите, как [гора] курится?' *Йокъ, мен оълуърмен, сен шо атны магъа сатмасангъ!* 'Нет, я умру, если ты не продашь мне этой лошади!' *Умут этемен, шу алыш-бериш сени учун коъп пайдалыдыр деп* 'надеюсь, что эта сделка для тебя очень выгодна'. *Сен билесен чи, мен сени нечик суъемен* 'ты ведь знаешь, как я тебя люблю'.

УСЛОВНЫЙ ПЕРИОД

Условным периодом называется сложно-подчиненное предложение, состоящее из главного и предшествующего ему придаточного условного. Сказуемое в придаточном условном всегда выражено личной формой — именно одной из условных форм; наличие в начале условного предложения, заимствованного из персидского языка условного союза *эгер* (если) необязательно.

Поскольку условных форм несколько, существует определенная закономерность в их употреблении; эта же закономерность распространяется и на формы сказуемого главного предложения. Таким образом, здесь можно говорить о своеобразной последовательности времен (латинский термин consecutio temporum), хотя и не в такой строго определившейся ее форме, как это наблюдается, например, в латинском языке. Само собой разумеется, что это соотносительное употребление глагольных форм придаточного и главного предложений стоит в связи со смысловой дифференциацией отдельных типов условного периода. Критерием для такой дифференциации служит то, насколько условие, выраженное придаточным, и следствие этого условия, выраженного главным, соответствуют реальности, соответствуют фактам. Степень реальности устанавливает сам говорящий, и потому естественно, что какая-нибудь предпосылка (условие) и вывод из нее, реальные по мнению одного говорящего лица, окажутся нереальными по мнению другого и т. д.

1) Реальный случай условного периода. В этом случае и условие (предпосылка) для какого-нибудь факта, и самый факт

(вывод) являются, с точки зрения говорящего, вполне реальными, обычными событиями, которые случаются на каждом шагу.

При этом в придаточном предложении ставится настоящее время условного наклонения, а в главном чаще всего Будущее I, которое, в противоположность Будущему II, именно означает «обусловленное будущее»; кроме того, в главном предложении могут быть повелительное наклонение, желательное наклонение и, реже, — Будущее II и Настоящее время изъявительного наклонения.

Примеры: *барсам ярай, бармасам да ярай* 'возможно, что я пойду, а возможно, и не пойду' (дословно: «если я пойду — ладно, и если я не пойду — ладно»). *Олай болса, къатынынгъа гель деп яз* 'если так (дословно: «если так является || будет), выписывай жену (дословно: «приезжай, говоря, пиши»)'. *Бир зат этмеге эсине туъшсе, оланы гъакъында йолну мастерине барып тилей* 'если ему придет в голову что-нибудь сделать, он идет просить об этом дорожного мастера'. *Шолай болса, бизге сени булан соъйлешмеге зат да къалмай* 'коли так (дословно: «коли так будет»), нам с тобой и разговаривать не о чем'. *Оъзуъм сав бусам, унутмам* 'коли буду жив, не забуду', *Мен оълуърмен, сен шо атны магъа сатмасангъ* 'я умру, если ты не продашь мне этой лошади'. *Бу гече Бела шунда болмаса, сонгъ сен шо атны гоърмежексен* 'если сегодня ночью Бела здесь не будет, то ты потом так и не увидишь этого коня' (Будущее II, как известно, имеет более категорический характер, чем Будущее I). *Ол бильген, къолгъа туъшсе, башы сав къалмажагъын* 'он знал, что если он попадется в руки, то его голове не сдобровать'. *Атасы къызын къайтармагъа таклиф этмеге башласа, бермеге герек болажакъ* 'если отец начнет требовать обратно свою дочь, то придется ее отдать'. *Шу къызны шону атасына къайтарып берсек, ол муну я сояр яда биревге гъайванны йимик сатар* 'если мы отдадим эту девушку обратно ее отцу, он или зарежет ее, или продаст ее, как животное'. *Сен гъалиден шонда шолай пашман гъалда сагъышлана турсангъ, мен оълежекмен* 'если ты после этого все будешь вот так тосковать, то я умру'. *Бек сакъ болмасакъ, гъар минутдан учурумгъа авуп туъшмеге, яда къакъкъагъа йыкъылмагъа ярайбыз* 'если мы не будем очень осторожны, то мы каждую минуту, того и гляди, либо скатимся в провал, либо свергнемся в бездну'. *Иш шолай узатылса, мен оъзуъм чыгъып уъйге гетермен* 'если дело так затянется, я сам уйду домой'. *Туъзуън айтсам, мен гъали де ону суъемен* 'если правду сказать (дословно: «если я скажу правду»), я и сейчас его люблю'. *Эй, къайтсакъ яхшы туъгуълъмуъкен* 'эй, а не лучше ли нам вернуться?' (дословно: «если вернемся, не лучше ли будет?»). *Ат минмеген ат минсе, чаба чаба оълтуъруър, тон гиймеген тон гийсе, къагъа къагъа битирир* (посл.) 'если тот, кто никогда не садился на коня, сядет на него, он загонит его, поминутно погоняя; если тот, кто никогда не надевал шубы, наденет шубу, он доканает ее, поминутно выколачивая'. *Эшшекге къатын болма, болсангъ чыда* (посл.) 'не становись женой ослу, а коли станешь, так уж терпи'. *Гоъз гоърмесе, гоънгуълъ суъймес* (посл.) 'если глаз не увидит, так и сердце не полюбит' (ср. русское: «с глаз долой — из сердца вон»). *Тавлардан тавлар*

бийик, сызгъырса чыгъар гийик 'одни горы выше других; если свистнуть (дословно: «если они свистнут»), выбегает олень' [в хасав-юртовском диалекте: волк] (народная песня). *Сен сагъынсангъ, гелирсен къарлы тавланы соъгуъп* (нар. песня) 'если ты соскучишься, то придешь, преодолев (дословно: распоров) снеговые горы'.

Для того, чтобы ярче подчеркнуть настоящее время в условном придаточном, в нем ставится особый тип *ала бусангъ* 'если ты берешь теперь' вместо *алсангъ* с его широким значением настоящего (если ты берешь) и будущего (если ты возьмешь).

Примеры: *Суье бусангъ, магъа бакъ* (из народной песни) 'если ты меня любишь, взгляни на меня'. *Сен мени суье бусангъ, эртен ахшам бизге гелъ* (оттуда же) 'если ты меня любишь, приходи к нам утром и вечером'. *Суье бусангъ, мен сагъа гелермен* 'если ты хочешь, то я к тебе приду'. *Ол мени суъймей буса, ким огъар мени уъйге йибермеге буршав эте?* 'если он меня не любит, кто мешает ему отпустить меня домой?'

Форма *буса*, которая в приведенных примерах выполняет чисто вспомогательную функцию в отличие от семантически полновесного *болса*, имеет еще одну вспомогательную функцию. Мы имеем в виду тот случай, когда *буса* стоит после любого лица (1-го, 2-го или 3-го) и, не меняясь в своей форме, осознается, как послелог со значением «а, же, что касается».

Примеры: *муна буса, сен бу станцияда токъта* 'так вот (*муна буса*), ты останься (собственно: «остановись») на этой станции'.

Василий чи коъбуъсуъ тынгълап турады; Семен буса, оъзуънуъ юртуну, асгерде къуллукъ этгенлерини хабарларын соъйлей 'Василий-то больше молчал, а Семен знай все рассказывает про свою деревню, про свою военную службу'. *Мунда—дей—паччалыкъ ревизия, олай, булай, сен буса, бакъчаны гъакъында арз этесен! Мунда—дей—яшыртгъын советниклер, сен буса, капусталарынгъ булан сугъулуп гелесен* 'здесь, говорит, государственная ревизия, такой-сякой, а ты (*сен буса*) подаешь жалобу насчет сада! Здесь, говорит, тайные советники, а ты лезешь со своей капустой!' *Бу ер буса, йолну бургъуч къайтыкъ ери* 'а место это (*бу ер буса*) на завороте путей'.

Третье лицо единственного числа условной формы часто употребляется для выражения времени.

Примеры: *о уъюне къайтгъанда къараса, къарт атасы оълген* 'когда он вернулся домой — глядь! отец уже умер' (дословно: «когда он по возвращении домой посмотрел = глядь!»). *Бир станцияда, къараса, ону начальниги таныш адам йимик гоъруъне* 'на одной станции смотрит (дословно: «когда посмотрел»): начальник ему как будто знако́м'.

2) Ирреальный случай условного периода. В придаточном предложении обычно ставится описательная условная форма типа *баргъан болсам*, а в главном — Имперфект II, Будущее - прошедшее или другие времена. В этом случае условие или предпосылка к действию, ко-

торая высказывается в придаточном предложении, по самому своему содержанию является нереальной, неосуществимой, а потому нереален и самый вывод, который выражен в главном предложении.

Примеры: *Яхшы болажакъ эди мен шону орманны къырыйында къоюп оъуъм туъшуъп шонда яшынгъан бусам* 'было бы хорошо, если бы я, оставив его (= коня) на опушке леса, сам слез бы и спрятался бы там'. *Григорий Александрович ону ташлап къойгъан буса, языкъны ахыры не болур эди?* 'если бы Григорий Александрович ее бросил, то какова была бы судьба несчастной?' *Башгъа заман болгъан буса, бир зат да айтмас эди* 'если бы было другое время, он бы ничего не сказал'. *Бираз да къыздыргъан буса, мен ону къанын къусдурар эдим* 'если бы он немного рассердился, я бы ему пустил кровь!'

3) Предполагаемый или возможный случай условного периода. По содержанию этот тип условного периода лежит посредине между реальным и ирреальным случаями; он не является таким обыденным, как первый, но и не является абсолютно невозможным. В кумыкском языке он употребляется редко и имеет оттенок обязательности. В этом случае по-кумыкски сказуемое придаточного предложения выражается сложной условной формой типа *баражакъ бусам*: если я буду обязан пойти'. См. также сказанное на стр. 125.

УСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОБОРОТ

Если для русского синтаксиса придаточные уступительные с характеризующими их союзными словами (хотя; несмотря на то, что; как бы ни; сколько бы ни) представляют самостоятельный тип придаточных предложений, — для кумыкского (как и для всех тюркских языков) это не более, чем частный случай придаточного условного. В самом деле, достаточно к любой из условных форм, например *алсам* 'если я беру', прибавить энклитику (= безударную частицу) *да*, как у нас получится уступительный оттенок: *алсам да* 'если я и беру' = 'хотя (несмотря на то, что) я беру'. В значении русского «как бы ни» или «сколько бы ни» данный оборот может усиливаться за счет поставляемых в начале придаточного слов *не чагъы*, например: *не чагъы охуса да* 'сколько бы он ни читал', 'как бы он ни читал'.

Примеры: *Нечик болса да, иш къыдырмагъа герек* 'как бы там ни было, а надо искать работу'. *О къатын башлап соъйлемей къалса да, сонгъ айта* 'та женщина, хотя сперва и не отвечала, но под конец говорит'. *Оъзуъме яхшылыкъ этмесем де, гертилик учун иш тутмагъа герек* 'хоть я себе лучше (дословно: «добра») и не сделаю, но во имя правды надо начать дело'. *Сен не суъйсенг де, мен шону этермен* 'как ты там хочешь (= что бы ты там ни хотел), а я это сделаю'. *Тез я геч буса да, сен меники болажакъсан* 'рано или поздно (дословно: «хоть это будет рано или поздно»), а ты будешь моей'. *Не чагъы башынгъы гоътерип къарасангъ да, йол оърге бара эди* 'сколько бы ты ни смотрел, поднявши голову кверху, — дорога (все время) шла вверх'. *Нечик болса да, мен умут этемен* 'как бы там ни было, а я питаю

надежду'. *Къой гъар ким нечик суъйсе де, этсин* 'пусть каждый делает так, как он хочет'. *Ол эшшекде югуьм де йокъ, ярдан учса да къайгъым да йокъ* (пословица) 'на том осле моего груза нет: хоть бы он со скалы свалился у меня о том заботы нет'.

ПРИДАТОЧНЫЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ

В связи с тем, что говорилось о типе кумыкских придаточных, мы считаем придаточными определительными только те причастные обороты, при которых имеется подлежащее, особое от подлежащего при главном глаголе. Необходимо также, чтобы причастие, в котором приходится видеть сказуемое придаточного, логически было связано со своим подлежащим, а не с каким-либо членом главного предложения.

Поясним это следующими примерами: *Мен йорав этмеген ишлер болуп чыкъды* 'произошли события, которых я не мог предполагать' (дословно: «я — не предполагающий | события произошли»). Предложение как бы слеплено из двух отдельных частей: 1) я не предполагаю, 2) события произошли. Для того, чтобы первое предложение подчинить второму по линии определения, сказуемое 1-го предложения («не предполагаю») поставлено формально в форме причастия; логически же оно относится к слову «я» (*мен*), так как нельзя же подумать, что сами события предполагали.

Возьмем еще пример: *Гуьннуь узагъына мен лакъыр этип тургъан адам мунда гельди* 'человек, с которым я беседовал целый день, пришел сюда' (дословно: «целый день я — беседующий | человек сюда пришел»). «Беседовал», конечно, не «человек», а «я», и это дает нам основание выделять группу слов *мен лакъыр этип тургъан* 'я беседующий' в качестве придаточного. Другое дело, если бы было сказано: *Гуьн узагъына лакъыр этип тургъан адам. . .* 'человек, беседовавший целый день. . .' Это мы, не колеблясь, отнесли бы к причастным оборотам.

Возьмем еще примеры, хотя бы они и не представляли собой вполне законченное сложное предложение: *Гъеч бирев алып болмагъан къала. . .* 'крепость, которую никто не может взять' (дословно: «никто взять не могущий | крепость. . .»). *Гъеч бир адам болмагъан якъ. . .* 'сторона (край), в которой никто не бывал' (дословно: «ни один человек — не бывший | сторона. . .»). *Коъп машин йоллар къаршылагъан станция* 'станция, где сходится много железнодорожных путей' (дословно: «много железнодорожных путей — сходящиеся | станция. . .»). *Мен аты нечик эженни унутгъан китап. . .* 'книга, название которой я позабыл' (дословно: «я, имя ее как — позабывший | книга. . .»).

В последнем примере связь между главным и придаточным выражена также при посредстве местоименного аффикса 3-го лица («ее»). Такой тип предложения заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. Когда подлежащее придаточного связано с подлежащим или другим членом главного по схеме принадлежности и относится к нему, как часть к целому (по-русски, «которого» — род. пад., или «чей», или местоимение с предлогом), то по-кумыкски имеем своеобразный оборот. Часть прида-

точного, логически связанная с каким-либо членом главного, принимает аффикс 3-го лица для оформления этой связи, причем сказуемое придаточного стоит в причастной форме или только подразумевается (последнее касается слова *болгъан*).

Примеры: *Яшлар-ы ойнап турагъан къатын. . .* 'женщина, дети которой играют'. . . (дословно: «дети ее — играющие | женщина»). *Бир гоъзуъ къыйшыкъ болгъан ат. . .* 'конь, у которого один глаз кривой'. . . (дословно: «один глаз его кривой являющийся | конь. . .»). *Балалары коъп къуш уя эте* 'птица, у которой много птенцов, вьет (собственно: «делает») гнездо' (дословно: «дети ее — многие | птица гнездо делает»). *Башгъа паччалыкълар булан савдуъгери эркин паччалыкъ. . .* 'страна, торговля которой с другими странами обширна'. . . (дословно: «торговля ее с другими странами — обширная | страна...»). *Уъюнде бирев де йокъ янгъыз къарт оълъген* 'умер одинокий старик, в доме у которого никого не было' (дословно: «в доме его ни один не бывший | одинокий старик умер»). *Кисесинде коъп акъчасы болгъан бир адамны оълтуъргенлер* 'убили человека, в кармане у которого было много денег' (дословно: «в кармане его много денег бывшие | человека убили»). *Мени бу гуън тавушу бельгили гоъруънген бир къатын токътатды* 'сегодня меня остановила какая-то женщина, голос которой показался мне знакомым' (дословно: «меня сегодня | голос ее знакомым показавшийся | одна женщина остановила»). *Къарангъы заманда мен бетин айырып болмагъан гиши мени янына гельди* 'в темноте ко мне подошел человек, лица которого я не мог рассмотреть' (дословно: «в темноте | я лицо его разобрать не умеющий | человек ко мне подошел»). *Терезелерини бириси тавгъа бакъгъан, бириси де денгизге бакъгъан уьй* 'дом, одно из окон которого обращено на гору, а другое — к морю' (дословно: «из его окон одно на гору смотрящее, а другое к морю смотрящее | дом»). *Башында чачы аз, мыйыкълары узун къарт* 'старик, на голове у которого мало волос, а усы у которого длинные. . .' (дословно: «на голове его волосы его — малые, усы его — длинные | старик»). *Айланасы коълледен толгъан тав* 'гора, окрестности которой полны озерами' (дословно: «окрестности ее озерами наполненные | гора»).

Особый случай представляют придаточные со сказуемым *бар* и *йокъ*, после которых *болгъан* обычно пропускается.

Примеры: *Атасы анасы йокъ яш* 'ребенок, у которого нет отца и матери' (дословно: «отец его, мать его — не имеется | ребенок»). *Беш боълуъгуъ бар китап* 'книга, в которой пять частей' (дословно: «пять частей ее имеется | книга...»). *Охуву языву бар адам* 'грамотный человек' = 'человек, у которого есть чтение и письмо' (собственно: «чтение его, письмо его — имеется | человек. . .»). *Акъчасы йокъ адам* 'человек, у которого нет денег' (дословно: «деньги его не имеются | человек. . .»). *Коъп чабакълары бар сув* 'река, в которой много рыбы' (дословно: «многие рыбы ее имеются | река»). *Ягъасында бизин уьй бар орам коъп генг* 'улица, на краю которой находится наш дом, очень широка' (дословно: «на краю ее наш дом имеется | улица очень широка»). *Яшы йокъ къатын* 'женщина, у которой нет детей' (дословно: «дети

ее не имеются | женщина»). *Бир нече группасы бар школа* 'школа, в которой несколько групп' (дословно: «несколько групп ее имеется | школа»).

В известных случаях причастная конструкция заменяется послелогом *булан* с аффиксом - *гъы*, и в этом случае придаточное, как таковое, ликвидируется.

Примеры: *Коъп уьйлери булангъы юрт янды* 'сгорело село (которое = *гъы*) со (*булан*) многими домами'. *Паччалыкъ акъчасы булангъы адамны ольтуьрдуьлер* 'убили человека с казенными деньгами' (вместо: «человека, у которого были казенные деньги»). *Сыныкъ япгъан къалкъысы булангъы уьй* 'дом с крышей, покрытой черепицей' (вместо того, чтобы сказать: «дом, крыша которого покрыта черепицей»). Конструкции с *бар* и *йокъ* могут входить в состав других конструкций, причем *бар* и *йокъ* склоняются: *уланы йокъ-ну уью. . .* 'дом того, у которого нет сыновей. . .'

Из всех этих примеров видно, что основной связью между главным и придаточным служит порядок слов: придаточное всегда стоит перед тем словом главного, к которому оно относится. Другие же формы связи: аффикс 3-го лица у одного из слов придаточного, причастная форма его сказуемого— имеют лишь второстепенное значение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

ФОНЕТИКА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА 5

Общие сведения 5
Вокализм 5
Классификация гласных 8
Консонантизм 10
Согласные в начале слова 14
Согласные в середине слова 17
Согласные в конце слова 18
Сингармонизм 18
Гармония гласных 19
Гармония согласных 22
Комбинаторные изменения гласных в середине слова 23
Комбинаторные изменения согласных, отражающиеся на письме 24
Комбинаторные изменения согласных в середине слова, не отражающиеся на письме 24
Случаи sandhi 27

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ДИАЛЕКТАХ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА 31

Диалект хайдакских кумыков 31
Буйнакский диалект 35
Хасав-юртовский диалект 39

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС 43

Вводные замечания 43
Категория сказуемости 44
Парные словосочетания 46
Междометия 48
Морфологическое развитие слова 50
Категория склонения 54
Категория принадлежности 58
Аффиксы принадлежности 60
Фонетические явления, сопровождающие категорию принадлежности 63
Особенности склонения форм принадлежности 65
Формы прилагательных 67
Степени сравнения прилагательных 70
Превосходная степень 70
Числительные 72
Местоимения 76

Стр.

Личные местоимения 76
Указательные местоимения 78
Притяжательные местоимения 80
Вопросительные местоимения 81
Определительные местоимения 82
Неопределенные местоимения 83
Словообразование 83
Аффиксы имен 83
Аффиксы образования имен от глаголов 87
Послелоги 88
Наречия 91
Союзы 93
Глагол 93
Настоящее время изъявительного наклонения 93
Будущее время I 96
Будущее II 102
Перфект 104
Прошедшее категорическое 107
Имперфект I 111
Имперфект II 114
Давнопрошедшее (или Плюсквам-перфект) 115
Будущее-прошедшее 116
Повелительное наклонение 118
Желательное наклонение 121
Условное наклонение 123
Инфинитив 125
Сложные формы изъявительного наклонения 127
Словообразование глаголов 129
Отглагольное производство глаголов 130
Сложные глаголы 133
Значение залогов 134
Управление глаголов в связи с учением о залогах 137
Причастия 138
Деепричастия 139
Форма на *-гъан* 146
Форма на *-агъан* 156
Форма на *-ажакъ* 158
Порядок слов в простом предложении 160
Согласование подлежащего со сказуемым 170
Категории определенности и неопределенности 172
Определительная группа существительных 176
Служебные имена 183
Безличные обороты 188
О придаточных предложениях 191
Порядок слов в сложно-подчиненном предложении 196
Условный период 197
Уступительный оборот 200
Придаточные определительные 201

Редакторы издательства
Т. Г. Брянцева, Р. А. Зарецкая

Технический редактор *О. И. Персиянинова*
Корректор *Л. М. Шиловцева*

Сдано в набор 22/VIII 1939 г. Подписано к печати 22/X 1940 г. РИСО № 1114. АНИ № 1419
Формат 70×108 1/16. Объем 12 7/8 печ. л. Уч.-изд. л. 14,64. В печ. л. 46 720 тип. зн. Тираж 1200 экз. А-32437. Заказ № 786.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, Вас. Остр., 9 линия, 12.